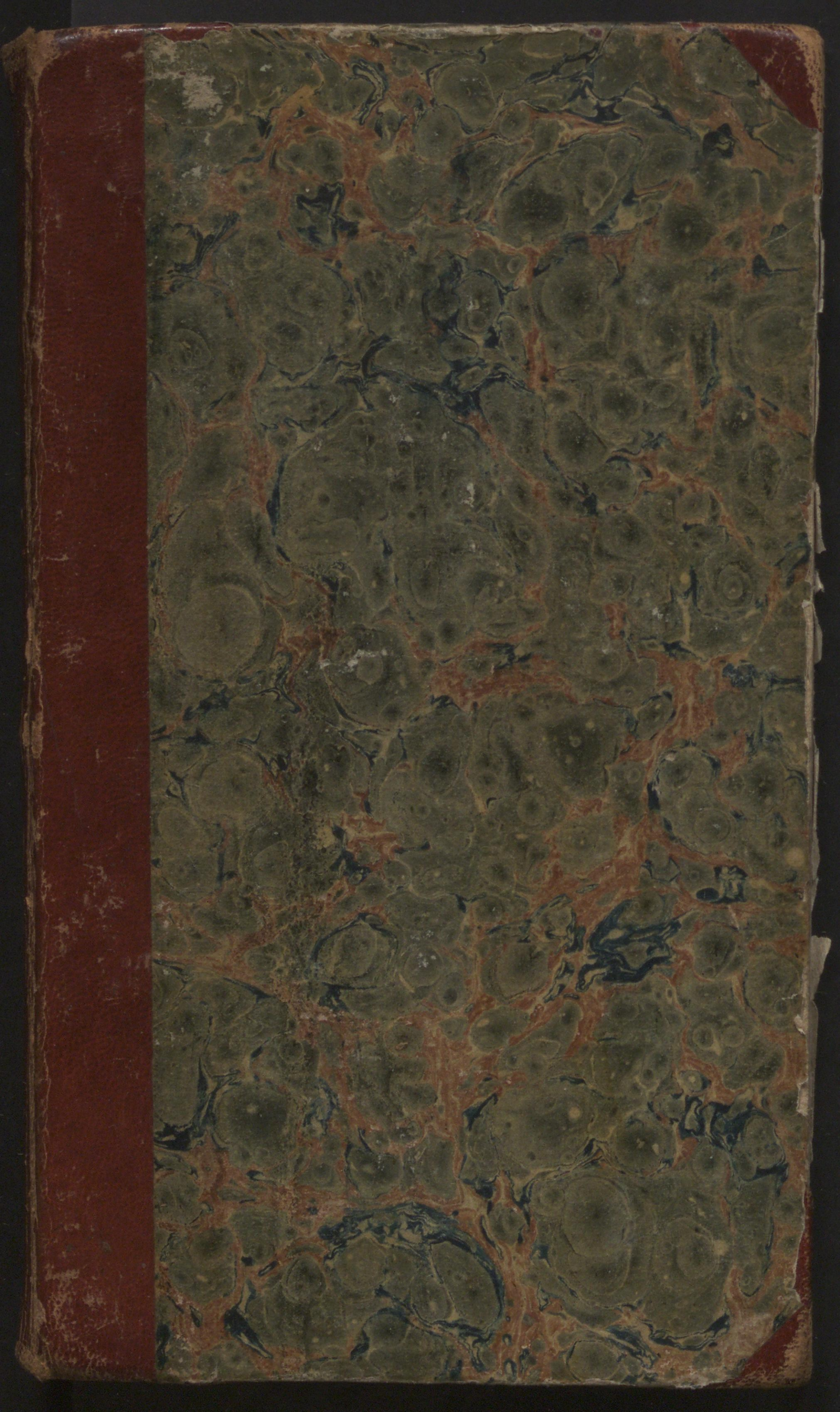

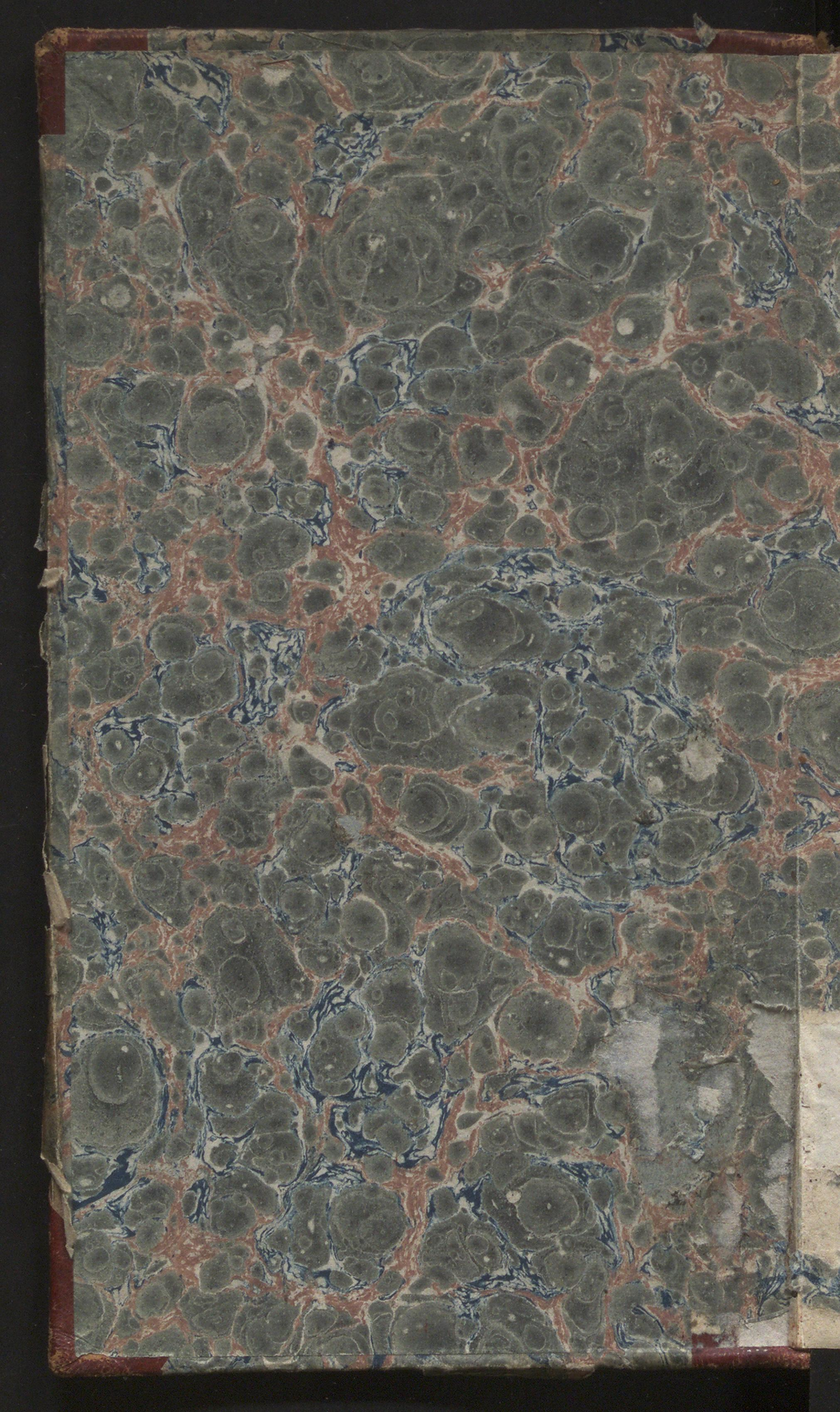

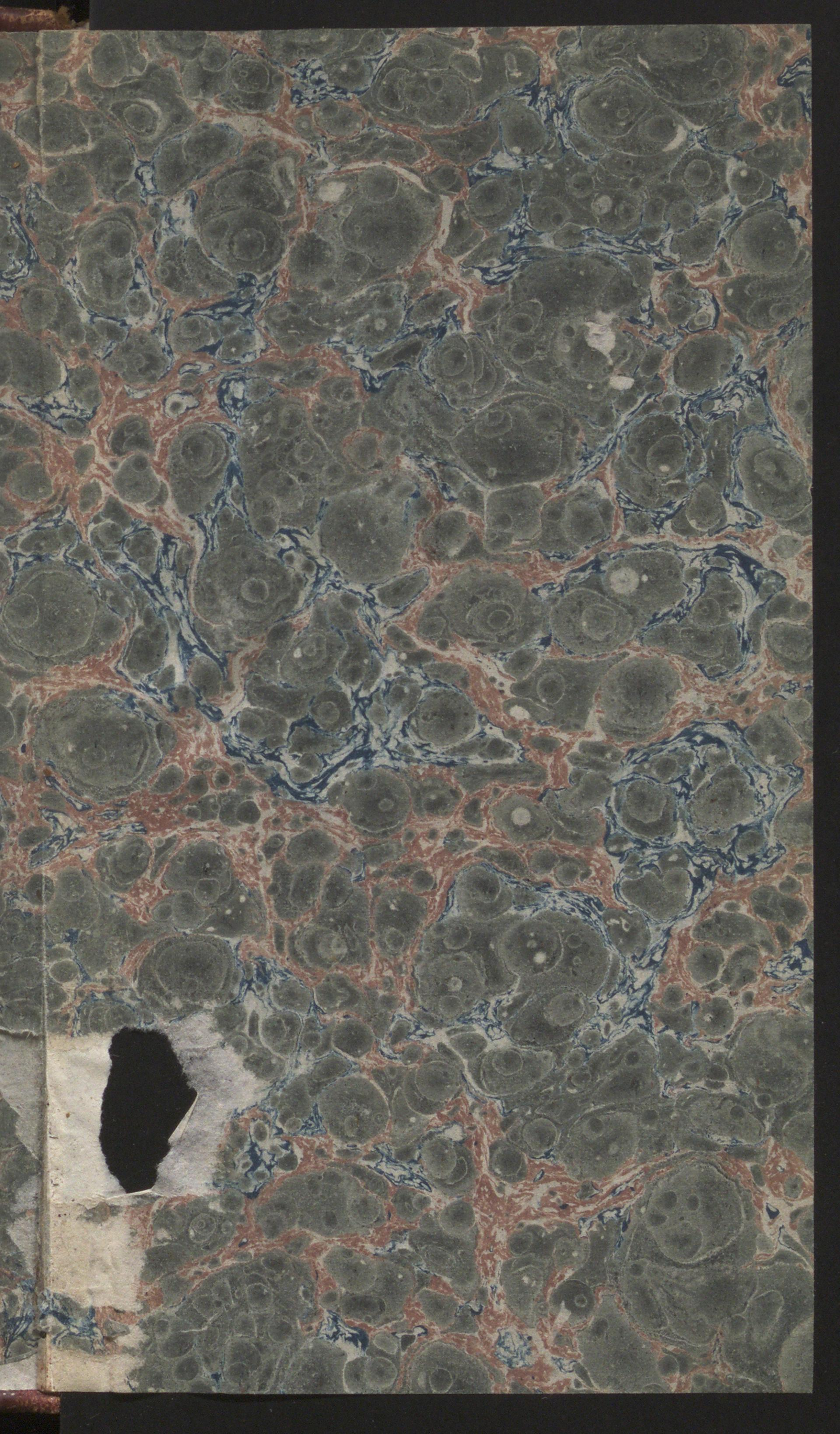

№91

ОТБОРНЫЕ ПЛОДЫ
ВЕЛИКИХЪ
КАКЪ ДРЕВНИХЪ ТАКЪ И НОВѢЙШИХЪ УМОВЪ,
съ присовокупленіемъ
ИЗРЕЧЕНІЙ ВОСТОЧНЫХЪ МУДРЕЦОВЪ,
Выбранныхъ изъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ сочиненій.

Изъ Гербелотовой Восточной Библіотеки.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

1795.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Отборные Плоды великихъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ умовъ*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VII.

Оглавленіе.

I.

Созерцанїе чудесъ, видимыхъ въ человѣкѣ, разсуждаемомъ въ физическомъ состоянїи, и

Въ разсужденїи удивительнаго строенїя, положенїя, употребленїя и преимущества нашихъ чувствъ предъ чувствами животныхъ.

Природа всѣхъ животныхъ здѣлала поникмыми или наклонными къ землѣ. Одинъ человѣкъ такъ сотворенъ, что стоитъ прямо, и лице его обращено вверьхъ. Сїе устроено для того, что всѣ животныя сотворены отъ земли; а потому и взоръ свой на нее

должны устремлять. А человѣкъ, хотя также тѣло имѣетъ отъ земли, но не состоитъ изъ одного тѣла. Душа, которую онъ получилъ свыше, есть лучшая и превосходнѣйшая его часть. И потому человѣкъ посправедливости Природою такъ устроенъ, что очи его обращены вверьхъ; дабы чрезъ то могъ показывать, что та часть, которая его оживляетъ, и отъ прочихъ животныхъ отличаетъ, сниспослана ему свыше.

И такъ человѣкъ стоитъ прямо; и чувствами своими объемлетъ вещи, какъ надъ головою его находящїяся, такъ и ногами его попираемыя. Но чтобъ посредствомъ ихъ удобнѣе и безпрепятственнѣе могъ онъ познавать различные предметы; то они въ головѣ, какъ будто въ нѣкоторомъ укрѣпленномъ отвсюда мѣстѣ, съ удивительнымъ искуствомъ помѣщены и расположены. Глаза, такъ какъ надзиратели, занимаютъ самое высокое мѣсто; дабы оттуда, взирая на различныя вещи, могли исполнять свою должность. Уши также, поелику должны принимать въ себя звукъ, которой естественно стремится вверьхъ, прилично поставлены на высокомъ мѣстѣ. Подобно и

ноз-

ноздрямъ вверьху опредѣлено мѣсто: потому что всякой запахъ восходитъ къ верьху. И поелику онѣ весьма много пособляютъ намъ судить о свойствахъ пищи и питія; то не безъ причины помѣщены близъ рта. Равномѣрно и вкусу, которой долженъ разбирать роды различныхъ яствъ, опредѣлено такое мѣсто во рту, чрезъ которое Природа здѣлала свободный проходъ для твердой и жидкой пищи. Осязаніе же разлито равномѣрно по всему тѣлу нашему, дабы мы могли чувствовать всѣ удары и всѣ излишнія жару и холода прикосновенія. И какъ Архитекторы, при строеніи домовъ, удаляютъ отъ глазъ и ноздрей хозяина все то, что необходимо должно въ себѣ имѣть что нибудь нечистое и отвратительное; такъ и Природа удалила и скрыла отъ чувствъ нашихъ все то, что есть сему подобное въ нашемъ тѣлѣ.

Какой другой Художникъ могъ соблюсти столь великое тщаніе въ составленіи чувствъ, естьли не сама Природа, которой ничто не можетъ быть искуснѣе? Она покрыла и оградила глаза наши тончайшею перепонкою, и здѣлала ее прозрачною, чтобъ чрезъ нее все было видно, и вмѣстѣ твердою, чтобъ гла-

за всегда находились въ своемъ мѣстѣ. Самимъ же глазамъ дала свободу то туда то сюда двигаться и обращаться, дабы могли уклоняться отъ того, что имъ можетъ нанести вредъ, и простирать взоръ, куда угодно. Да и зрачокъ самой, въ которомъ вся сила зрѣнія состоитъ, такъ малъ, что онъ удобно укрывается отъ того, что ему можетъ быть вредно. Вѣки, которыя служатъ вмѣсто покрывала глазамъ нашимъ, здѣланы весьма мягкими, дабы не могли попортить зрачка, и такъ искусно расположены, что могутъ весьма скоро и закрыться, дабы что нибудь въ нихъ не попало; и открыться, когда то надобно бываетъ. Все же сіе Природа такъ хитро устроила, что глаза открываются и закрываются съ удивительною и почти непримѣтною скоростію. Вѣки отвсюду окружены, какъ бы нѣкою оградою, волосами, которые не допускаютъ, дабы что нибудь попало въ отверстые глаза; а во время сна дѣлаютъ ту для глазъ выгодность, что они (поелику во время сна мы не имѣемъ въ нихъ нужды) будучи волосами какъ бы обернуты, лучше покоются. Особливое преимущество очей нашихъ со-

стоитъ

стоитъ въ томъ, что они отвсюда покрыты и ограждены возвышенными частями. Сверьху обведены онѣ бровями, которыя не допускаютъ доходить до глазъ поту, текущему съ головы и лба. Щеки, находящїяся подъ ними, и нѣсколько возвышающїяся, защищаютъ ихъ съ низу. Носъ такъ поставленъ, что кажется быть стѣною, раздѣляющею одинъ глазъ отъ другаго.

Но слухъ нашъ всегда отверстъ бываетъ: потому что мы имѣемъ нужду въ семъ чувствѣ и тогда, когда спимъ, и когда оно прїиметъ въ себя какой нибудь звукъ, то мы тотчасъ отъ сна пробуждаемся. Скважина, или дорога, по которой звукъ идетъ, устроена витою и искрывленною для того, чтобъ ничто въ нее не могло вползти; что конечно было бы, естьли бы она была прямая и ровная. Сверхъ сего Природа сїю дорогу наполнила вязкою матерїею, которую мы называемъ сѣрою, съ тѣмъ, чтобъ, естьли какое нибудь маленькое животное хотѣло бы туда вползти, въ сѣрѣ, какъ бы въ клею, могло увязнуть. Снаружи видны выставившїяся уши, устроенныя для прикрытїя и защищенїя сего чувства, и дабы

 при-

приближившійся къ намъ звукъ не расходился и не ослабѣвалъ, но ударялъ въ нихъ и дѣлался отъ того громчае. Онѣ тверды и хрящеваты, и имѣютъ многіе выгибы: потому что посредствомъ сихъ вещей звукъ сильнѣе отзывается, и болѣе распространяется. Сіе мы видимъ въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментахъ, въ которыхъ отъ черепахи и отъ рогу звукъ возвышается, и во всѣхъ мѣстахъ запертыхъ, имѣющихъ много перегородокъ и закоулокъ, въ которыхъ голосъ отдается гораздо сильнѣе и чувствительнѣе.

Подобно и ноздри, которыя всегда для необходимыхъ надобностей нашихъ отверсты, имѣютъ проходы ускіе, чтобъ ничто вредное въ нихъ взойти не могло. Сверьхъ сего безпрестанно въ нихъ держится мокрота, которая служитъ къ отвращенію пыли и другихъ безполезныхъ вещей.

Вкусъ весьма изрядно огражденъ: ибо онъ находится во рту, и потому, какъ безпрепятственно можетъ различать одну пищу отъ другой, такъ и надежнѣе въ ономъ можетъ быть сохраненъ.

Всѣ

Всѣ сіи чувства человѣческія гораздо превосходнѣе чувствъ прочихъ животныхъ. И вопервыхъ глаза наши въ тѣхъ художествахъ, которыя наипаче разсматриваются глазами, какъ то въ Живописи, въ Лѣпленіи, въ Рѣзьбѣ, въ различеніи вещей, въ движеніяхъ и обращеніяхъ тѣлъ, открываютъ то, что чувствамъ животныхъ познать никакъ не можно. Глаза наши также находятъ въ цвѣтахъ и фигурахъ красоту, стройность и размѣръ. И что еще того важнѣе; они различаютъ добродѣтели и пороки; на примѣръ, они узнаютъ, кто раздраженъ, и кто спокоенъ, кто веселъ, и кто печаленъ; кто мужественъ, и кто труслив; кто отваженъ, и кто боязливъ.

Уши также не менѣе достойны удивленія, судя потому познанію, какое имѣютъ они въ разсужденіи голосовъ, звоновъ, струнъ и пѣнія. Они въ нихъ различаютъ остановки, раздѣленія, повышенія и пониженія; и даютъ намъ знать, какой голосъ есть звонокъ, и какой тихъ; какой свѣтелъ, и какой сиповатъ; какой густъ, и какой тонокъ; какой пріятенъ, и какой отвратителенъ.

Обонянiе, вкусъ и осязанiе имѣютъ также удивительныя дѣйствiя. Для услажденiя и удовольствованiя сихъ чувствъ болѣе изобрѣтено средствъ, нежели сколькобъ было желательно. Ибо всѣмъ извѣстно, до какой безмѣрности дошло составленiе благовонныхъ мастей, прiуготовленiе различныхъ яствъ, и прочiя искуства, служащiя къ изнѣженiю и ослабленiю тѣла.

---

(2)

Въ разсужденiи удивительныхъ дѣлъ, которыя мы производимъ руками.

Сколь щедро Природа человѣка награгила, давши ему руки, способныя и нужныя къ обращенiю во многихъ и различныхъ художествахъ! Персты наши, по причинѣ мягкости членовъ и составовъ, протягиваются и згибаются безъ всякой трудности; а такимъ образомъ рука наща сдѣлалась удобною къ писанiю, къ вырѣзыванiю, къ лѣпленiю и къ произведенiю различныхъ звоновъ на струнахъ и трубахъ. Но сiе только къ увеселенiю служитъ.

Чтожъ

Чтожъ касается до самыхъ нуждъ житейскихъ; то руки наши воздѣлываютъ землю, строютъ домы, ткутъ и шьютъ одежду для тѣла, куютъ и выдѣлываютъ мѣдь и желѣзо. Изъ сего удобно понять можно, что все то, что разумъ нашъ изобрѣтаетъ, а чувства разбираютъ, руки художниковъ производятъ въ дѣйствіе. И такъ помощію рукъ мы все то пріобрѣли, чѣмъ отъ воздушныхъ перемѣнъ себя защищаемъ, чѣмъ прикрываемъ тѣло, чѣмъ сохраняемъ здоровье; т. е. мы руками нашими состроили города, стѣны, домы и храмы.

Сверьхъ сего руками умѣемъ мы перемѣнять и умножать пищу. Ибо поля, воздѣланныя руками нашими, обильные приносятъ плоды, которые мы, или тотчасъ свѣжіе употребляемъ въ пищу, или въ запасъ для будущаго времени оставляемъ. Кромѣ того, поелику мы питаемся животными, и въ водѣ плавающими, и въ воздухѣ летающими; то и въ семъ случаѣ руки великое дѣлаютъ намъ пособіе, когда мы животныхъ или ловимъ, или дома разводимъ. Для воженія насъ и для пренесенія тяжестей нашихъ, мы укрощаемъ четвероногихъ животныхъ, которыхъ

сила и скорость замѣняетъ нашу слабость и медленность. Мы на нѣкоторыхъ изъ нихъ бремена полагаемъ; а другихъ въ возы запрягаемъ. Мы въ пользу нашу употребляемъ остроту чувствъ слоновыхъ. Мы сильнымъ обоняніемъ псовъ забавляемся. Мы изъ разалинъ земныхъ извлекаемъ желѣзо, вещь необходимо нужную въ воздѣлываніи полей. Мы открываемъ и достаемъ мѣдь, серебро и золото, сіи глубоко сокровенные отъ насъ металлы; но служащіе и къ употребленію и къ украшенію. Посѣкая руками дерева и другія произрастѣнія, предаемъ оныя огню, и симъ образомъ согрѣваемъ наше тѣло, и варимъ пищу. Сверьхъ сего употребляемъ ихъ на зданіе домовъ для защищенія себя отъ излишняго холода и жару; а наипаче на строеніе кораблей, на которыхъ отъ концевъ всея вселенныя привозимъ себѣ въ великомъ изобиліи нужныя въ жизни вещи. Изъ всѣхъ животныхъ только одни мы искусны въ мореплаваніи, и управляемъ самыми сильнѣйшими и свирѣпѣйшими въ Природѣ стихіями, то есть, морями и вѣтрами, и чрезъ то получаемъ великое множество морскихъ

вещей

вещей для употребленія нашего. А что земля производитъ, то въ полномъ владѣніи у человѣка находится. Мы пользуемся полями и горами: рѣки и озера суть наши, намъ подвластны. Мы сѣемъ хлѣбъ, и дерева насаждаемъ. Мы приведеніемъ воды чрезъ каналы умножаемъ плодородіе земли. Мы останавливаемъ рѣки, даемъ имъ прямое теченіе, и прочь отводимъ: мы наконецъ нашими руками въ самой Природѣ какъ бы другую Природу произвести тщимся.

---

(3)

Въ разсужденіи удивительнаго строенія человѣческаго тѣла.

Къ продолженію жизни, какъ прочихъ животныхъ, такъ и нашей, нужны необходимо сіи три вещи, пища, питіе, дыханіе. Для исправленія сего весьма пристойно устроенъ ротъ. Зубы, въ немъ находящіеся, жуютъ, умягчаютъ и измѣляютъ пищу. Изъ нихъ тѣ, которые напереди, раздѣляютъ ее, а которые назади, и называются коренными, изминаютъ: чему безъ сомнѣнія не мало пособляетъ и языкъ.

За языкомъ слѣдуетъ горло, чрезъ которое проходитъ пища и питіе, и которое, съ обѣихъ сторонъ касаясь челюстей, ограничивается небомъ. Когда пища движеніемъ и понужденіемъ языка дойдетъ до сего мѣста, то оттуда проходитъ далѣе, и опускается ниже. Въ продолженіе сего опущенія, нижнія части горла разширяются; а верхнія сжимаются. Но какъ тотъ каналъ, которымъ проходитъ дыханіе, кончится близъ корня языка, то, дабы въ него что нибудь изъ пищи не попало, и тѣмъ дыханіе не остановилось, прикрытъ онъ какъ бы нѣкоторою покрышкою.

Мѣсто, въ которое опускается чрезъ горло пища и питіе, называется желудкомъ. Въ немъ можно примѣтить много удивительнаго; и во первыхъ, что онъ принявши въ себя пищу, какая бы она ни была, сухая или жидкая, содержитъ ее до извѣстнаго времени, дабы она могла свариться. Сверхъ сего, то сжимается, то разширяется, и пищу въ себѣ мѣшаетъ и ворочаетъ, дабы тѣмъ удобнѣе и жаромъ, внутри его въ довольномъ количествѣ находящимся, и самымъ треніемъ ее умягчить и сварить, а

послѣ

послѣ сего раздѣлить по всѣмъ частямъ тѣла.

Въ легкомъ находится нѣкоторая ноздреватость, и грецкой губкѣ подобная мягкость, весьма способная къ прїятїю воздуха. Оно выпуская изъ себя его, сжимается, а принимая въ себя, расширяется, дабы чрезъ то воздухъ, которой почитается главною пищею всѣхъ животныхъ, безпрестанно обращался и перемѣнялся. Въ желудкѣ отъ пищи отдѣлившїйся сокъ, которымъ мы питаемся, протекаетъ къ печенкѣ чрезъ нѣкоторыя прямо проведенныя дороги, которыя касаются самой печенки, и къ ней прицѣплены. Когда отъ сего сока отдѣлится желчь, и тѣ мокроты, которыя происходятъ отъ почекъ, то онъ превращается въ кровь, и вливаяся въ нѣкоторую жилу, проходитъ чрезъ нее, и доходитъ до сердца; а отъ сердца расходится по всему тѣлу посредствомъ весьма многихъ и всѣ части тѣла переплетающихъ жилъ. Но какимъ образомъ остальная пища извергается вонъ, то сжатїемъ, то расширенїемъ внутреннихъ частей; сїе не трудно изъяснить. Впрочемъ я разсудилъ сїе опустить, дабы не сказать

чего

чего нибудь неблагопристойнаго и отвратительнаго. Лучше откроемъ яснѣе невѣроятную хитрость Природы въ другихъ вещахъ.

Воздухъ, которой посредствомъ дыханія проходитъ въ легкое, нагрѣвается сперва отъ воздуха, внутри находящагося, а по томъ отъ прикосновенія къ легкому. Одна часть его выдыханіемъ выходитъ вонъ, а другая уходитъ въ одно отверстіе сердца, близъ котораго есть и другое, въ которое втекаетъ кровь, проходя отъ печенки къ сердцу чрезъ вышеупомянутую жилу. Такимъ образомъ изъ сихъ отверстій кровь посредствомъ жилъ, а воздухъ чрезъ свои артеріи разливается во все тѣло. Частыя все тѣло переплетающія жилы и артеріи представляютъ искусство Природы невѣроятное и хитрость безпримѣрную.

Что сказать о костяхъ, на которыхъ основывается все тѣло, и которыя чудныя имѣютъ между собою сцѣпленія, нужныя къ утвержденію тѣла, и къ соединенію членовъ, способныя къ произведенію движенія, и къ исправленію дѣйствій, относящихся ко всему нашему тѣлу? Не для чего уже говорить о нервахъ, на которыхъ члены содержатся,

жатся, и о ихъ удивительномъ переплетенiи, простирающемся по всѣмъ частямъ тѣла. Они, такъ какъ жилы и артерiи, взявъ свое начало въ сердцѣ, расходятся по всему тѣлу.

---

(4)

Въ разсужденiи того, что все въ свѣтѣ сотворено для человѣка.

Можетъ быть спроситъ кто нибудь: для кого сотворено столь безчисленное множество вещей? — Не для деревъ ли и травъ, которыя хотя чувства не имѣютъ, однако въ Природѣ находятся? — Сему никакъ статься не можно. Такъ не для скотовъ ли? — Но и подумать не можно, чтобъ Природа для безсловесныхъ и ничего неразумѣющихъ животныхъ столько трудилась. Такъ для когожъ, спроситъ наконецъ, сотворенъ сей Мiръ? — Конечно для тѣхъ животныхъ, которыя одарены разумомъ и волею, и которыхъ безъ сомнѣнiя нѣтъ ничего въ свѣтѣ лучше.

Весь видимый нами Мiръ не иначе можно почесть, какъ общимъ всѣхъ людей домомъ,

момЪ, или городомЪ, и какЪ онЪ самЪ, такЪ и всѣ вещи, вЪ немЪ содержащїяся, созданы для пользы человѣка. Аѳины и Лакедемонъ безЪ сомнѣнїя построены были для АѳинянЪ и ЛакедемонцевЪ; и что вЪ сихЪ городахЪ находилось, конечно принадлежало симЪ народамЪ: такЪ и все то, что мы вЪ свѣтѣ видимЪ, человѣку принадлежащимЪ почитать должно. А хотя обращенїе Луны и прочихЪ звѣздЪ относится кЪ связи и стройности всего Мїра, однако оно людямЪ прїятное представляетЪ зрѣлище. Ибо нѣтЪ ни единаго предмета, которой бы былЪ сего превосходнѣе и прекраснѣе, и которой бы больше могЪ занять нашЪ разумЪ и тщанїе наше. Мы измѣрили теченїе сихЪ свѣтилЪ: мы узнали ихЪ перемѣны и обращенїя. И поелику все сїе извѣстно одному только человѣку, то безЪ сомнѣнїя надобно заключить, что все сїе для него же и устроено.

Не думаетЪ ли кто, что Земля, преисполненная плодами и великимЪ множествомЪ полезныхЪ намЪ произрастѣнїй, сотворена не для людей, а для звѣрей? — Но одна виноградная лоза, на которой вЪ великомЪ изобилїи растущїе прїятнѣйшїе плоды

до животныхъ ни мало не надлежатъ; одинъ розовой кустъ, котораго прекрасные цвѣты услаждаютъ нашъ взоръ и обоняніе, даютъ намъ знать, что все для насъ устроено. Ибо животныя плодовъ и цвѣтовъ не умѣютъ ни садить, ни разводить, ни во время собирать, ни ими пользоваться, ни ихъ хранить. Одинъ только человѣкъ о сихъ вещахъ старается, и знаетъ ихъ употреблять въ свою пользу.

Всякой скажетъ, что музыкальные инструменты здѣланы для тѣхъ, которые въ Музыкѣ искусны, и потому ихъ употреблять могутъ: равнымъ образомъ надобно признаться, что всѣ оныя вещи, о которыхъ выше сказано, произведены для тѣхъ, которые ими пользоваться умѣютъ. А хотя и не рѣдко случается, что животныя крадутъ и уносятъ что нибудь у людей; однако изъ сего не можно заключить, чтобъ все оное для нихъ было создано. Ибо люди хлѣбъ заготовляютъ и берегутъ не для мышей и муравьевъ; но для пропитанія своихъ женъ, дѣтей, и всѣхъ въ домѣ съ ними живущихъ. И такъ пользуются и животныя хлѣбомъ; но тайно и украдкою; а на-

стоящіе хозяева явно и свободно. Изъ сего ясно усмотрѣть можно, что все сіе обиліе вещей произведено для человѣка.

Возможно ли повѣрить, чтобъ Земля со всѣми содержащимися на ней вещами принадлежала неразумнымъ животнымъ, когда и они сами раждаются для человѣка? На что другое потребны овцы, какъ не на то, чтобъ люди снявши съ нихъ шерсть, и выткавши изъ нее сукна, могли ими одѣваться? Но тѣ же самыя овцы безъ помощи и старанія нашего ни кормиться, ни жить, и никакого плода принести не могутъ. Ежедневнымъ опытомъ извѣдываемая собакъ вѣрность къ своимъ хозяевамъ, ихъ пріятное ласканіе, ихъ нестерпимая ненависть къ посторон нимъ, ихъ невѣроятная проницательность въ исканіи звѣрей, ихъ великая охота къ ловлѣ, что другое означаютъ, какъ не то, что они родятся для пользы человѣка? Что сказать о быкахъ, которыхъ самые хребты показываютъ ясно, что они не сотворены къ ношенію тягостей? Но напротивъ кажется, что шеи ихъ отъ природы расположены подъ ярмо; а крѣпость силъ и широта плечь ихъ означаютъ, что они опредѣлены къ влеченію плуговъ.

Много

Много надобно времени, чтобъ изобразить всѣ выгоды, которыя приносятъ намъ лошади и ослы; то только справедливо, что и они родятся для людей. Какая бы была польза въ свиньѣ, естьли бы ее не употребляли въ пищу? А чтобъ она заколотая не испортилась; то для сего кладутъ ее въ соль, и тѣмъ ей, какъ говоритъ Хрисиппъ, новую даютъ душу. И поелику сїе животное служитъ изрядною пищею людямъ; то Природа ничего не произвела его плодовитѣе. Что уже говорить о множествѣ и прїятности какъ рыбъ, такъ и птицъ, которыя мы съ великимъ удовольствїемъ употребляемъ въ пищу? Но ихъ бы не возможно было поимать, естьли бы человѣкъ не употреблялъ своего на то искуства и тщанїя.

Чтожь касается до дикихъ и лютыхъ звѣрей; то ихъ мы ловимъ, гоняяся за ними; и чрезъ то или умножаемъ нашу пищу, или упражняяся въ ловлѣ, прїобучаемся къ воинскимъ дѣйствїямъ, или наконецъ укротивши ихъ и сдѣлавши смирными, употребляемъ для своей пользы и для увеселенїя. Кромѣ сего, изъ мяса животныхъ

 по-

получаемъ весьма много лѣкарствъ, служащихъ къ исцѣленію нашихъ болѣзней; равно какъ и во многихъ деревахъ и травахъ находимъ врачебную силу, и о пользѣ ихъ увѣряемся, употребляя и испытывая ихъ чрезъ продолжительное время.

Пройдемъ теперь мысленными очами нашими всю землю и всѣ моря. — Мы тотчасъ узримъ безмѣрныя пространства полей, обремененныхъ безчисленнымъ множествомъ плодовъ и произрастѣній; мы увидимъ высокія горы, покрытыя густѣйшими лѣсами; представятся очамъ нашимъ премногія стада пасущихся скотовъ, и зрѣніе наше не можетъ насытиться взирая, какъ корабль съ невѣроятною быстротою разсѣкаетъ морскія волны и совершаетъ свое плаваніе. Да и не только на поверхности земли; но и въ самыхъ ея нѣдрахъ заключаются премногія вещи, для насъ полезныя; и какъ искуство обрѣтать и извлекать сіи вещи одинъ человѣкъ имѣетъ; то и изъ сего видно, что все сіе для человѣка устроено.

Сверьхъ сего различныя и въ различныхъ мѣстахъ находящіяся выгоды конечно устроены для человѣческой жизни. Рѣка Нилъ напояетъ

поетъ Египетъ, и чрезъ все лѣто покрывая его водами своими, землю умягчаетъ; и наполнивши ее иломъ, дѣлаетъ поля способными къ сѣянію. Рѣка Ефратъ производитъ плодородіе въ Месопотаміи, и каждой годъ какъ бы новыя поля ей съ собою приноситъ. А Индъ, самая большая изъ всѣхъ рѣкъ, не только водою умягчаетъ и утучняетъ землю, но и засѣваетъ. Ибо сказываютъ, что онъ великое множество различныхъ сѣмянъ съ собою приноситъ. Можно представить и другія достойныя примѣчанія рѣдкости, въ различныхъ мѣстахъ находящіяся; можно найти много полей, отъ различныхъ причинъ приносящихъ плоды въ великомъ обиліи; но сіе будетъ излишно.

Сколь же великимъ должно почесть оное благодѣяніе Природы, что она раждаетъ столь много различныхъ и весьма пріятныхъ вещей для пищи нашей; да и притомъ не въ одно, но во всякое время года, дабы мы увеселялися перемѣною, новостію и изобиліемъ оныхъ! Сколь она устрояетъ премудро, и не только для насъ, но и для неразумныхъ животныхъ полезно, что въ пристойное и нужное время повелѣваетъ

дуть различнымъ вѣтрамъ! Ибо иные изъ нихъ безмѣрные умѣряютъ жары, а другїе излишнїй прогоняютъ холодъ. На сихъ вѣтрахъ несутся мореплаватели, и свое путешествїе скоро совершаютъ.

Самая перемѣна и взаимное обращенїе дня и ночи сохраняетъ насъ, и вмѣстѣ другихъ животныхъ, показывая время, когда надобно заниматься трудами, и когда покоиться.

Хотя о многомъ сказано; однако болѣе того опущено. Ибо не можно изчислить великїя выгоды, какїя мы получаемъ отъ рѣкъ, отъ приливовъ и отливовъ морскихъ, отъ горъ, покрытыхъ зеленѣющимися травами и деревами, отъ самыхъ источниковъ, удаленныхъ отъ морскихъ береговъ, отъ земель, со избыткомъ наполненныхъ спасительными лѣкарствами, отъ безчисленныхъ наконецъ художествъ, нужныхъ къ продолженїю нашей жизни и къ содержанїю нашему.

---

(5)

Въ разсужденіи того, что Міръ сей для человѣка сотворенъ прекраснымъ и удивительнымъ зрѣлищемъ.

Вселенная, во всей своей красотѣ и въ порядкѣ единожды уставленномъ доселѣ существующая, есть безъ сомнѣнія безпримѣрное чудо. Сколь въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ Міръ сей, въ которомъ мы обитаемъ! Какое великолѣпіе, какое различіе и строеніе всѣхъ тварей, которыя въ немъ заключаются!

И вопервыхъ, когда мы обращаемъ очи наши на ту часть Міра, которая надъ главами нашими обращается; то къ удивленію нашему видимъ мы огненные шары, совершающіе свое теченіе.

Солнце, которое занимаетъ первенство между всѣми свѣтилами, сниспосылаетъ свѣтъ въ извѣстномъ разстояніи окружающимъ его тѣламъ, между которыми и Земля, нами обитаемая, освѣщается и согрѣвается его лучами. По причинѣ обращенія ея около солнца, которое совершается въ цѣлой нашъ годъ, и около своей оси, которое бы-

бываетъ въ двадцать четыре часа, происходитъ въ одной ея половинѣ ночь, а въ другой день. Ибо та сторона земли, которая обращена бываетъ къ солнцу, принимаетъ отъ него свѣтъ, а противная ей, не имѣя солнечныхъ лучей, покрыта бываетъ мракомъ. Въ разсужденіи различнаго приближенія къ солнцу, или удаленія отъ него различныхъ мѣстъ земли, различное въ нихъ бываетъ приращеніе теплоты или стужи, а отъ сего происходятъ четыре части года, которыя мы называемъ Весною, Лѣтомъ, Осенью, и Зимою.

Что касается до Луны, то она теченіе свое совершаетъ въ продолженіе мѣсяца, и заимствуя отъ солнца свѣтъ, чѣмъ ближе къ нему подходитъ, тѣмъ менѣе испускаетъ отъ себя свѣта, а чѣмъ далѣе отъ него отходитъ, тѣмъ болѣе свѣтлою намъ кажется. Сей заимственной отъ солнца свѣтъ Луна къ намъ посылаетъ, и не рѣдко случается, что она ставши прямо въ срединѣ между солнцемъ и землею, закрываетъ его отъ насъ, и не допускаетъ его лучамъ доходить до земли, или и сама затмѣвается, когда между солнцемъ и Луною

въ

въ срединѣ будетъ стоять земля, и потому воспрепятствуетъ лучамъ проходить къ ней отъ солнца.

Въ семъ же пространствѣ около солнца обращаются и оные Міры, которые Планетами называются. За ними слѣдуетъ неизчислимое множество звѣздъ, которыя столь искусно расположены, что изъ сходства ихъ съ нѣкоторыми вещами, сихъ вещей имена имъ приданы. Что можетъ быть удивительнѣе, прекраснѣе и величественнѣе сего зрѣлища? Но его не можно описать словами, а лучше взирать на него очами.

Чтожъ касается и до Земли, то непогрѣшительно можно сказать, что Земля есть собраніе всѣхъ красотъ. Она украшена цвѣтами, покрыта травами, одѣта древами, обременена плодами, которые Природа разсѣяла повсюду въ такомъ обиліи и въ столь пріятномъ различіи, что глаза наши зрѣніемъ на нихъ не могутъ насытиться. Что сказать о источникахъ, источающихъ хладную влажность, о прозрачности водъ рѣчныхъ, о зеленѣющихъ коврахъ, лежащихъ на лугахъ и долинахъ, о ужасныхъ глубинахъ пещеръ и разсѣлинъ земныхъ, о уди-

вительныхъ высотахъ горъ, висящихъ надъ головами нашими, о безмѣрномъ пространствѣ полей, о сокровенныхъ въ нѣдрахъ земли золотыхъ и серебреныхъ рудахъ, и о безчисленномъ множествѣ мрамора? Сверьхъ сего сколь много различныхъ родовъ звѣрей и скотовъ! Сколь удивительно лѣтанїе и пѣнїе птицъ! —

Но о человѣческомъ родѣ не для чего уже говорить. Ихъ тщанїемъ поля, ихъ трудами берега, ихъ неусыпностїю острова блистаютъ, украшены будучи возвышенными зданїями, великолѣпными городами, прекрасными садами. Естьлибъ все сїе возможно было вдругъ такъ обозрѣть очами, какъ мы представляемъ въ умѣ, то сколь бы восхитительное и прелестное представилось намъ зрѣлище!

Естьли посмотримъ на море, то сколь прекраснымъ оно намъ покажется! Сколь прїятенъ видъ его, когда мы взираемъ, какимъ образомъ одна волна преслѣдуетъ другую, и наконецъ съ ужаснымъ шумомъ разбивается о берега и камни! Сколь безчисленное множество разновидныхъ острововъ, которыми море какъ бы усѣяно! Сколь велико

ве-

веселїе на берегахъ морскихъ, и въ тѣхъ селенїяхъ, которыя на нихъ построены! Сколь великое множество заключается въ морѣ различныхъ рыбъ, изъ которыхъ иныя на днѣ пребываютъ, иныя повсюду плаваютъ, а другїя сидя въ природныхъ своихъ черепахъ, у камней всегда находятся! Самое же море, омывающее своими водами берега земли, такъ тѣсно съ ней соединяется, что кажется, будто сїи два существа составлены изъ одного.

Надъ моремъ и надъ землею растилается и движется воздухъ, днемъ принимающїй въ себя свѣтъ, а ночью темноту. Онъ, иногда истончавши, подымается въ верьхъ; а въ другое время сгустившись, превращается въ облака. Онъ, принимая въ себя влажность, низпадаетъ на землю въ видѣ капель, которыя мы дождемъ называемъ, и ими напояетъ и плодотворитъ землю. Онъ, колебляся и стремяся въ различныя страны, производитъ вѣтры: онъ дѣлаетъ различныя въ году перемѣны холода и теплоты: онъ способствуетъ лѣтать птицамъ. Онъ наконецъ будучи втягиваемъ и выпускаемъ дыханїемъ животныхъ, тѣмъ ихъ живитъ и питаетъ.

И въ самыхъ животныхъ примѣчательное око сколь много найдетъ достойнаго удивленія? И вопервыхъ, Природа создала ихъ неизчислимое множество, и все свое истощила тщаніе, чтобъ каждое изъ нихъ невредимо пребывало въ своемъ родѣ. Ибо иныя изъ нихъ одѣты кожами, иныя покрыты шерстью, иныя окружены щетинами, иныя обведены перьями, иныя ограждены чешуею, иныя вооружены рогами, а другія снабдѣны крыльями.

Что касается до пищи животныхъ; то Природа премудро устроила, пріуготовивши каждому роду особливую и приличную пищу въ довольномъ изобиліи. А для пріятія ея сколь искусно соединила члены въ тѣлахъ животныхъ, и сколь удивительно составила тѣ части, которыя принимаютъ и варятъ пищу? Ибо всѣ внутренніе члены такъ въ нихъ устроены и расположены, что нѣтъ изъ нихъ ни единаго излишнаго; но всѣ нужны къ продолженію жизни. Таже Природа вложила въ животныхъ чувство и желаніе, дабы первымъ раздѣляли вредное отъ здороваго, а послѣднимъ позывались къ принятію пищи. Иныя изъ нихъ ходя, иныя пол-

ползая, иныя лѣтая, иныя плавая, находятъ пищу; иныя ее хватаютъ ртомъ и зубами, иныя зацѣпливаютъ когтями, иныя носами: иныя ее сосутъ, иныя клюютъ, иныя не разжевавши глотаютъ, а иныя жуютъ. Кромѣ сего, нѣкоторыя изъ нихъ такъ низки, что пищу съ земли весьма удобно носами достаютъ: другїя же поелику очень высоки, какъ-то гуси, лебѣди, журавли и верблюды; то для сего Природа дала имъ долгїя шеи. А слонамъ давши хоботъ, дала какъбы самыя руки; ибо безъ него имъ, по причинѣ величины тѣла, весьма было бы трудно доставать пищу.

Но тѣхъ животныхъ, которыя питаются животными другаго рода, Природа снабдила или силами, или скоростїю; а инымъ дала нѣкоторое искуство и хитрость: что видимъ на паукахъ, которые плетутъ сѣти, дабы въ нихъ запутывалися маленькїя животныя, и какъ скоро увидятъ что нибудь въ нихъ попавшееся; то вдругъ выскоча хватаютъ и съѣдаютъ. Устрица, заключающаяся въ двухъ большихъ раковинахъ, съ малою улиткою вступаютъ, какъбы въ нѣкоторой союзъ, дабы вмѣстѣ снискивать пищу.

щу. Ибо устрица, отворивши свои раковины, лежитъ на землѣ, а улитка смотритъ, и какъ скоро увидитъ, что какая нибудь маленькая рыбка взошла въ отверстыя раковины; то начинаетъ устрицу кусать, и тѣмъ даетъ ей знать о вшедшей въ нее добычѣ: а устрица, почувствовавъ ея кусанїе, тотчасъ сжимаетъ свои раковины; а такимъ образомъ два весьма между собою несходныя животныя вмѣстѣ достаютъ себѣ пищу, и ее пополамъ между собою раздѣляютъ.

Не меньше удивительны и тѣ водныя животныя, которыя раждаются на землѣ, какъ-то Крокодилы, черепахи и нѣкоторыя змѣи: ибо хотя онѣ родятся не въ водѣ; но какъ только начнутъ двигаться, тотчасъ ползутъ въ оную. Случается, что утиныя яйца кладутъ подъ куръ, которыя, выведши цыплятъ, ихъ кормятъ, какъ настоящїя матери; и утята за ними ходятъ: но какъ только увидятъ воду, какъ естественное свое жилище; то тотчасъ оставляютъ мать свою и уходятъ въ воду. Вотъ сколь великую любовь и стремленїе вложила Природа

да

да во всѣхъ животныхъ къ тому, что каждому изъ нихъ прилично и сродно!

Всегдашній опытъ показываетъ, что нѣкоторыя животныя взаимно другъ друга любятъ, а другія убѣгаютъ: нѣкоторыя всегда вмѣстѣ бываютъ, а другія безпрестанную войну ведутъ; и, что всего кажется быть удивительнѣе, всякое животное тотчасъ узнаетъ, кто ему врагъ, и кто не врагъ; хотя бы прежде никогда его не видывало. А какъ скоро непріятеля своего увидитъ; то тотчасъ, естьли можетъ, нападаетъ на него, и знаетъ, чѣмъ его уязвить, а себя защитить можетъ.

Слоны великую любовь имѣютъ къ человѣку: ибо сказываютъ, что они заблудившихся путешественниковъ выводятъ на дорогу, и оставляютъ ихъ безъ всякаго вреда. Но сколь ни велико сіе животное; однако весьма боится мыши, сего столь малаго животнаго; да и не ѣстъ того корму, въ которомъ ее увидитъ.

Ящерица столько любитъ человѣка, что какъ скоро его увидитъ, тотчасъ подымаетъ голову, и на него смотритъ. Естьли онъ плюнетъ; то слину его подлизываетъ. Естьли

же

же кому нибудь случится спать въ лѣсу, или на лугу; то она сохраняетъ спящаго отъ змѣй. Ибо когда она увидитъ, что змѣя къ человѣку приближается, и хочетъ его ужалить: начинаетъ бѣгать по лицу и по шеѣ его, и сіе до толѣ не перестаетъ дѣлать, пока человѣкъ отъ щекотанія и царапанія ея не проснется.

Подобно человѣка любитъ Делфинъ. Ибо онъ рыбакамъ пособляетъ ловить рыбу, загоняя ее къ нимъ въ сѣти; и даже попускаетъ себя бить, естьли въ ловлѣ какъ нибудь ошибется. Когда на морѣ плыветъ корабль; то они въ великомъ множествѣ къ нему приплываютъ, и весьма увеселяются, смотря на людей.

Сей же самый Делфинъ есть непримиримый врагъ Крокодилу, страшному рѣки Нила изчадію. Выходитъ онъ изъ моря въ сію рѣку, и будучи покрытъ чешуею, которой и желѣзнымъ оружіемъ пробить не можно, но не имѣя удобности кусать другихъ, (ибо ротъ у него очень загнутъ къ груди) стремительно несется противъ своего непріятеля, и приближившись къ нему, вдругъ опускается въ низъ, и подплывши

подъ

подъ него, острою костїю, которая у него на спинѣ находится, раздираетъ у Крокодила мягкое въ брюхѣ мѣсто.

Морской заяцъ есть неизлѣчимый для человѣка ядъ; естьлибъ кто не зная его укусилъ. Напротивъ, естьли человѣкъ только прикоснется къ нему; то заяцъ тотчасъ умираетъ.

Паукъ есть смертельной врагъ змѣямъ и жабамъ. Какъ скоро онъ увидитъ змѣю или жабу; то тотчасъ спускается по паутинѣ, и впустивши жало свое въ средину ея головы, столь жестокую дѣлаетъ рану, что она принуждена бываетъ умереть.

Чижъ столько страшится осла, что, ежели не подалеку услышитъ его голосъ, выбрасываетъ изъ гнѣзда свои яйцы; а естьли уже есть маленькїе дѣти, то они сами отъ страха выпадаютъ вонъ. Сїе можетъ быть происходитъ отъ того, что ослы любятъ тереться объ кусты, на которыхъ чижъ вьетъ гнѣзды, и ихъ тѣмъ раззоряютъ.

Крокодилъ весьма любитъ маленькую птичку, называемую Кроликомъ; и сїе происходитъ отъ того, что она влѣтаетъ къ

нему въ отверстой ротъ, и чиститъ въ зубахъ навязшую рыбу; а тѣмъ и сама питается.

Ястребъ голубямъ великой непріятель. Но ихъ защищаетъ отъ него птичка, называемая Тиннункулъ, которой вида и голоса весьма ястребъ боится. Сіе отъ природы знаютъ и голуби, и потому гдѣ сидитъ Тиннункулъ, отъ того мѣста не улѣтаютъ, надѣясь на покровителя.

Мыши весьма далеко бѣгаютъ отъ тѣхъ деревъ, подъ которыми живутъ муравьи. Можетъ быть муравьи ихъ больно кусаютъ, и потому онѣ не смѣютъ къ нимъ приближиться.

Сказываютъ, что есть нѣкоторая птица, называемая Платалея, которая достаетъ себѣ пищу такимъ образомъ: налѣтаетъ она на тѣхъ птицъ, которыя опускаются въ море для ловленія рыбы; и какъ онѣ съ добычею оттуда вынырнутъ, то она садится на нихъ, и до толѣ носомъ своимъ колотитъ ихъ въ голову, пока не оставляютъ ей поиманной рыбы. О ней же говорятъ, что она глотаетъ раковины и ими себя наполняетъ: когдажъ онѣ отъ жару въ же-

лудкѣ сварятся; то выблевываетъ ихъ вонъ, и по томъ выбираетъ изъ нихъ то, что годится въ пищу. Пишутъ также, что морскія лягушки зарываются въ песокъ, и когда рыбы плавая ихъ ищутъ; дабы нашедши съѣсть, то вмѣсто того лягушки, выскочивши вдругъ изъ песку, ихъ схватываютъ и съѣдаютъ.

Но то, что примѣчено въ журавляхъ; не знаю, кого не приведетъ въ удивленіе: Они прелѣтая изъ холодныхъ странъ въ теплыя, дѣлаютъ изъ себя видъ треугольника. Первымъ угломъ разсѣкаютъ воздухъ, а по обѣимъ сторонамъ крыльями, какъ веслами, летѣть себѣ помогаютъ. Самое же основаніе треугольника, которое составляютъ журавли, вмѣсто кормы поддерживаетъ вѣтеръ. Въ семъ видѣ они пролѣтаютъ великое пространство, и для отдохновенія своего тѣ, которые летятъ позади; кладутъ свои головы и шеи на спины переднихъ. Но какъ самый переднiй не можетъ сего сдѣлать (потому что нѣтъ ничего, на что бы онъ могъ опереться) то онъ, полетѣвши нѣсколько времени, перелѣтаетъ назадъ для отдохновенія, а его мѣсто засту-

 паетъ

паетъ одинъ изъ тѣхъ, которые отдохнули. Такая перемѣна во всей дорогѣ у нихъ наблюдается. И сїе все не удивительно ли?

Но кто не знаетъ, съ какимъ тщанїемъ животныя себя сохраняютъ? Кто не видалъ, какъ они отвращаются всего того, что имъ вредить можетъ? Кто не примѣтилъ, сколь они осторожны, когда ищутъ себѣ пищи, и сколь рачительно скрываются въ своихъ логовищахъ?

Не можно безъ удивленїя слышать и о томъ, что намъ Врачи открыли, извѣдавши на самомъ опытѣ. Они нашли, что собаки блеванїемъ: а Египетскїе Ибисы поносомъ, которой они производятъ извѣстными имъ средствами, очищаютъ свой желудокъ. Сказываютъ также, что Барсы, которыхъ нѣкоторыхъ народы отравливаютъ мясомъ, наполненнымъ яда, знаютъ лѣкарство къ отвращенїю сего зла, и употребивши его, не умираютъ. А дикїе козы на островѣ Критѣ, когда ихъ подстрѣлятъ ядовитыми стрѣлами, немедленно ищутъ травы, которая называется Диктамнъ; и какъ скоро ее укусятъ, то стрѣлы вдругъ изъ тѣла ихъ вонъ выпадаютъ.

И то достойно нашего примѣчанія, что каждое животное своимъ оружіемъ защищаетъ себя противъ насилія и нападенія. Быки рогами, Кабаны зубами, Львы грызеніемъ, отражаютъ своихъ непріятелей; а иныя бѣгствомъ, другія скрываясь себя сохраняютъ. Нѣкоторыя животныя другихъ отъ себя отгоняютъ выпущеніемъ изъ себя черной влажности, другія произведеніемъ онѣмѣнія въ своихъ членахъ, а многія изверженіемъ отвратительнаго и несноснаго запаха.

Но дабы свѣтъ сей пребывалъ въ одинаковой и непремѣнной красотѣ, то Природа великое употребила стараніе, чтобъ всегда были различные роды травъ, деревъ и всѣхъ тѣхъ вещей, которыя или въ землѣ раждаются, или на поверхности ея находятся. Для сей причины въ каждомъ родѣ вещей есть особливыя сѣмена, которыя такую имѣютъ силу, что изъ одного великое множество ихъ раждается. Сіи сѣмена заключаются во внутренности классовъ или ягодъ; и ими люди питаются, и засѣваютъ землю для полученія новыхъ плодовъ.

Что сказать о томъ, что Природа въ каждаго животнаго великое вліяла желаніе

къ продолженію своего рода? Для сего она устроила, что иныя суть самцы, а иныя самки. Отъ совокупленія ихъ раждается подобное имъ животное; и къ крайнему удивленію, у матерей тѣхъ животныхъ, которые питаются молокомъ, вся пища по рожденіи превращается въ молоко. А что и того удивительнѣе, новорожденныя животныя безъ всякаго руководства и ученія, по внушенію единыя токмо Природы, хватаются за сосцы, и ими питаются. И чтобъ болѣе увѣриться намъ, что Природа все разумно и прекрасно устроила, то примѣтьте, что она тѣмъ животнымъ, которыя вдругъ много дѣтей раждаютъ, какъ то свиньямъ и собакамъ много дала сосцовъ, а тѣмъ, которыя не много, дала ихъ мало.

Что уже говорить о томъ, сколь великую любовь показываютъ звѣри своимъ дѣтямъ, когда ихъ кормятъ и защищаютъ? Ибо любовь ихъ простирается до того, что они жизни своей не щадятъ. Хотя говорятъ, что рыба, выметнувши икру, ее оставляетъ; но этому дивиться не надобно; ибо она легко въ водѣ плодъ производитъ. Сказываютъ также, что Крокодилы и черепахи

пахи зарываютъ свои яйцы въ землю, и прочь уходятъ; но изъ нихъ птенцы сами родятся и выростаютъ. Противное сему мы видимъ въ курахъ и другихъ птицахъ: ибо онѣ, когда хотятъ высиживать дѣтей, то ищутъ безопаснаго мѣста, вьютъ гнѣзда, и ихъ, сколько возможно, устилаютъ мягко, дабы удобнѣе могли сохранить яйцы. Когда же выведутъ ихъ, то тщательно берегутъ, и крыльями своими защищаютъ ихъ отъ стужи, а тѣломъ своимъ отвращаютъ отъ нихъ солнечный жаръ; да и когда они начнутъ лѣтать, то и тогда не оставляютъ ихъ; но дотолѣ за ними слѣдуютъ, пока они совершенно не выростутъ. Не удивительны ли всѣ сїи влїянїя Природы?

Когда мы взираемъ и на произрастѣнїя земныя, то и въ нихъ находимъ премудрость Природы безконечную. Ихъ тончайшїя стебли столь искусно составлены, что держатъ на себѣ части, въ верху находящїяся, и втягиваютъ изъ земли сокъ для питанїя оныхъ. А чтобъ они отъ излишняго жара или отъ стужи не повредились, то покрыты кожею, корою, или листьями.

Но наипаче хитрость Природы безпримѣрная примѣчается въ составѣ колоса. Хотя по частому нашему на него взиранїю кажется онъ намъ вещїю ничтожною, и единственно для произращенїя и содержанїя сѣменъ сотворенною; но естьли мы хотя нѣсколько вникнемъ въ его бытїе, то удивленїе наше увеличится до безконечности. — Удобренная земля, прїявши въ мягкїя нѣдра свои сѣмя, брошенное земледѣльцемъ, долго его сокрываетъ, и будучи согрѣта солнечными лучами, даетъ сѣмени силу, изпустить изъ себя маленькїй росточикъ, которой оживотворенъ будучи теплою влагою, мало по малу распускается. Сей нѣжной начатокъ произрастѣнїя, заимствуя и притягивая изъ земли растительную силу, принимаетъ на себя зеленой видъ, и утверждаяся на тончайшихъ жилкахъ, изходящихъ также изъ сѣмени, нечувствительно произрастаетъ. По томъ поднимаясь въ колѣнчетый стебель, завивается и затворяется въ листахъ, влагалищамъ подобныхъ, изъ которыхъ выходя, показывается намъ въ видѣ колоса. Какъ колосъ поднимется; то видны въ немъ бываютъ многїе сосудцы, въ которыхъ зерны за-

заграждаются; и дабы они, или отъ стужи не повредились, или не загорѣли отъ солнечныхъ лучей, или лютостїю вѣтра и силою дождя не разрушились; то сїи самые сосудцы служатъ имъ мѣстомъ и рожденїя и сохраненїя. При первомъ устроенїи сихъ сосудцовъ показывается въ нихъ нѣкоторая влажность, которая мало по малу созрѣваетъ, и будучи согрѣваема солнечнымъ сїянїемъ, дѣлается сперва мягкимъ зерномъ, а по томъ и крѣпкимъ. На верьху классы ограждаются острою осью, подобною иголочкамъ, и ею, какъ бы изъ нѣкоего укрѣпленнаго мѣста, защищаются отъ птицъ, дабы онѣ лежащїя въ нихъ зерна не расхищали. А дабы отъ множества и тягости зеренъ стебли не ослабѣли и не переломились; то оные листы, влагалищамъ подобные, когда колосъ изъ нихъ выдетъ, развиваются и распускаются; а такимъ образомъ стебли и листы усугубленными силами тягость содержатъ, и не даютъ колосу склониться на землю. Примѣтить также и сїе должно, что зерны, доколѣ не созрѣютъ, твердо держатся въ своихъ мѣстечкахъ: а когда созрѣютъ совершенно; то поднимаются и вы-

ходятъ изъ нихъ, и какъ бы сами себя отдаютъ людямъ въ пищу. Внимательный умъ не уже ли будетъ столько нечувствителенъ, что разсуждая о семъ, ни мало не подивится столь премудрому строенію?

Не менѣе удивительнаго примѣтить можно и въ виноградной лозѣ. — Она по причинѣ слабости своей всегда къ паденію склонна, и ежели не будетъ подпорами поддерживаема, преклоняется на землю. Но дабы она могла приподняться; то хватается за подпоры завиточками своими, какъ будто руками, которыя то туда то сюда дотолѣ извиваются, доколѣ Вертоградари ихъ не обрѣжутъ, дабы отпрыски не умножились, и распространившись во всѣ стороны, не здѣлались негодными. По наступленіи весны изъ обрѣзанныхъ лозочекъ выходятъ почки, а изъ нихъ раждается виноградная кисть, которая, опушившись листьями, отвращаетъ ими отъ себя чрезмѣрный солнечный жаръ, но будучи согрѣваема умѣренною теплотою, и питаема земною влажностію, возрастаетъ, и бываетъ сперва крѣпкою и горькою, а потомъ созрѣвши, дѣлается мягкою и сладкою.

Сето

Сего плода что можетъ быть взору пріятнѣе, что вкусу усладительнѣе?

Симъ плодомъ оканчиваю я сей первый плодъ! — Проницательное око и зрѣлое разсужденіе болѣе могутъ найти въ красотахъ Природы дивностей и рѣдкостей, нежели сколько перо можетъ описать и изъяснить.

Въ заключеніе сего скажу слѣдующее: какъ зритель сихъ чудесъ, такъ и обладатель вещей, въ которыхъ сіи чудеса происходятъ, есть одинъ человѣкъ. Посему изъ всѣхъ вещей, изъ всѣхъ тварей, видимыхъ нами въ пространствѣ Міра сего, нѣтъ человѣка ни прекраснѣе, ни превосходнѣе, ни удивительнѣе.

II.

Побѣдить самаго себя и свои страсти, есть превосходнѣйшая побѣда.

Человѣкъ непрестанно долженъ помнить, что благодѣтельная Природа возвысила его предъ всѣми прочими животными, даровавши ему удивительныя способности и свойства. Ибо памятуя сіе, конечно онъ дѣйствія свои такъ постарается расположить, чтобъ они

сходны

сходны были съ правилами Природы, и никогда не дойдетъ до того, чтобъ забывъ величество своего существа, прилѣпился къ тому, что скотамъ прилично.

Мы видимъ, что безсловесныя животныя кромѣ тѣлесныхъ удовольствій ничего другаго не чувствуютъ, и съ крайнимъ стремленіемъ къ онымъ несутся. Но мы во все продолженіе жизни нашей должны или чему нибудь научаться, или о чемъ нибудь разсуждать. Такимъ образомъ видимъ мы, что человѣкъ отъ Природы безмѣрное имѣетъ желаніе или видѣть, или слышать, или разумѣть что нибудь. А изъ сего ясно усмотрѣть можно, что тѣлесныя удовольствія недостойны превосходныхъ человѣческихъ свойствъ, и потому мужественною ногою ихъ надобно попирать и отвергать. Ибо можетъ ли сіе быть нашему достоинству прилично, чтобъ мы свѣтъ разума помрачали роскошью, чтобъ волю покаряли страстямъ, чтобъ память притупляли невоздержаніемъ, чтобъ всѣ прочія способности и дары душевные погубляли, погружаяся въ непристойныя веселія и гнусныя забавы?

Стра-

Страсти, естьли разсудить о ихъ началѣ, суть премудрое установленіе Природы, которая влїявши ихъ въ человѣка, хотѣла дать ему чрезвычайную силу. Ибо часто случается, что мы во время нужныхъ обстоятельствъ, при помощи страстей, отвращаемъ отъ себя великія бѣдствія, и достигаемъ добраго конца, котораго полученіе безъ того было бы не возможно, или по крайней мѣрѣ весьма трудно. Страсти подобны искрамъ, кроющимся подъ пепломъ. Когда онѣ ничѣмъ не возбуждаются, то въ своемъ спокойномъ положеніи пребываютъ: естьли же возжены бываютъ, то подлинно имѣютъ силу чрезвычайную. Человѣкъ будучи ими возженъ, ничего не дѣлаетъ, чтобъ не было отмѣнно, удивительно и поразительно; и будучи объятъ сильнѣйшимъ оныхъ пламенемъ, стремится туда, куда переноситъ его желаніе, не находя ничего для себя не удобнаго, и, разрушая преграды, воспящающія ему къ достиженію намѣреваемой цѣли.

Но сіе стремленіе, какъ не рѣдко бываетъ удачно, такъ весьма часто бѣдственно и пагубно. Щастливъ тотъ, кто умѣетъ управлять страстями. Но тотъ, кто не

стра-

страстями повелѣваетъ, но страсти имъ повелѣваютъ, ввергъ себя въ ужасную погибели пропасть. Хотя человѣкъ не много ослабитъ узду, удерживающую ихъ въ предѣлахъ; то уже близокъ къ паденiю: но естьли совершенно опуститъ ее; то безъ сомнѣнiя дѣлается поносною ихъ жертвою.

Естьли во время конскаго риспанiя лошади узды изорвутъ, и вожжи изъ рукъ Господъ своихъ изторгнутъ; то таковаго зрѣлища что можетъ быть печальнѣе и жалостнѣе? Влекутъ они колесницу по стремнинамъ; а бѣдной сѣдокъ, на котораго собравшiйся народъ съ удивленiемъ взиралъ, остается ему посмѣянiемъ, примѣромъ слабости силъ человѣческихъ и пустоты надменiя. Сiе зрѣлище есть живое изображенiе человѣка, влекомаго страстями по стремнинамъ пороковъ и нечестiя! Безсмертная душа противъ воли и насильственно слѣдуетъ стремленiю страстей, будучи ослѣплена ложными мечтанiями. Въ семъ стремленiи неминуемо она достигаетъ самой бездны золъ, и погрязаетъ въ пучинѣ буйства и развращенiя. Къ крайнему несчастiю, душа наша, находяся въ сей безднѣ, стыдится

дится изъ нея выйти. Ввергается она туда отъ безумія и ослабленія; а отъ надменія, которое не попускаетъ признать погрѣшности, принуждена бываетъ тамъ остаться. Въ семъ состояніи будучи она покрыта ужаснымъ мракомъ ложныхъ мнѣній, увязши въ тинѣ гнусныхъ пороковъ, и обременившись цѣпями страстей, бываетъ печальнымъ позорищемъ небу, землѣ и всей Вселенной.

Изъ сего видно, что страсти наши весьма сильны. — Но и мы, которымъ надлежитъ съ ними сражаться, сильны; да еще и гораздо сильнѣе ихъ. Страсти въ насъ находятся: но не мы находимся въ страстяхъ. По сему мы удобно можемъ ихъ обуздать, прежде нежели онѣ противъ насъ возстанутъ. Для достиженія сего мы можемъ оградить себя сими тремя непобѣдимыми оружіями: *хорошимъ воспитаніемъ, благоразуміемъ и трудолюбіемъ.* Кто въ младости хорошо воспитанъ, кто достигъ сего познанія, по которому различаемъ доброе отъ худаго и полезное отъ вреднаго; кто не теряетъ времени напрасно, но употребляетъ оное на полезные труды; тотъ безъ

со-

сомнѣнія не плѣнникомъ страстей, но знаменитымъ оныхъ побѣдителемъ явится. Таковая побѣда превысить всѣ побѣды, бывшія въ теченіе прошедшихъ вѣковъ. Блескъ ея затмитъ всѣ тріумфы и трофеи, воздвигнутые въ честь побѣдителей. — *Стой ты тамъ, гдѣ стоишь*, говоритъ нѣкоторой Писатель; *бейся со всѣми страстями, и чрезъ то исправишь должность гораздо лучшую тѣхъ, которые осаждаютъ города и побѣждаютъ непріятелей.* — Страсть внушаетъ намъ, чтобъ мы за обиду обидѣвшему насъ отмстили. Но естьли мы, не внимая внушенію сему, великодушно оную сносимъ, то болѣе оказываемъ мужества, нежели тотъ воинъ, которой поражаетъ и низвергаетъ врага своего. По истиннѣ гораздо славнѣе обуздывать гнѣвъ свой, и укрощать пожеланія, влекущія къ развращенію, нежели поражать войска и покорять города. Истинное величество и слава не состоитъ въ низверженіи другихъ; но въ томъ, чтобъ быть великимъ, не понижая ихъ, но возвышая. Когда мы противимся стремленію страстей, тогда умножаемъ наше достоинство и добродѣтель; но когда побѣждаемъ внѣшнихъ

не-

непріятелей, тогда внутри ничто насЪ не возрастаетЪ. Разбитіе войскЪ умаляетЪ только число людей, а совершенству ума и превосходству души ничего не прибавляетЪ.

Правда, не можно оспорить, что тѣ Государи и Генералы, которые во время сраженія безбоязненно и непоколебимо стоятЪ среди ужасовЪ смерти, и собственную жизнь за спасеніе Отечества презираютЪ, достойны великихЪ похвалЪ. Но чтожЪ должно сказать о томЪ великомЪ мужѣ, которой среди побѣдоносныхЪ торжествЪ умѣетЪ презирать то, что получилЪ во время побѣды, и которой своею умѣренностію явно показываетЪ, что онЪ лучше желаетЪ лишиться побѣдоноснаго лавра, и потерять свою власть, нежели дерзнуть совершить дѣло, противное законамЪ честности? — Такой мужЪ, такой Герой превышаетЪ всѣ похвалы! Но видѣть обѣ сіи рѣдкости вмѣстѣ совокупленныя вЪ одномЪ побѣдителѣ: видѣть, говорю, чтобЪ онЪ благоуспѣшно побѣждалЪ враговЪ Государства, да и самаго себя; покорялЪ бы народы; но и пріобрѣталЪ бы ихЪ сердца; былЪ бы страшенЪ, но и любезенЪ людямЪ; не давалЪ бы ослабленія своимЪ подданнымЪ,

да и своимъ страстямъ; сїе безъ сомнѣнїя удивительнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ было бы на свѣтѣ зрѣлищемъ. Сїе совокупленїе возводитъ смертныхъ на высочайшїй степень героической славы, и озаряетъ дѣла ихъ онымъ божественнымъ блескомъ, которой помрачаетъ очи всего свѣта, и возбуждаетъ славу, пронести имена ихъ во всѣ времена, во всѣ страны, и во всѣ уста и уши смертныхъ.

III.

Ничто не можетъ быть полезно, естьли не будетъ вмѣстѣ и честно.

Многїе думаютъ, что иное есть честно, а другое полезно. Но сїе со всѣмъ несправедливо. Кто сего не видитъ, тотъ обманываетъ и другихъ и самаго себя. Кто говоритъ: *Правда, такъ сїе честно, но это полезно,* тотъ вещи, Натурою совокупленныя, по заблужденїю своему раздѣлять дерзаетъ. То только полезное есть полезно, которое вмѣстѣ есть и честно: но не все то, что кажется полезнымъ, есть честно. — Скажетъ можетъ быть кто: не уже ли не надобно

добно дѣлать того, что полезно, что прибыльно? — Дѣлай, толькобъ оно было честно; ибо то ни прибыльно, ни полезно, что неправедно. Кто сего не разумѣетъ, тотъ честнымъ человѣкомъ быть не можетъ.

Пусть всякой войдетъ самъ въ себя и разсудитъ, что такое есть человѣкъ доброй? — Найдетъ ли онъ, что человѣкъ честной можетъ обманывать, поносить, лукавить, вредить для своей корысти? — Никакимъ образомъ! Но находится ли во всемъ свѣтѣ какая нибудь вещь столь любезная, или корысть столь вожделѣнная, чтобы для ней можно и должно было потерять славное честнаго человѣка имя? Что великаго можетъ принести корысть? Какая потеря можетъ быть болѣе той, какъ когда потеряешь честность? Человѣкъ среди сокровищь и забавъ безъ добродѣтели есть нищъ и бѣденъ; а съ оною и въ нищетѣ всѣмъ изобилуетъ.

Маркъ Аттилїй Регулъ, будучи въ другой разъ въ Римѣ Консуломъ, Карѳагенянами взятъ былъ въ полонъ. Оттуда подъ присягою посланъ былъ къ Римскому Сенату, просить о свобожденїи нѣкоторыхъ знатныхъ

Карѳагенскихъ Генераловъ, бывшихъ въ Римѣ плѣнниками, и далъ клятву, что онъ назадъ въ Карѳагенъ возвратится, естьли ихъ не освободятъ. Пришедши въ Римъ, усмотрѣлъ онъ многія выгоды, которыя побуждали его остаться въ Отечествѣ, и не возвращаться въ Карѳагенъ. Остаться въ Отечествѣ, получить пріятную свободу, избавиться поноснаго плѣна, жить въ домѣ своемъ съ женою и дѣтьми, обращаться съ друзьями и родственниками, быть на Консульскомъ достоинствѣ, кто сего не назоветъ выгоднымъ дѣломъ? Сперва казалось ему небезполезнымъ все сіе. Но какъ онъ сталъ думать о сихъ выгодахъ, когда разсудилъ, что онъ, оставшися въ Отечествѣ, потеряетъ имя честнаго человѣка, и безчестно приступитъ клятвенное обязательство? — Онъ почелъ ихъ ложными, и не болѣе уже ихъ представлялъ, а помышлялъ только о сохраненіи клятвы и правилъ честности. Чтожъ наконецъ здѣлалъ? Пришелъ въ Сенатъ, объявилъ приказъ, Карѳагенянами ему данной, но мнѣніе свое подать отказался: ибо онъ не почиталъ уже себя Сенаторомъ Римскимъ, пока отъ присяги,

данной

данной непріятелямъ, не будетъ чистъ. Когда же требовали его въ семъ совѣта; то онъ, противъ всѣхъ своихъ выгодъ, сказалъ: что плѣнниковъ возвратить за него весьма неполезно: потому что они люди молодые и храбрые Генералы, а онъ былъ весьма старъ. Столько то безпристрастенъ былъ къ самому себѣ! Сенатъ совѣта его послушалъ, и не освободилъ плѣнниковъ; а Регулъ возвратился въ Карѳагену. Ни любовь къ Отечеству, ни увѣщанія ближнихъ, ни прошенія жены и дѣтей, ни пріятная свобода, ни величество Консульскаго достоинства, не могли его въ Римѣ удержать. И хотя онъ зналъ, что къ безчеловѣчному непріятелю на неслыханныя идетъ мученія, однако разсудилъ лучше сохранить клятву, нежели остаться дома на Консульскомъ достоинствѣ, но притомъ клятвопреступнымъ плѣнникомъ. Прибывъ въ Карѳагену, объявилъ онъ непріятелямъ, что Сенатъ не согласился отпустить ихъ Генераловъ. Карѳагенянамъ сей поступокъ показался чрезмѣрно досаднымъ. Они положили Римлянамъ непрестанно мстить, и ядъ жестокой лютости своей на перваго непоколебимаго Регула излили.

ди. Ибо заключили его сперва въ темницу, въ которой не было ни малѣйшаго свѣта; по томъ обрѣзали у глазъ его рясницы, и поставили его прямо противъ солнца въ самые жаркіе часы; послѣ сего заключили его въ бочку, внутри которой набиты были преострые желѣзные гвозди, и въ которой онъ, будучи катаемъ, мучился страшно и страдалъ неусыпно. Наконецъ пригвоздили его ко кресту. Жестоки подлинно были мученія, которыми отягчили Регула безчеловѣчные Карѳагеняне. Но не менѣе велико было его мужество и удивительна любовь къ честности, когда онъ лучше захотѣлъ неслыханныя претерпѣть мученія, нежели нарушить клятву и потерять честность.

Когда Пирръ, Государь Епирскій, возсталъ противъ Римлянъ войною; то перемѣтчикъ изъ его воиновъ, пришедши въ Римское войско къ Фабрицію, тогда бывшему предводителемъ Римскихъ войскъ, предложилъ ему, что, ежели онъ его обѣщается наградить, то онъ, тайно возвратяся въ лагерь Пирровъ, ядомъ его отравитъ. Добродѣтельный Фабрицій не могъ выслушать сего безъ досады и огорченія;

нія; и тотчасъ велѣлъ его отвести къ Пирру и сказать ему о семъ. Таковой поступокъ Фабриція великую заслужилъ похвалу отъ Сената Римскаго. По видимому казалась быть въ томъ не малая польза, чтобъ тяжкую войну прекратить, и страшнаго непріятеля истребить чрезъ одного переметчика. Но было бы то гнусное дѣло и великое безчестіе, когда бы того, съ кѣмъ война была изъ одной славы, не мужествомъ, но беззаконіемъ побѣдить. Фабриціеву мужеству и примѣрной добродѣтели удивляясь Пирръ, сказалъ: *Фабрицій есть тотъ человѣкъ, котораго столько же трудно отвратить отъ честности, какъ остановить солнце отъ теченія.* Онъ не могъ не возблагодарить Фабрицію за благородной его поступокъ, и ни мало не медля всѣхъ Римлянъ, бывшихъ у него въ плѣну, безъ выкупу отпустилъ. Послѣ сего, для испрошенія у Римлянъ мира, послалъ въ Римъ посланника со многими дарами; но никто ихъ не принялъ. А дабы Пирру возблагодарить за то, что онъ освободилъ Римскихъ плѣнниковъ; то столько же они отослали къ нему Тарентянъ и Самнитянъ.

Въ одно время посланы были изъ Рима къ Пирру посланники, чтобъ выкупить плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ (посланниковъ) былъ и Фабрицїй. Когда они прибыли къ Пирру; то онъ, видя добродѣтели и мужество Фабрицїя, предъ прочими наилучшимъ образомъ его угощалъ, и извѣдавши честность его на самомъ опытѣ, просилъ его, чтобы онъ въ подарокъ принялъ отъ него немалую сумму золота. Фабрицїй ничего не принялъ. На другой день Пирръ, желая устрашить его слономъ, котораго онъ никогда не видывалъ, приказалъ служителямъ, чтобъ они слона въ самое то время, когда онъ будетъ съ Фабрицїемъ говорить, съ зади къ нему подвели. Все сїе было сдѣлано; и слонъ столько тихо былъ подведенъ къ Фабрицїю, что онъ тогда только почувствовалъ, что за нимъ кто-то есть, когда слонъ повѣсилъ свой хоботъ надъ его головою. Фабрицїй оборотился; но нимало не испугался, увидя страшный видъ его. По томъ, отступивши не много, усмѣхнулся, и сказалъ Пирру: *Слонъ твой не болѣе меня устрашаетъ, какъ сколько прельстило меня твое золото, которое ты вчерасъ*

рась мнѣ давалъ. Пирръ чрезмѣрно удивился Фабриціевой неустрашимости, и желая имѣть при себѣ такого человѣка, просилъ его, чтобъ онъ, послѣ заключенія съ Римлянами мира, остался жить вмѣстѣ съ нимъ, обѣщаяся первымъ его имѣть другомъ, и удѣлить ему часть своего Государства. Но Фабрицій, не желая оставить своего Отечества, которое онъ любилъ, и ни мало не прельщаяся соцарствованіемъ, отвѣчалъ ему: *Это для тебя не будетъ полезно, Государь! ибо тѣ народы, которыми ты управляешь, когда познаютъ меня, то захотятъ, чтобъ лучше я, а не ты, ими управлялъ.* — Вотъ безкорыстная и безпримѣрная честность!

Регіагъ, славной Арабской воинъ, но человѣкъ свирѣпой, осудилъ на смерть многихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ испросилъ у него позволеніе говорить, и сказалъ ему: *Ты, Регіагъ! долженъ меня отъ казни освободить. — Почему такъ?* спросилъ Регіагъ. — *Потому что какъ нѣкогда Абдарраманъ поносилъ тебя, то я вступился за твою честь, и сдѣлался чрезъ то ему непріятелемъ*, отвѣтствовалъ онъ. Регіагъ требовалъ на сіе доказательства. Плѣнникъ на-

наименовалЪ ему свидѣтелемЪ одного изЪ осужденныхЪ сЪ нимЪ на смерть. РегїагЪ призвалЪ его кЪ себѣ, и услышавши отЪ него подтвержденїе сказанному, простилЪ плѣнника, а по томЪ спросилЪ свидѣтеля, не вступался ли онЪ за него противЪ Абдаррамана. — *Я не почиталЪ сего за должность мою*, отвѣчалЪ плѣнникЪ, вѣрный другЪ честности. РегїагЪ, какЪ бы позабывЪ жестокосердїе свое, пораженЪ былЪ величествомЪ его духа. Помолчавши не много, предложилЪ онЪ ему другой вопросЪ: *Естьли я тебя освобожду отЪ смерти, то все ли еще будешь ты моимЪ непрїятелемЪ?* — *НикакЪ!* отвѣчалЪ плѣнникЪ, *не буду. Не уже ли я буду столько безуменЪ и нечувствителенЪ, что буду врагЪ . . . . . Довольно!* сказалЪ РегїагЪ, прервавши его слова: *я вѣрю одному твоему слову. Я не могу сомнѣваться, что ты исполнишь свое обѣщанїе: потому что ты доказалЪ отвращенїе твое отЪ неправды. Пользуйся жизнїю, которой ты предпочитаешь честность, и прїими свободу, какЪ справедливую награду за добродѣтель.*

Сул-

Султанъ Ахметъ первой былъ преемникомъ Магомета третьяго. Въ то время, какъ онъ взошелъ на престолъ, ему было только пятнатцать лѣтъ, и Турція въ первой разъ видѣла столь молодаго Императора. При всемъ томъ не былъ онъ младъ умомъ и дѣятельностію. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, послѣ вступленія его на престолъ, умеръ верьховный Визирь. Ахметъ на мѣсто его не избралъ никого изъ окружавшихъ его Придворныхъ. Муратъ, Паша Каирской, былъ мудрой и опытной старикъ. Среди великихъ безпокойствъ послѣднаго правленія, раздиравшихъ Оттоманскую Порту, въ Африканскихъ областяхъ соблюлъ онъ глубокій миръ, и всѣ подати исправно платилъ, не притѣсняя подданныхъ и не обогащая себя. Не видавши никогда новаго Султана своего, не могъ онъ думать, чтобъ онъ зналъ его, и чтобъ при молодомъ Государѣ служба вѣрнаго подданнаго побѣдила коварства Придворныхъ. Однако же, будучи на самомъ краю Египта, получилъ онъ повелѣніе, ѣхать въ Константинополь. Такое избраніе Ахметово показало Турціи, что Государь ея любитъ добрыхъ людей. Му-

Муратъ прибылъ въ Константинополь, и тотчасъ былъ пожаловалъ верховнымъ Визиремъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, противъ совѣта Муратова, объявлена была война Персіи. Ему было поручено предводительство войскъ, и онъ въ помощники себѣ избралъ молодаго и предпріимчиваго человѣка, по имени Назуфа, собравшаго въ разныхъ Губерніяхъ великое богатство. Великій Визирь выступилъ съ войсками въ поле, и вмѣсто того, чтобъ ускорить походъ свой, всячески старался его замедлить. Сія медленность вселила въ вѣроломнаго Назуфа мысль, оклеветать благодѣтеля и друга своего. Онъ тайно писалъ къ Султану, и предложилъ ему 60000 цехиновъ на содержаніе арміи, естьли онъ пожалуетъ его Визиремъ на мѣсто Мурата. Султанъ, исполненный почтенія къ Мурату за его добрые поступки, пришелъ въ крайней гнѣвъ на Назуфа за его неблагодарность. Онъ написалъ къ Мурату, что щастіе помощника его зависитъ отъ его произволенія, и что онъ можетъ, или оставить его по прежнему въ чинѣ его, или понизить, или удавить. Муратъ, получивши таковое отъ Султана письмо,

мо, тотчасъ призвалъ къ себѣ въ ставку Назуфа, и показалъ ему письмо. Назуфъ, прочитавши его, затрепеталъ, и думалъ, что объявляется уже ему приговоръ къ смерти. Однако же осмѣлился по крайней мѣрѣ просить милости, не могши оправдаться. Но Муратъ прервалъ его слова, и сказалъ: *Ты здѣлался нечувствителенъ къ моимъ благодѣяніямъ. Ты сталъ вѣроломенъ. — Однакожъ знаю я, что ты многія имѣешъ способности. Я признаю тебя достойнымъ предводительствовать войсками, почему и вручаю тебѣ начальство и государственную печать. Они слишкомъ тягостны мнѣ по причинѣ старости моей. Будь вѣренъ Султану, защити Отечество отъ враговъ, прославъ Порту; я желаю, чтобъ ты щастливъ былъ въ сопротивленіи врагамъ нашимъ.* Тотчасъ собралъ онъ къ себѣ всю армію, и объявивши его преемникомъ своимъ, при сѣтованіи всего войска удалился, и спокойно жизнь свою окончилъ въ пріятномъ уединеніи. Провидѣніе не позволило Назуфу долго наслаждаться плодомъ своей измѣны. Правда, онъ, у Султана пришедши въ милость, получилъ его дочь себѣ въ супружество; но

упо-

употребивши милости его во зло, былъ за то удавленъ.

IV.

Истинное благополучіе наше состоитъ въ единой добродѣтели.

Которые истинное счастіе полагаютъ въ добродѣтели; тѣ благоразумно разсуждаютъ. Пусть иной благополучія своего ищетъ въ богатствѣ; пусть другой чести и достоинства поставляетъ основаніемъ своего щастія; пусть иной, утопая въ сладострастіи, въ немъ одномъ находитъ для себя удовольствіе. Но мы знаемъ, и непогрѣшительно думаемъ, что сіе послѣднее скотамъ прилично, а прочее оное все тлѣнно и ненадежно, и не столько отъ собственнаго нашего старанія, сколько отъ безразсуднаго щастія зависитъ. По сему, никогда я не почиталъ истиннымъ добромъ ни богатства, ни великолѣпныхъ зданій, ни честей, ни славы, ни самой усладительной роскоши, къ которой многіе прилѣпились. Я довольно знаю, что сіи сластолюбцы среди всѣхъ удовольствій, въ чемъ болѣе изобилу-

лують, въ томъ большій находятъ недостатокъ: потому что желаніе ихъ не насытно, и потому ничѣмъ удовольствовано быть не можетъ. Сіи дѣти непостояннаго щастія не только мучатся тѣмъ, чтобъ умножить то, въ чемъ они поставляютъ свое благополучіе, но и чтобъ не потерять онаго. Я не могу довольно восхвалить благоразумія и постоянства древнихъ Римлянъ, людей воздержнѣйшихъ, которые всѣ сіи тлѣнныя изобилія словомъ только почитали за добро, а самымъ дѣломъ противное мнѣніе имѣли. Они поставляли верьховное благо въ единой добродѣтели: находили блаженство въ единой премудрости. Я съ ними во всемъ согласенъ. Я увѣренъ, что добродѣтель или премудрость есть то, что на земли составляетъ истинное благополучіе.

Пускай не признаетъ сіе за истинное, пускай сему смѣется кто хочетъ: но я болѣе утверждаюсь на справедливомъ разсужденіи, нежели на простомъ и неосновательномъ мнѣніи. Я никогда не скажу, что тотъ потерялъ добро, кто лишился имѣнія и богатства; и никогда не престану хвалить мудреца Віаса, которой по взятіи не-

непріятелемЪ Пріены, его Отечества, когда граждане убѣгая съ собою выносили свое имѣніе, и нѣкто совѣтовалЪ ему тоже дѣлать, сказалЪ: *Я и такЪ сіе дѣлаю: ибо все мое несу сЪ собою.* ОнЪ сіи игрушки щастія, которыя мы добромЪ называемЪ, и своими не почиталЪ.

Пусть пріидутЪ сюда тѣ, которые не почитаютЪ истиннымЪ сіе разужденіе: пусть сами они скажутЪ, кому они подобными быть желаютЪ, изЪ тѣхЪ ли кому нибудь, которые огромными зданіями, блистающими златомЪ и слоновою костію, которые богатыми помѣстьями, которые драгоцѣнными уборами изобилуютЪ; или К. Фабрицію, которой ничего изЪ сихЪ вещей не имѣлЪ, и ничего имѣть не желалЪ?

Можно правда многихЪ увѣрить, что имѣніе не составляетЪ истиннаго добра: но вЪ томЪ многіе упорно стоятЪ, и самымЪ дѣломЪ утверждаютЪ, что тѣлесное удовольствіе есть высочайшее благо. Таковое мнѣніе мнѣ кажется скотскимЪ, а не человѣческимЪ. Когда тебѣ БогЪ даровалЪ душу, которой нѣтЪ ничего превосходнѣе и божественнѣе: то для чего ты такЪ себя уни-

унижаешь, что думаешь, будто между тобою и неразумнымъ животнымъ нѣтъ никакого различія? Что то за добро, которое не дѣлаетъ лучшимъ своего владѣтеля? — Чѣмъ кто болѣе вмѣщаетъ въ себѣ добра; тѣмъ тотъ болѣе заключаетъ въ себѣ похвалъ: и нѣтъ ни единаго добра, которымъ бы не могъ справедливо похвалиться тотъ, кто его имѣетъ. Но что въ удовольствіи семъ? Дѣлаетъ ли оно человѣка похвальнѣйшимъ? Можетъ ли кто нибудь хвалиться полученіемъ сего удовольствія? А наипаче когда оно, чѣмъ сильнѣе бываетъ, тѣмъ болѣе выводитъ умъ изъ своего положенія? И такъ поистиннѣ счастливая и блаженная жизнь состоитъ токмо въ честности и благочестіи.

Нѣкто спрашивалъ Сократа: *Философъ! почитаешь ли ты благополучнымъ Архелая, сына Пердиккина?* — *Не знаю*, отвѣтствовалъ онъ: *потому что я съ нимъ никогда не обращался и не разговаривалъ.* — *Да развѣ нѣтъ другаго средства узнать о семъ?* спросилъ еще тотъ. — *Никакого.* — *Слѣдовательно ты и о царѣ Персидскомъ, щастливъ ли онъ или нѣтъ, сказать не можешь?*

жешь? — Точно такъ! ибо какъ мнѣ сказать о немъ, когда я ни мало не извѣстенъ о его премудрости и добродѣтели? — Такъ развѣ ты въ премудрости и добродѣтели поставляешь благополучїе? — Мое мнѣнїе есть такое, что всѣ добродѣтельные люди блаженны, а злые напротивъ весьма нещастливы. — Такъ по этому Архелай и Персидскїй Государь неблагополучны? — Конечно такъ, естьли они недобродѣтельны, и ни мало не стараются о честности. Я такъ всегда думаю, что добродѣтель одна есть путь къ истинному благополучїю, и основанїе нашего блаженства, или лучше сказать, есть самое вышшее наше благо.

V.

Добродѣтельнаго человѣка щастїе ничто поколебать не можетъ.

Сердце мужа мудраго величїемъ разсужденїй, терпѣнїемъ бѣдствїй, презрѣнїемъ щастїя, и всѣми наконецъ добродѣтелями, будто стѣнами огражденное, никогда не можетъ быть побѣждено и низложено. Не возможно тому статься, чтобы Мудрый, хотя

бы

бы его жгли, хотя бы мучили, хотя бы терзали, въ то же самое время, какъ и во всякое другое, не восклицалъ: *Я все сіе за ничто почитаю: ибо знаю, что зло оканчивается печалію, а добро истиннымъ удовольствіемъ.* По моему мнѣнію, пускай свободно всякой утверждаетъ, что блаженная жизнь можетъ взойти въ Фаларидова быка (*). Правда, болѣзнь кажется быть жестокою добродѣтели непріятельницею. Она возжигаетъ противъ нее пламень: она грозится привести въ ослабленіе мужество, великодушіе и терпѣніе. Но не уже ли мудрый человѣкъ ее устрашится? Не уже ли добродѣтель ей покорится? Не уже ли блаженная жизнь мудраго и постояннаго мужа ей уступитъ? О Боже мой! сколь бы сіе было гнусно. Спартанскіе малыя дѣти, будучи жестоко поражаемы ударами, безъ стенанія болѣзнь сносятъ.

(*) Фаларидъ былъ безчеловѣчный мучитель. Периллъ въ угодность его лютости изобрѣлъ новой способъ, мучить людей въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ, въ которомъ заключенные отъ чрезмѣрнаго жара, какъ скоты, ревѣли, и потомъ умирали: Фаларидъ Перилла за сіе тѣмъ наградилъ, что перваго его въ семъ быкѣ замучилъ.

сятъ. Обыкновенно въ Лакедемонѣ великое множество юношей съ невѣроятною упорностїю между собою бились кулаками, пятами, ногтями, зубами, и лучше хотѣли пасть бездыханными, нежели сказать, что ихъ побѣдили. Какое непросвѣщенїе есть большее и грубѣйшее Индїйскаго? Но и у Индѣйцовъ тѣ, которые мудрыми называются, живутъ нагїе; Кавказскїе снѣги и лютость зимы безъ болѣзни сносятъ, и прикоснувшись къ пламени безъ стенанїя ожигаются (*).

Лаке-

(*) Сїи Мудрецы называются въ Индїи Браминами, или Брахманами, а Греки назвали ихъ Гимнософистами, т. е. нагими Мудрецами: потому что они ходятъ нагїе. Случалось, что они въ жестокихъ болѣзняхъ, или когда имъ наскучивала жизнь, добровольно отдавали себя на сожженїе. Когда Александръ Великїй пришелъ въ Индїю, то представили предъ него десять сихъ Гимнософистовъ, съ которыми онъ разговаривалъ, и отпустилъ ихъ съ подарками. Въ скоромъ послѣ сего времени одинъ изъ нихъ занемогъ, и потому легши на срубъ, въ присутствїи Александра и его войска, велѣлъ себя зажечь, и сгорѣлъ на мало не пошевелившись. Сїе же самое сдѣлалъ другой Браминъ въ Аѳинахъ въ присутствїи Цесаря.

Лакедемонскія жены имѣли обыкновеніе осматривать раны убіенныхъ своихъ дѣтей, и естьли видѣли, что они въ грудь пронзены: то съ веселіемъ ихъ погребали, и полагали въ гробницы ихъ праотцовъ: напротивъ отъ тѣхъ, которые съ тылу были ранены, убѣгали, и тайно старались ихъ похоронить. Изъ нихъ одна женщина, осматривая сына своего, шестью ранами пронзеннаго, не только не воздохнула, но и сіи достопамятныя сказала слова: *Сколь славнѣе, будучи на сраженіи побѣдителемъ, лишиться жизни, нежели жить получивши побѣду на Олимпійскахъ играхъ!* А другая услышавъ, что сынъ ея убитъ на сраженіи, сказала: *Я его на то родила, чтобъ онъ мужественно скончалъ жизнь свою за отечество.*

Но сіе я говорю о людяхъ. Чтожъ неразумныя животныя? Не претерпѣваютъ ли они стужи, голоду и труднаго броженія и бѣганія по лѣсамъ и горамъ? Не такъ ли они защищаютъ своихъ дѣтей, что принимаютъ раны, и никакихъ нападеній, никакихъ ударовъ не ужасаются? Не упоминаю я о томъ, что претерпѣваютъ честолюбивые для полученія чести, любители похвалы для сла-

вы, возженные любовїю для удовольствїя. Жизнь человѣческая преисполненна такихъ примѣровъ.

Но да возвратится рѣчь моя къ тому, отъ чего она уклонилась. Предаетъ, предаетъ, говорю, себя блаженная жизнь на всѣ лютыя мученїя, и ограждена будучи правосудїемъ, воздержанїемъ, а наипаче мужествомъ, великодушїемъ, терпѣнїемъ, не остановится, воззрѣвши на лице мучителя, и когда всѣ добродѣтели съ нею пойдутъ на мученїе; ни мало не придетъ въ ужасъ, и не останется за дверьми и за порогомъ темничнымъ. Ибо что гнуснѣе, что безчестнѣе быть можетъ, какъ то, естьли она одна останется, и разлучена будетъ отъ сего прекраснаго сопутничества? Сему никакимъ образомъ не можно статься: ибо ни добродѣтелямъ безъ блаженной жизни, ни блаженной жизни безъ добродѣтелей быть невозможно. И такъ не попустятъ добродѣтели, чтобъ блаженная жизнь отъ нихъ удалилась, но восхитятъ и повлекутъ ее съ собою, къ какой бы болѣзни и мученїю онѣ приведены ни были.

Добродѣтельнаго человѣка, когда онъ казался бы быть несчастливымъ, я никогда таковымъ не почитаю. Ибо внутренняго его блаженства ничто поколебать не можетъ. Ни его великодушія, ни твердости, ни постоянства, ни иную какую добродѣтель, ни самую наконецъ душу, которая ограждена сими добродѣтелями, когда тѣло его мучимо бываетъ, неможно возмутить и исхитить.

Ты, утопающій въ порокахъ! сему не вѣришь, и вѣрить не хочешь. Ибо не знаешь, безумный! не знаешь, сколь великую силу добродѣтель имѣетъ. Имя только добродѣтели произносишь: въ чемъ она состоитъ, не вѣдаешь. — Тебя бѣдствія, тебя несчастія угнѣтаютъ, тебя — котораго ты блаженнымъ, котораго цвѣтущимъ почитаешь. Твои страсти тебя возмущаютъ. Ты дни и ночи проводишь въ мученіи, ты — для котораго не довольно того, что имѣешь, и которой страшишся, чтобъ сіе самое вдругъ не изчезло. Тебя совѣсть мучитъ въ твоихъ злодѣяніяхъ. Тебя бездушнымъ дѣлаетъ страхъ суда и законовъ. Куда ты ни посмотришь; вездѣ съ тобою встрѣчают-

ея твои неправды, которыя не даютъ тебѣ отдохнуть. Посему какъ нечестивый и безумный не можетъ достигнуть счастія; такъ честный, мужественный и мудрый человѣкъ не можетъ быть несчастливъ, хотя бы онъ отвсюда окруженъ былъ бѣдствіями.

Нѣкоторая благородная Римская женщина Сенатомъ осуждена была на смерть, и отдана начальнику темницы, чтобъ онъ ее умертвилъ. Начальникъ сей, тронутъ будучи нещастіемъ женщины, почувствовалъ къ ней великое сожалѣніе, и не умертвилъ ее, но только заключилъ въ темницу въ такомъ намѣреніи, что она съ голоду сама умретъ. Между тѣмъ дозволялъ онъ ходить къ ней ея дочери, но накрѣпко запретилъ, чтобъ пищи не приносила, и потому всегда, когда она приходила, осматривалъ ее. — Много дней прошло; но женщина еще не умерла, и находилась въ совершенномъ здоровьѣ. Начальникъ догадался, что она чемъ нибудь питается; и потому какъ за нею, такъ и за дочерію сталъ тщательнѣе примѣчать. Въ одинъ день, какъ пришла дочь, начальникъ ее тщательно

но осмотрѣлъ, но ничего не нашелъ. Какъ она взошла въ темницу къ своей матери; то онъ помѣшкавши не много, нечаянно отворилъ дверь, и увидѣлъ, что дочь мать свою кормитъ собственными своими грудями. Таковая нечаянность и любовь дочери къ матери свой въ крайнее его привели удивленіе. Почему тотчасъ пошелъ онъ въ Сенатъ, и признавшись сперва, что не исполнилъ повелѣнія о умерщвленіи оныя женщины, умѣлъ живо и трогательно представить оное дѣйствіе, видѣнное имъ своими глазами. Римляне выслушавши, что дочь чрезъ 15 дней кормила мать свою своими грудьми, и что симъ образомъ сохранила ее отъ смерти, такъ были тронуты симъ случаемъ, что женщину свободили отъ наказанія, и приказали ихъ обѣихъ общимъ кормить иждивеніемъ до самой смерти. Самая темница въ честь ихъ добродѣтели была сдѣлана храмомъ *Благочестія.* — Сей случай не ясно ли доказываетъ, что самая вѣчная правда не попускаетъ любителямъ добродѣтели стенать подъ тяжкимъ игомъ бѣдствій?

VI.

Богатые при всемъ изобилїи часто убоги бываютъ, когда надобно бываетъ оказать бѣдному милость: а убогїе при всѣхъ недостаткахъ въ семъ случаѣ оказываютъ себя богатыми.

Богатые! я представляю вамъ картину вашего жестокосердїя. Благодѣтельныя и простыя души! я показываю вамъ зеркало, изображающее чувствительность вашу къ страждущимъ человѣкамъ.

Старецъ, нищїй и дряхлый, едва передвигалъ слабыя свои ноги, шедши въ знойной день по большой дорогѣ. Голодъ и жажда томили его. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ онъ маленькую тѣнистую рощу, и въ концѣ ея прекрасный домикъ, въ которомъ раздавались голоса весело празднующихъ мїра сего щастливцевъ. Старецъ исполнился радости. — *Здѣсь утолятъ голодъ и жажду изнемогшаго*, думалъ онъ; *здѣсь подъ тѣнїю густыхъ древесъ дозволятъ мнѣ прохладить утомленное и отъ зноя слекшееся тѣло мое. Здѣсь я насыщуся и найду прїятное успокоенїе.* Слабый старецъ подходитъ къ домику; приближает-

ся къ окну онаго, и видитъ нѣсколько человѣкъ, сидящихъ за великолѣпнымъ столомъ, и погруженныхъ во всѣ роды веселія. — *Сыны щастія и веселія!* восклицаетъ нищій: *подайте помощь страждущему человѣчеству, подкрѣпите слабыя мои силы, удѣлите отъ изобилія вашего нещастному своему собрату, не имѣющему и самаго нужнаго пропитанія.* — Три раза принужденъ былъ старецъ произнести сіи слова: ибо они заглушаемы были шумомъ веселящихся, и уже довольно разгорячившихся виномъ. Голосъ бѣднаго старца дошелъ до ихъ ушей. Вдругъ шумъ престаетъ, радостные крики прерываются, веселящіеся нахмурились. Но что сему причиною? — Голосъ нещастнаго старца, поразившій ихъ сердце. Чтожъ? помогутъ ли сіи щастливцы страждущему нищему? Возмутъ ли его въ храмъ веселія? Утолятъ ли его голодъ и жажду? Подкрѣпятъ ли его изнемогшіе члены? Пріимутъ ли въ участники своего веселія всю жизнь свою проведшаго въ горести и бѣдахъ? — Нѣтъ: суетно его упованіе. Пропала надежда его. Нѣтъ исполненія его желанія. О страшная нечувствительность! о ужасная безчеловѣчность!

чность! — Хозяинъ вскочилъ со стула, посмотрѣлъ въ окно, и увидя старца, рубищами покрытаго, болѣзнями обезображеннаго, отъ старости согнувшагося, закричалъ: *Ахъ какой уродъ! дайте сему дерзкому собрату копѣйку, и отгоните его прочь поскорѣе, чтобъ наши глаза болѣе на него не смотрѣли, и чтобъ онъ своимъ жалостнымъ голосомъ не прерывалъ нашего веселія.* Жестокіе слуги жестокаго Господина тотчасъ отогнали отъ окна бѣднаго, разругавши его и давши ему копѣйку. Страждущій старецъ залился слезами, и отшедши шаговъ пятьдесятъ, упалъ, не имѣя силы далѣе итти. Онъ хотѣлъ сномъ прекратить въ себѣ чувствованіе сего безчеловѣчнаго поступка, и побужденіе голода и жажды; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его. Онъ проливая горкія слезы, лежалъ нѣсколько минутъ на землѣ отчаявшись, чтобъ кто нибудь ему подалъ помощь. Но благотворное небо тотчасъ ее ему посылаетъ. Добродушный крестьянскій мальчикъ, издалека увидѣвши его лежащаго на землѣ, прибѣгаетъ къ нему, смотритъ на него съ жалостію, и зоветъ его въ хижину родителей своихъ. — *Пойдемъ къ намъ,*

ста-

старичокЪ! говоритЪ онЪ ему, *ты у насЪ отдохнешь. Естьли ты хочешь ѣсть или пить, то матушка моя тебя накормитЪ, напоитЪ, и постелетЪ тебѣ подЪ тѣнїю древа мягкую постелю, гдѣ тебя жарЪ жечь не станетЪ. Пойдемъ же, старичокЪ!* СтарикЪ поднялЪ голову, взглянулЪ на мальчика, сЪ воздыханїемЪ посмотрѣлЪ на небо, приносилЪ благодаренїе Богу, помощнику нещастныхЪ, и силился по томЪ встать на ноги. МальчикЪ взялЪ его подЪ руку, пособилЪ ему встать, и довелЪ его до своей хижины. — *ВотЪ тебѣ гость!* сказалЪ онЪ матери, вводя старика вЪ хижину. *Сей бѣдной старичокЪ лежалЪ на великомЪ солнечномЪ жару, проливалЪ слезы, и на силу могЪ встать.* Добросердая крестьянка сЪ радостїю приняла его, и тотчасЪ посадила на лавку, по томЪ представила предЪ него довольно простой, но хорошей пищи и питїя, и наконецЪ изготовила постель подЪ тѣнистымЪ дубомЪ вЪ своемЪ веселомЪ садикѣ. СтарикЪ утолилЪ голодЪ и жажду, и наконецЪ успокоился. СонЪ его былЪ крѣпкой и продолжительной. — Чувствительный старикЪ пробудившись, и

чув-

чувствуя обновленіе своихъ силъ, сталъ на колѣни, возсылалъ ко Всевышнему теплое моленіе; да ниспошлетъ Онъ свое благословеніе на благодѣтельную оную крестьянку, да изліетъ дары свои на добродушнаго ея сына, и да проститъ жестокосердаго богача, съ нимъ столь жестоко поступившаго.

О вы, съ избыткомъ надѣленные благими Міра сего! постыдитеся сея картины, изображающія безчеловѣчные ваши поступки; и потщитеся благодѣяніями вашими доказать, что вы человѣки, и любите человѣчество. Вы, благодѣтельныя души! продолжайте щедрою рукою, удѣлять отъ изобилія вашего несчастнымъ людямъ; и сокровища ваши никогда не оскудѣютъ.

Плиній младшій, знаменитый Римлянинъ, щедростію своею безсмертной достигъ славы. Естьли изчислить всѣ его дѣянія, доказывающія чувствительность его души: то повѣрить почти не можно, чтобъ частной человѣкъ столько имѣлъ богатства, сколько для него потребно было на безмѣрные расходы. Онъ уступаетъ одному изъ своихъ пріятелей все то, что сей у него занялъ, а за другаго платитъ не малой

долгъ.

долгЪ. ОнЪ даетЪ приданое дочери сего, чтобЪ получить ей хорошаго супруга. Другому даетЪ потребное кЪ тому, чтобЪ сдѣлаться РимскимЪ КавалеромЪ. ВЪ удовольствіе третіяго продаетЪ свои земли за дешевую цѣну. Стихотворца Марціала снабжаетЪ потребнымЪ кЪ возвращенію его вЪ отечество. Кормилицѣ своей даритЪ помѣстье для довольнаго ея содержанія. Для общаго всѣхЪ гражданЪ употребленія отдаетЪ Библіотеку сЪ довольнымЪ для содержанія ея доходомЪ. Здѣсь опредѣляетЪ жалованье публичнымЪ учителямЪ для обученія юношества; а вЪ другомЪ мѣстѣ строитЪ домы для воспитанія бѣдныхЪ дѣтей. При всей малости своихЪ доходовЪ, снисходитЪ вЪ раздѣлѣ семейномЪ, и нѣчто по праву ему принадлежащее уступаетЪ охотно родственникамЪ. Столь великая щедрость, кажется, должна была Плинія довести до крайней бѣдности; но самЪ онЪ о себѣ объявляетЪ, что богатство его никогда не оскудѣвало, и что онЪ всегда былЪ вЪ состояніи производить всѣ сіи щедроты.

Плинію подобенъ былъ Гилліи, богатой Агригентійскій житель. Домъ его назывался домомъ щедрости. Въ немъ все богатство открыто было для общаго употребленія. Здѣсь находили помощь бѣдностію угнѣтенные: здѣсь убогія дѣвицы получали довольное приданое: здѣсь награждаемы были убытки раззорившихся. Гилліи всѣмъ изобиловалъ, все имѣлъ: но симъ онъ не былъ доволенъ. И другіе все то, что онъ имѣлъ, въ немъ имѣли.

VII.

Одинъ мудрый и честный есть богатъ.

Что ты столь чрезмѣрно своимъ богатствомъ хвалишся? Или ты одинъ богатъ? Или нѣтъ кромѣ тебя богатыхъ? Что, ежели я скажу, что ты не только не богатъ, но еще скуденъ? Ибо кого мы почитаемъ богатымъ? Или, кого симъ именемъ называемъ? По моему мнѣнію того, у котораго столько есть имѣнія, сколько довольно онаго для порядочнаго провожденія жизни; которой ничего больше не требуетъ, ничего не ищетъ, и ничего не желаетъ. Ты дол-

долженъ разсуждать о своемъ богатствѣ не по людскимъ рѣчамъ, и не по имѣнію, но по своему собственному желанію. Представь, что все ты имѣешь, и не прилагай старанія къ сниканію онаго. Ежели ты тѣмъ, что имѣешь, доволенъ: то уступаю, что богатъ. Ежели же, по причинѣ сребролюбія никакой корысти не почитаешь гнусною; ежели всегда хитришь, обманываешь, взыскиваешь, договариваешся, уносишь, отнимаешь; ежели окрадываешь сограждан и имѣніе ихъ разграбляешь: то богатства, или нищеты сіе есть знакъ? Сердце человѣческое, а не сундукъ, обыкновенно называется богатымъ. Хотя бы онъ былъ преисполненъ: но когда я вижу; что ты самъ пустъ, что ты имъ недоволенъ, то не почту тебя богатымъ. Ибо люди богатству мѣру полагаютъ судя по тому, сколько кому онаго довольно. Естьли кто имѣетъ одну дочь, тому нужны деньги; естьли же кто двѣ, тому вдвое болѣе; и чемъ больше дочерей, тѣмъ больше и денегъ надобно: такъ что ежели кто, какъ сказываютъ о Данаѣ, имѣть будетъ пятьдесятъ дочерей; тому столько же и денегъ для приданаго должно

 сни-

снискать. О мѣрѣ богатства судятъ, какъ я выше сказалъ, по тому, сколько для кого онаго довольно. Но ежели кто не многихъ дочерей, но безчисленныя имѣетъ прихоти, которыя въ краткое время великія сокровища могутъ изтощить; то какимъ образомъ такого назову я богатымъ, когда онъ самъ скудость свою чувствуетъ?

Когда мы смотримъ на тѣхъ, которые упражняются въ торговлѣ, исправляютъ различныя работы, и откупаютъ подати; то обыкновенно думаемъ, что они, имѣя въ деньгахъ недостатокъ, сносятъ такіе труды для пріобрѣтенія оныхъ. Подобно когда смотримъ на человѣка, изобилующаго неизчетнымъ богатствомъ, и видимъ вмѣстѣ, что онъ недоволенъ имъ будучи, никакого способа не упускаетъ къ умноженію онаго, то какъ не можемъ подумать, что онъ во многихъ вещахъ имѣетъ недостатокъ? Но кто во многомъ имѣетъ недостатокъ, такого кто назоветъ совершенно богатымъ? Первый знакъ богатства и изобилія есть, есть ли кто имъ доволенъ. Но какъ нѣтъ ни одного человѣка, которой бы, имѣя великое богатство, не желалъ пріобрѣсти онаго болѣе;

лѣе; по сему не можно найти совершенно истинно богатаго.

Естьлибъ намъ предложено было цѣнить поступки мудрыхъ людей; то что драгоцѣннѣйшимъ почтемъ, деньги ли Пирровы, которыя Пирръ давалъ Фабрицїю, или нелюбостяжанїе Фабрицїя, которой не принялъ сихъ денегъ? Золото ли Самнитянъ, или отвѣтъ Курїевъ (*)? Наслѣдство ли Л. Павла, или щедрость Сципїона Африканскаго, которой изъ сего наслѣдства часть свою уступилъ брату своему К. Максиму? Поистиннѣ, то надобно почесть драгоцѣн-

(*) Ман. Курїй Дентатъ былъ человѣкъ некорыстолюбивый и воздержнѣйшїй. Когда Самнитяне, будучи принуждены у Римлянъ просить мира, прислали къ Курїю Главныхъ изъ своего народа съ великими дарами, и просили его, чтобъ онъ постарался въ Сенатѣ, назначить выгодныя для нихъ мирныя условїя; то посланные нашли его въ деревнѣ, въ небольшемъ домикѣ сидящаго на скамѣечкѣ, и кушающаго изъ деревяннаго ставца. Весь сей приборъ показываетъ, какая была у него пища. Но при всей видимой бѣдности, когда посланные поднесли ему золото и сребро, не принялъ ничего, сказавши имъ сїе: *Я почитаю преславнымъ, не самому имѣть золото и сребро; но повелѣвать тѣми, которые сими сокровищами владѣютъ.*

нѣйшимъ, что заключаетъ въ себѣ высокія добродѣтели, нежели то, что состоитъ изъ богатства. И такъ, естьли всякаго потолику должно почитать богатымъ, сколько имѣетъ драгоцѣннаго, то кто будетъ сомнѣваться, что богатство состоитъ въ добродѣтели? Ибо нѣтъ никакого имѣнія, нѣтъ никакого золота и сребра, которое бы можно было почесть столько драгоцѣннѣйшимъ, сколько драгоцѣнна есть добродѣтель.

Сколько сіе мнѣ кажется удивительнымъ, что люди не понимаютъ, сколь великіе прибытки приноситъ умѣренность и бережливость? (Я приступаю теперь къ расточителямъ, оставляю онаго на корысти зіяющаго). Онъ получаетъ съ своихъ помѣстьевъ шесть сотъ сестерцій, а я съ своихъ сто. Когда онъ позолачиваетъ домы, и дѣлаетъ изъ мрамора полы, когда онъ чрезмѣрно желаетъ, чтобъ у него были статуи, картины, уборы, и одежда, то оныхъ шести сотъ сестерцій не только не довольно ему для домашнихъ его издержекъ, но и мало на выплаченіе процентовъ. А изъ моего малаго дохода, естьли откинуть издержки для прихотей, сколько нибудь останет-

ся. Кто же теперь богатѣе? Тотъ ли, у котораго многаго нѣтъ, или тотъ, у котораго остается? Тотъ ли, которой недостатокъ имѣетъ, или тотъ, которой изобилуетъ? Сверхъ сего, чѣмъ больше у него имѣнія, тѣмъ болѣе надобно прилагать трудовъ къ сохраненію онаго: но можно ли сіе сказать о томъ имѣніи, которое собственными своими силами себя сохраняетъ?

М. Манилій былъ бѣденъ. Имѣлъ онъ маленькой домикъ и невеликое помѣстье. Такъ мы богатѣе его, когда болѣе его имѣемъ? О ежели бы это такъ было! Но не по цѣнѣ имѣнія, а по расположенію и употребленію онаго судятъ о мѣрѣ богатства. Быть сребролюбивымъ, не есть знакъ изобилія: быть охотникомъ до покупокъ, не значитъ прибытка. Но быть довольну своимъ имѣніемъ, сіе есть весьма великое и совершенное богатство. Ибо естьли обыкновенные оцѣнщики самыя малыя вещи весьма цѣнятъ дорого: то сколь великую цѣну должно положить добродѣтели, которую никогда ни похитить, ни отнять не можно, которую ни кораблекрушенія, ни пожары не истребляютъ, которую ни непогодъ, ни вре-

менѣ смятенїе не подвергаетъ перемѣнѣ? Которые ее имѣютъ, тѣ одни суть богаты. Ибо одни они обладаютъ имѣнїемъ и обильнымъ и вѣчнымъ: одни они имѣнїемъ своимъ будучи довольны, каковыми дѣлать людей свойственно истинному богатству, думаютъ, что для нихъ довольно того, что они имѣютъ. Ничего не желаютъ, ничего не требуютъ, ни въ чемъ недостатка не чувствуютъ, ничего не ищутъ. Но нечестивыхъ и сребролюбивыхъ не только довольными и богатыми, но неимущими и убогими надобно почитать: поелику имѣютъ они богатство удобопревратное, и отъ случая зависящее, поелику большаго всегда желаютъ, да и не нашелся еще изъ нихъ никто, который бы доволенъ былъ тѣмъ, что имѣетъ.

Ксерксъ, Персидскїй Государь, хотя изобиловалъ всѣми дарами щастїя, однакожъ ни чемъ не удовольствовавшись, опредѣлилъ тому награжденїе, кто найдетъ ему новое увеселенїе. Много изобрѣли различныхъ забавъ; но онъ и ими доволенъ быть не могъ, потому что желанїе никогда насытиться не можетъ. По моему мнѣнїю лучше дать та-

такому награжденіе, кто твердѣйшими доказательствами насъ увѣритъ, что истинное сокровище наше состоитъ въ единой добродѣтели, и что она желанія наши удовольствовать можетъ.

VIII.

Истинное величество не состоитъ въ наружномъ и видимомъ блескѣ, но въ единой добродѣтели.

Нѣкогда Александру Великому должно было итти мимо того мѣста, гдѣ погребаемы были тѣла умершихъ. Діогенъ, извѣстный Философъ, примѣтивши сіе, тотчасъ зашелъ прежде Александра въ то мѣсто и смотрѣлъ на гробы. Александръ проходя мимо, увидѣлъ его и спросилъ: *Что ты, Діогенъ, здѣсь дѣлаешъ? — Ищу между костями сими*, отвѣчалъ онъ, *головы отца твоего Филиппа; ищу, но въ множествѣ ихъ различить отъ другихъ не могу. — На что тебѣ потребна голова отца моего?* спросилъ Александръ. — *Для того*, отвѣчалъ Діогенъ, *чтобъ тебѣ показать, что отецъ твой Филиппъ, сколько ни славенъ былъ предъ прочими*

чими людьми, но после смерти всемъ здѣлался равнымъ. — Для чегожъ сïе? спросилъ Александръ. — *Для того,* отвѣчалъ Дïогенъ, *чтобъ показать тебѣ, что ты и самъ, хотя теперь величественнымъ, славнымъ и мужественнымъ предъ всѣми себя щитаешь, будешь такъ, какъ и отецъ твой Филиппъ, по смерти всѣмъ равенъ. Бѣднякъ въ шалашѣ, покрытомъ соломою, и Дïогенъ въ бочкѣ, подвержены законамъ смерти, да и тебя, Александръ! тысящи воиновъ, стрегущихъ жизнь твою, не защитятъ отъ насильства смерти. Ибо смерть входитъ, какъ въ шалаши скудныхъ людей, такъ и въ Царскïе чертоги.*

Александръ.

Это правда! конечно и я умру. Но я тѣмъ утѣшаюсь, что многïя завоевалъ земли, и содѣлался безчисленныхъ народовъ повелителемъ и Государемъ.

Дïогенъ.

Утѣшайся симъ, и почитай себя Государемъ: но я ни единаго не вижу знака, которой бы показывалъ, что ты Государь.

Алек-

Александръ.

Почему такъ? — Развѣ кромѣ сихъ, которые я теперь имѣю, другїе потребны?

Дїогенъ.

Такъ ты сїи внѣшнїя украшенїя почитаешь Царскими знаками?

Александръ.

Конечно такъ!

Дїогенъ.

Ты въ семъ ошибаешся. Сїи твои внѣшнїя украшенїя суть внѣшнїе и знаки. Но Государю наипаче должно имѣть внутреннїя. Ибо безъ сихъ и внѣшнїя суть ничто и только служатъ въ безчестїе.

Александръ.

Какїя суть сїи внутреннїя знаменїя? пожалуй, скажи объ нихъ, Дїогенъ?

Дїогенъ.

Стыдно тебѣ Государю о семъ не знать. Или ты ни отъ кого не слыхалъ, что матка у пчелъ отъ природы дѣлается маткою, или какъ бы Царемъ надъ ними; а не такъ себѣ присвояетъ начальство, какъ вы, хваляся только тѣмъ, что происходите отъ потомковъ Геркулесовыхъ?

Александръ.

Какое же ты чрезъ сїе разумѣешь знаменїе Государя?

Дїогенъ.

Или ты не слыхалъ, что одна изъ пчелъ матка не имѣетъ жала; и сїе не для чего инаго, какъ для того, что ей совершенно ненужно оружїе? Ибо ни одна изъ прочихъ пчелъ съ нею о насильствѣ не спорится, ниже она дерется съ ними. Кромѣ сего, она всегда довольна предѣлами своего улья, и потому никогда изъ него не вылетаетъ.

Александръ.

Чтожь изъ сего?

Дїогенъ.

А вотъ что! Естьли ты Государь; то долженъ представлять на себѣ матку пчелъ. Но сего никакъ не можно въ тебѣ усмотрѣть. Ты недоволенъ предѣлами твоего Государства, и потому желательно тебѣ весь свѣтъ завоевать. Но какая тебѣ слава отъ твоихъ завоеванїй? Ты ими заслуживаешь имя не милостиваго Государя, но грабителя и разбойника; имя не храбраго воина, но боязливаго труса. Я примѣтилъ уже,

что

что ты не только ходишь вооруженъ, но и спишь посреди оружїй. Но развѣ ты не знаешь, что тѣ только носятъ оружїе, которые чего нибудь опасаются? — Знаю я, что ты Государь мужественный; но притомъ честолюбивый и гордый. Тебѣ желательно, чтобъ всѣ народы зависѣли отъ твоей власти, и дабы весь свѣтъ призналъ тебя Монархомъ. Хорошо твое желанїе! Но ты не знаешь прямыхъ средствъ къ достиженїю сего. Ты хочешь и уповаешь до сего достигнуть оружїемъ; но вѣдай, что ты ничего не получишь вооруженною рукою. Ты лучше сдѣлай то, чтобъ народы, видя тебя безъ оружїя, непринужденно почитали. Средства къ достиженїю сего суть *милость*, *благоснисхожденїе*, *благодѣянїе*, *правосудїе* и прочїя симъ подобныя добродѣтели. Сими оружїями можешь ты покорить себѣ весьма многихъ. Тогда всѣ не принужденно, но добровольно твою признаютъ власть. Сїя побѣда будетъ существенное твое знаменїе. Да и коликая слава будетъ имени твоему, когда ты безъ оружїя, безъ раззоренїя и безъ всякаго принужденїя покоришь себѣ многїе народы? — „Александръ, выслушавши

со вниманіемъ Діогеновы слова, едва было не бросилъ копья, которое тогда въ рукахъ у него было. Такъ тронутъ былъ его словами! На конецъ слѣдующія еще сказалъ слова: *Естьли бы я не былъ Александромъ; то желалъ бы быть Діогеномъ.*

IX.

Одинъ мудрый и честный свободенъ, а нечестивый человѣкъ есть рабъ.

Пускай хвалятъ сего властителя, или называютъ симъ именемъ, или сего имени достойнымъ почитаютъ! Но какимъ образомъ, или надъ кѣмъ изъ свободныхъ онъ будетъ властвовать, когда онъ не можетъ обладать своими страстями? — Пусть онъ обуздаетъ похоть, пусть презритъ роскоши, пусть укротитъ гнѣвъ, пусть побѣдитъ сребролюбіе, пусть прочія душевныя пороки истребитъ! Тогда пусть начнетъ другими повелѣвать, когда самъ престанетъ покоряться подлѣйшимъ властителямъ, безчестію и гнусности: но доколѣ имъ повиноваться будетъ, не только его властителемъ, но и свободнымъ почесть по

истиннѣ

истиннѣ не должно. Весьма хорошо уразумѣли сіе ученѣйшіе люди, и потому сказали, что *кромѣ Мудраго нѣтъ никого свободнаго.* Ибо что есть свобода? — Есть возможность жить по своей волѣ. Но кто живетъ по своей волѣ, какъ не тотъ, которой любитъ честность, которой со удовольствіемъ исполняетъ должность свою, которой исполняетъ законы не по тому, что ихъ боится, но что признаетъ сіе за полезное дѣло; которой что ни говоритъ, что ни дѣлаетъ, о чемъ не размышляетъ, все дѣлаетъ охотно и свободно; которому наконецъ самое щастіе (хотя говорятъ, что оно великую имѣетъ силу) уступаетъ? И такъ одному мудрому человѣку возможно ничего не дѣлать противъ желанія, ничего съ досадою, ничего по принужденію; а потому никто кромѣ Мудраго несвободенъ.

Но нечестивые люди всѣ сутъ рабы. Не разумѣю я, что они суть такіе же рабы, какъ невольники, которые здѣлались такими по волѣ своихъ Господъ, или по какому нибудь праву гражданскому; но естьли истинное рабство есть то, когда человѣкъ самъ себя подлымъ дѣлаетъ, когда всѣхъ

за-

заставляетъ себя презирать, когда кажется лишеннымъ собственнаго разсужденія, то кто не скажетъ, что всѣ легкомысленные, всѣ пристрастившіеся къ чему нибудь; всѣ наконецъ нечестивые суть рабы?

Почту ли я того человѣка свободнымъ, которымъ владѣетъ жена? которому законы даетъ, повелѣваетъ, запрещаетъ по своему хотѣнію? которой ея приказаніямъ не можетъ противорѣчить, и ни въ чемъ ей отказать не смѣетъ? Требуетъ чего? Надобно дать. — Зоветъ куда? — Надобно итти. Выгоняетъ вонъ? — Надобно уйти. Грозитъ чѣмъ? — Надобно бояться. По моему мнѣнію таковаго должно назвать не только рабомъ, но рабомъ негоднѣйшимъ.

Сомнительно ли, что то суть рабы, которые, желая получить отъ кого нибудь имѣніе, никакого не отрицаются претерпѣть гнуснаго рабства? Надежда наслѣдія какихъ не дѣлаетъ въ служеніи неправдъ? Какого мановенія богатаго, и не имѣющаго дѣтей старика не примѣчаетъ? Говоритъ по волѣ его; что велитъ онъ, дѣлаетъ; ходитъ за нимъ, сидитъ подлѣ его, даритъ его. Что изъ сего прилично человѣку свободному? Что не-

несвойственно несмысленному рабу? Пусть посмотрит таковой, каким образом он может быть властителем, когда разум и самая истинна убеждает, что он даже и несвободен?

X.

Знанїе самаго себя есть превосходнѣйшее знанїе.

Нѣт ничего столь превосходнаго, как знать самаго себя. Нѣт ничего столь похвальнаго, как очами души взирать на ту же душу. В сем точно смыслѣ должно разумѣть правило Апполоново, которое научает, чтоб всякой познал самаго себя.

Познай самаго себя!

Сими словами Аполлон не то нам давал разумѣть, чтоб мы знали свое тѣло, свой рост, свой стан. Кто нас называет, тот не называет тогда тѣло наше, и когда я говорю тебѣ, то не говорю твоему тѣлу: слѣдовательно, чрез сїи Оракула слова: *Знай самаго себя*, должно размѣть: *Знай свою душу.* Тѣло нечто иное

есть,

есть, какъ сосудъ или домъ, въ которомъ душа имѣетъ жилище все. Все, что ты ни дѣлаешь, дѣлаетъ твоя душа. Коль полезна заповѣдь, знать душу свою! Право по сему судили тѣ, которые сїе благоразумнаго мужа мнѣнїе не человѣку, но Делфїйскому Оракулу приписали.

Когда скажутъ человѣку: *Знай себя*, то скажутъ сїе не для того только, чтобъ умалить его надменїе, и смирить его высокоумїе; но чтобы онъ позналъ свое достоинство. Ибо кто самъ себя знаетъ; тотъ найдетъ, что есть въ немъ нѣчто божественное; и что душа его есть посвященный Божеству храмъ. Нашедши сїе, такъ расположитъ онъ свои дѣла и мысли, чтобъ онѣ соотвѣтствовали столь великому его дарованїю. Когда же онъ себя всего разсмотритъ и испытаетъ, то узнаетъ, какимъ образомъ онъ вступилъ въ жизнь, и сколь много имѣетъ способовъ къ прїобрѣтенїю просвѣщенїя. Ибо человѣкъ раждается съ понятїями, которыя съ начала бываютъ помрачены; но когда онъ ихъ просвѣтитъ, то узнаетъ, что онъ можетъ достигнуть до извѣстнаго степени премудро-

сти,

сти, здѣлаться честнымъ, а слѣдовательно и благополучнымъ. Ибо что можетъ быть благополучнѣе того человѣка, которой познавши и возлюбивши добродѣтель, престалъ покоряться тѣлу и удовлетворять его пожеланiямъ; которой сладострастiе, порокъ истребляющiй въ насъ и душевную и тѣлесную красоту, попралъ; которой презираетъ ужасы болѣзней и смерти; которой всѣхъ, Природою съ собою совокупленныхъ, почитаетъ себѣ ближними; которой покоряется Богу и служитъ ему со благоговѣнiемъ; которой наконецъ изострилъ зрѣнiе, какъ тѣлесное такъ и душевное, чтобъ избирать добро, и отвергать сему противное?

Когда же онъ разсмотритъ небо, землю, моря, и всѣхъ вещей сущность, когда познаетъ, изъ чего Мiръ сей составленъ, во что по томъ обратится, и какимъ образомъ окончится, что въ немъ тлѣнно и превратно, и что божественно и вѣчно, когда увидитъ, что онъ не окруженъ стѣнами, и не привязанъ къ опредѣленному какому нибудь мѣсту, но гражданинъ есть всего Мiра: то въ семъ великолѣпномъ множествѣ вещей, при семъ взиранiи и познанiи

Природы, Боже мой! сколько онъ себя познаетъ, по наученію Аполлона Пиѳійскаго? — О! какъ онъ презритъ, какъ отвергнетъ, какъ за ничто почтетъ все то, что у людей называется величественнымъ?

Къ крайнему стыду нашему, мы ничто такъ не пренебрегаемъ, какъ познаніе самихъ себя. Но отъ чего сіе происходитъ? Теряемъ много времени на изученіе безполезныхъ вещей, а о томъ ни мало не заботимся, чтобъ узнать себя самихъ? Какой стыдъ себѣ самому, себя самаго не знать? По моему мнѣнію, сіе отъ того происходитъ, что познаніе себя открываетъ не только достоинства, но и недостатки и пороки, и что на оныя намъ взирать столько же кажется не пріятно, сколько досадно молодой, но безобразной, женщинѣ, въ зеркалѣ видѣть безобразныя черты своего лица.

XI.

Прощать враговъ, и сожалѣть о ихъ поступкахъ, противъ насъ учиненныхъ, есть знакъ величества духа.

Услуги награждать услугами, за благодѣянія воздавать благодѣянія, есть дѣло препохвальное; но за обиды платить обидами, есть дѣло самое подлое. Посему, какъ благодѣяніями другихъ побѣждать, такъ и въ обидахъ другимъ уступать, есть то, что заключаетъ въ себѣ всѣ похвалы. Рѣдко случается видѣть, чтобъ сіе кто доказалъ на самомъ опытѣ. Ибо обида, намъ нанесенная, проницаетъ до внутренности нашей, до сердца нашего, и воспламеняя въ ономъ гнѣвъ, злобу, ненависть и другія жестокія страсти, заставляетъ себя во сто разъ болѣе чувствовать; возбуждаетъ защитить наши права, и не попустить, дабы противникъ нашъ надъ нами торжествовалъ. А мы, внимая внушенію страстей нашихъ, а иногда не имѣя силы къ преодолѣнію ихъ, со всею опрометчивостію нападаемъ на того, кто оскорбилъ насъ, не понимая того, что обида обидою, какъ и огонь масломъ, никогда не погашается.

При всемъ томъ древность, всѣхъ дѣлъ преждебывшихъ блюстительница, сохранила и предала намъ примѣры многихъ знаменитыхъ мужей, которые будучи побѣдителями, а не плѣнниками страстей, ни мало не чувствовали оскорбленій, имъ нанесенныхъ, и за безчестное почитали дѣло, подражать своимъ врагамъ и тѣмъ же имъ отмщевать, чѣмъ они ихъ обидѣли. М. Катона ненарочно кто-то ударилъ. Иной бы за сїе осердился и назадъ возвратилъ такой подарокъ. Но онъ, когда обидѣвшїй его сталъ предъ нимъ извиняться, сказалъ ему: *Я не помню, чтобъ ты меня ударилъ.* Забылъ тотъ ударъ, которой въ тоже самое время вытерпѣлъ? — Какое величїе духа!

Когда Дїонъ взялъ Сиракузы; то Гераклидъ и Ѳеодотъ, злѣйшїе его непрїятели, бывшїе въ семъ городѣ, добровольно себя предали ему, и признавая свою вину, просили его, чтобъ онъ ихъ помиловалъ. Между тѣмъ Дїону друзья его совѣтовали, чтобъ онъ ихъ, яко людей недостойныхъ помилованїя, и бывшихъ виновниками великихъ и страшныхъ возмущенїй, не прощалъ, но отдалъ воинамъ. Кто бы, вспомнивши обиды,

обиды, какія ему сіи враги нанесли, и побуждаемъ будучи совѣтами друзей своихъ, не предалъ ихъ на всѣ роды тяжкихъ мученій? Но Діонъ, все сіе отвергши, сказалъ: „Другіе Генералы и Полководцы услаждаются упражненіемъ въ войнахъ и непрестаннымъ обращеніемъ въ оружіяхъ; но я „чрезъ долгое время упражняясь въ наукахъ, „старался тому научиться, какъ побѣдить „гнѣвъ, мщеніе, зависть, упорство, и другіе симъ подобные пороки. Чтобъ показать искуство въ таковомъ побѣжденіи, „надобно не только друзьямъ и честнымъ „людямъ оказывать благосклонность; но и „снисходить врагамъ, и прощать оскорбленія, нанесенныя злѣйшими непріятелями. „Судя по сему, желательно мнѣ, сихъ моихъ враговъ побѣдить не силою и могуществомъ, но человѣколюбіемъ и справедливостію. Ибо въ сихъ добродѣтеляхъ „состоитъ истинное мужество, прямое величество, совершенная слава. Пусть враги „мои злы и непримиримы: но должно ли „для сего Діону показать себя плѣнникомъ „гнѣва и злобы, а тѣмъ нанести себѣ крайнее безчестіе? Сверхъ сего я не могу по-

„вѣрить, чтобъ ктонибудь столь лютое „и звѣрское имѣлъ сердце, которое бы не „можно было умягчить и усмирить благо„дѣяніемъ. Я васъ прощаю, и отпускаю отъ „себя, враги мои! ступайте, куда хотите. „Только судите теперь сами, что приличнѣе „вамъ сдѣлать? Еще ли будете питать про„тивъ меня вражду, или примиритеся, от„вергнувъ гнусную злобу?„ Сказавши сіе Діонъ, Гераклида и Ѳеодота отпустилъ, ни малаго не сдѣлавши имъ вреда.

Молодой Спартанецъ, осердившись на Ликурга, ударилъ его палкою по головѣ, и вышибъ ему глазъ. Народъ, вознегодовавши на дерзость его, отдалъ его въ руки самому Ликургу, чтобъ онъ отмстилъ ему по своей волѣ. Ликургъ, человѣкъ честнѣйшій, вытерпѣлъ ударъ отъ молодаго и безчестнаго человѣка? Ликургъ лишился глаза? Не великая ли обида? Все сіе должно было его подвигнуть къ жесточайшему отмщенію. Но онъ взявши сего человѣка къ себѣ въ домъ, вмѣсто мщенія кротостію и снисхожденіемъ своимъ изъ наглаго и сердитаго, каковъ былъ тотъ, которой его обидѣлъ, въ короткое время сдѣлалъ его смирнымъ и скромнымъ.

Одинъ

Одинъ Графъ, вышедши на поединокъ съ Студентомъ Кальскаго Университета, былъ имъ убитъ. Братья убитаго Графа вмѣсто того, чтобъ найти случай отмстить убiйцѣ, ни мало не досадовали на него, но старалися еще извинить его поступокъ, и написали къ отцу убiйцы, бывшему тогда Судьею въ одной Голштинской провинцiи, изъ Гамбурга слѣдующее письмо.

„Нещастный отецъ!

„Съ сердечнымъ сожалѣнiемъ пишемъ къ „вамъ сiи строки, и для утѣшенiя вашего „увѣряемъ васъ, что нѣтъ ни малѣйшаго „чувствованiя злобы или мщенiя въ сердцахъ „нашихъ противъ бѣднаго и нещастнаго сы„на вашего, котораго рука умертвила на„шего любезнаго брата, подававшаго о себѣ ве„ликую надежду. Будьте о насъ увѣрены, что „мы всевозможнаго способа облегчить нещаст„ную судьбу вашего сына ищемъ, и искать не „преминемъ. Естьли же онъ, противъ вся„каго желанiя нашего, будетъ осужденъ на „смерть; въ такомъ случаѣ мы всѣми мѣ„рами будемъ стараться испросить ему у „Короля прощенiе, въ которомъ намъ Ко„роль конечно не откажетъ.„

Другое письмо было слѣдующаго содержанія:

„Нещастный отецъ!

„Сердце наше принудило насъ для утѣ-
„шенія вашего, написать къ вамъ сіи стро-
„ки. Всеусердно просимъ васъ, положиться
„безо всякаго сомнѣнія на наше увѣреніе. —
„Судите сына своего не строго, къ чему
„слѣдствіе его поступка можетъ вамъ по-
„дать поводъ. Намѣреніе его при семъ слу-
„чаѣ весьма было удалено отъ нещастнаго
„произшествія. Позвольте намъ въ утѣше-
„ніе ваше сказать, что мы читали письмо
„сына вашего, которое одно только чувстви-
„тельное сердце написать можетъ, и кото-
„рое изторгало изъ очей нашихъ горкія сле-
„зы. Ни нашъ братъ, ни вашъ сынъ, не
„думали о возможности смерти. Въ серд-
„цахъ ихъ не было ни малѣйшаго сѣмени
„вражды, и кончающійся братъ нашъ по-
„слѣдними своими словами простилъ вашего
„сына, заклиная насъ, чтобъ мы о немъ,
„какъ о нещастномъ убійцѣ, приложили ста-
„раніе. Сіе прощеніе и заклинаніе брата на-
„шего побуждаетъ насъ, съ великимъ усерді-
„емъ стараться о благѣ вашего сына. Мы

„по-

„подлинно стараемся о немъ, и теперь онъ „находится въ безопасномъ мѣстѣ. — Нещастный отецъ! да утѣшитъ васъ Богъ, снизпославши вамъ свое благословенiе, да даруетъ вамъ милость, чтобъ сынъ вашъ, „которой столь много опечалилъ васъ, пришелъ въ состоянiе желаемымъ исправленiемъ, опять утѣшать васъ, и добрыми поступками изгладить въ душѣ вашей ужасное воспоминанiе ужаснаго сего произшествiя.„

XII.

Великiе люди тѣмъ величественнѣе быть кажутся, чѣмъ болѣе себя унижаютъ.

Ни надменiе въ очахъ благоразумныхъ людей не дѣлаетъ человѣка высшимъ и почтеннѣйшимъ. ни смиренiе любителя своего не представляетъ низкимъ и подлымъ. Но напротивъ часто случается, что тѣ горделивцы, которые занимали высшiе степени достоинствъ, лишаются оныхъ, и принуждены бываютъ бѣдственную влачить жизнь; а тѣ кроткiе и смиренные мужи, которые въ презрѣнномъ находились состоянiи, и съ не-

нещастіями непрестанно боролися, восходятъ на самый верьхъ честей и славы. По сему, какъ надменному гордость ни малой не дѣлаетъ чести, но напротивъ крайнее наноситъ безчестіе; такъ кроткому смиреніе ни мало не служитъ въ безславіе, но паче къ прославленію его превосходныхъ нравовъ и похвальныхъ поступковъ. Свѣтъ возженной свѣчи тѣмъ болѣе сіянія имѣетъ, чѣмъ болѣе окружаетъ его мракъ: такъ слава, честь и знаменитыя дѣла тѣмъ болѣе открываются и блистаютъ, чѣмъ болѣе тѣ мужи, которые ими преукращены, ихъ скрываютъ и самихъ себя смиряютъ.

Филопеменъ, великій изъ всей Греціи во свое время воинъ, который возвеличилъ Республику Ахейскую рѣдкими своими достоинствами, и котораго самые Римляне изъ удивительнаго къ нему почтенія называли послѣднимъ, т. е. что ему подобнаго не будетъ въ Грекахъ, сей великій Филопеменъ одѣвался всегда просто, и ходилъ весьма часто безъ проводниковъ. — Одинъ изъ пріятелей просилъ его къ себѣ въ гости. Онъ въ обыкновенномъ простомъ платьѣ пришелъ къ нему. Хозяйка дома, ожидав-

шая

шая къ себѣ великаго Генерала Ахейскаго, увидѣвши его самаго, почла за служителя, и попросила его, чтобъ онъ помогъ ей стряпать, и убираться для прибытія сего гостя. Филопеменъ, ни мало не отговариваяся, скинулъ съ себя плащь, и по приказанію хозяйки началъ рубить и колоть дрова. Тотчасъ пришелъ хозяинъ, и въ удивленіи, какое произвело въ немъ сіе зрѣлище, закричалъ: *Что такое это, другъ мой! что это значитъ? — Я плачу, отвѣчалъ онъ, дань за то, что худо одѣтъ.*

Фарнабазъ, правитель одной провинціи Персидскаго Государя, желалъ нѣкогда переговорить о мирѣ съ Агезилаемъ, Царемъ Лакедемонскимъ. Свиданіе ихъ было въ присутствіи войскъ съ обѣихъ сторонъ. Фарнабазъ явился во всемъ великолѣпіи и пышности Персидскаго Двора. На немъ была пурпуровая золотомъ и серебромъ вышитая одежда, вмѣсто стульевъ положены были великія дорогія подушки, и по земли разостланы были богатые ковры. Но Агезилай вышелъ въ простомъ одѣяніи, не наблюдая въ томъ подобныхъ пышностей, и сѣлъ на голую землю. Пышность Персіянина устыдилась

дилась отъ сего, и не могши терпѣть таковаго различія между ими, воздала честь простотѣ Лакедемонца, подражая оной. Ибо другіе знаки болѣе блистательные, нежели злато и сребро Персидское, видимы были на Агезилаѣ, и дѣлали его почтеннымъ. Они были самое его имя, великая слава дѣлъ его, знаменитыя побѣды, и страхъ оружія, которой приводилъ въ трепетъ Царя Персидскаго на самомъ его престолѣ.

XIII.

Ласкательство затмѣваетъ истинну, однако она, хотя поздо, открывается.

Когда Ксерксъ, Персидскій Государь, исполненный надменія и ослѣпленный пустою надеждою на свое воинство, вознамѣрился итти войною противъ Греціи, то всѣ, окружавшіе его, одобрили и восхвалили сіе предпріятіе, и наперерывъ одинъ передъ другимъ подлымъ ласкательствомъ старались, болѣе его къ тому возбудить. Иной предлагалъ, что одна вѣдомость о войнѣ, которую хочетъ имѣть могущественный и непобѣдимый Персидскій Государь съ малочислен-

сленными Греческими народами, приведетъ ихъ въ чрезмѣрной ужасъ, и что они при первомъ слухѣ о его прибытіи непремѣнно обратятся въ бѣгство. Другой говорилъ, что съ воинствомъ столь безмѣрно великимъ возможно не только побѣдить, но и подавить всю Грецію, и что все то, чего Ксерксу надобно опасаться, состоитъ въ томъ, чтобъ, пришедши въ Грецію, не найти городовъ пустыхъ, и Греками по причинѣ страха оставленныхъ, чтобъ не увидѣть страны и жилища превращенными въ дикія пустыни чрезъ скорой побѣгъ жителей, и чтобъ наконецъ не лишиться случая и времени, доказать удивительное мужество и силу воинства, не имѣя никого, съ тѣмъ бы можно было вступить въ сраженіе. Иные внушали ему, что всѣ народы, населяющіе пространство земнаго круга, естьли ихъ совокупить вмѣстѣ, едва ли будутъ въ состояніи противиться его силѣ, а другіе утверждали, что моря очень узки для содержанія его великихъ флотовъ, что ни въ какомъ лагерѣ не возможетъ помѣститься его пѣхота, что нѣтъ поля столь пространнаго, на которомъ бы могла дѣйствовать его конница,

и

и что не достанетъ воздуха, которой бы вмѣстилъ въ себѣ стрѣлы, естьли пуститъ ихъ все войско. Такимъ образомъ Придворные чрезмѣрнымъ ласкательствомъ влекли Государя своего въ пагубную оную стремнину, въ которую уже его вовлекло собственное высокоуміе и чрезмѣрное мнѣніе о своемъ могуществѣ и величествѣ!

Изъ всего множества Придворныхъ одинъ только Демаратъ Лакедемонянинъ не хотѣлъ себя обезславить гнуснымъ порокомъ ласкательства (ибо онъ со всѣмъ иначе мнилъ о предпріятіи сея войны, нежели какъ весь Дворъ Ксерксовъ думалъ); и потому, представши предъ Царя, мнѣніе свое о семъ изъяснилъ слѣдующими словами:

„Государь! сія великая и не имѣющая „устройства премногихъ воиновъ толпа, на „которую толико возлагаешь ты упованія, „и которую почитаешь непреодолимою, „должна болѣе въ тебя вдохнуть страху, „нежели надѣянія: ибо она тягость только „въ себѣ заключаетъ, а силы не имѣетъ. „Кромѣ сего никакъ не возможно тѣмъ „порядочно управлять, что есть безмѣрно „велико; а чѣмъ управлять не можно, то „не

„не можетъ пребыть въ цѣлости чрезъ дол-
„гое время. Когда ты достигнешь Грецїи,
„то не многое число Спартанцевъ на первой
„горѣ тотчасъ тебя встрѣтятъ, и дадутъ
„тебѣ знать, сколь велика сила и храбрость
„всея Грецїи. Сїи столь многїя тысячи тво-
„ихъ воиновъ остановлены будутъ тремя
„стами Лакедемонцевъ. Они, какъ вкопаные,
„будутъ стоять на своихъ мѣстахъ; и ни-
„что не принудитъ ихъ къ отступленїю.
„Они узкїе въ горахъ проходы до послѣдняго
„издыханїя будутъ защищать, и заградятъ
„ихъ своими тѣлами. Вся Азїя не будетъ
„въ состоянїи подвигнуть ихъ съ своихъ
„мѣстъ. Весьма малое ихъ число выдержитъ
„столь страшныя, бывающїя во время битвы,
„пораженїя, и отразитъ отъ себя нападенїе
„почти всего свѣта. Когда тебѣ природа не
„будетъ противиться, но допуститъ пере-
„мѣнить свои законы для твоего прохожде-
„нїя; то будешь принужденъ остановиться
„въ тѣсномъ проходѣ. Ты будешь тогда су-
„дить о уронахъ и убыткахъ, каковые те-
„бѣ надобно будетъ претерпѣть въ послѣд-
„ствїи, судя потому, чего тебѣ будетъ
„стоить проходъ чрезъ Термопилы. Когда
„же

„же ты увидишь на самомъ опытѣ, что „тебя остановить можно; тогда узнаешь, „что и въ бѣгство тебя обратить весьма „удобно.

„Возможно правда тебѣ будетъ побѣ„дить во многихъ мѣстахъ, и войска твои, „на подобіе быстрыя рѣки, разрывающей „оплоты, и все лежащее на берегахъ съ со„бою уносящей, всѣхъ сперва встрѣчающихся „непріятелей разсыплютъ; но скоро по „томъ они опять соберутся со всѣхъ сто„ронъ, и отвсюду учинивъ на тебя напа„деніе, собственными твоими силами дове„дутъ тебя до послѣдней крайности, и „принудятъ сіе превосходство силъ, усту„пить искуству гораздо меньшаго числа.

„Справедливо, Государь! многіе изъ „предстоящихъ здѣсь утверждаютъ, что „тѣ страны, на которыя ты вознамѣрился „учинить нападеніе, не суть столь велики „и пространны, чтобъ могли въ себѣ вмѣ„стить столь великую армію со всѣмъ воин„скимъ приборомъ. Но сіе самое не только „для тебя не полезно, но и крайне вредно. „Тѣмъ тебя Грецiя побѣдитъ, что не мо„жетъ вмѣстить всего твоего войска. Ибо

„ты

„ты не будешь въ состоянїи дѣйствовать „всѣми силами, но развѣ только одною изъ „нихъ частїю.

„Сверхъ сего, хотя бы ты употребилъ „въ сраженїи всю сїю безмѣрную воиновъ „кучу; но не можно тебѣ будетъ испол- „нить того, отъ чего зависитъ безопасность „войска и самая побѣда. Ты по причинѣ мно- „жества и отдаленїя, не можешь быть „во всѣхъ мѣстахъ при первомъ движенїи „войска, не можешь подать помощь осла- „бѣвающимъ, не можешь ободрить отсту- „пающихъ, не можешь подкрѣпить начи- „нающихъ колебаться; не можешь наконецъ „порядочно давать приказы. Ты будешь по- „бѣжденъ гораздо прежде, нежели объ одер- „жанной надъ тобою побѣдѣ узнаешь.

„И такъ не думай, Государь! что „войско твое не можно остановить по тому „только, что безмѣрное его число и само- „му главному предводителю неизвѣстно. „Нѣтъ ничего столь великаго, чтобъ не „могло быть разрушено. Ибо, изключивъ всѣ „прочїя причины, самое величество бываетъ „причиною собственнаго разрушенїя.„

Ксерксъ выслушалъ сїю рѣчь: но безмѣрное его надменїе не допустило признать, что предложенное Демаратомъ есть истинно; и потому, отвергши его мнѣнїе, яко недостойное своего величества, повелъ свое войско въ Грецїю. Къ несчастїю его все то исполнилось, что ему предсказывалъ Демаратъ. Сей Государь, которой силился разрушить преграды, полагаемыя Богомъ и людьми для воспрепятствованїя тщетнымъ и безчестнымъ предпрїятїямъ, которой перемѣнялъ и истреблялъ все то, что противилось его шествїю, которой уповалъ всю Грецїю не покорить токмо, но и подавить своими силами; сей, говорю, Государь, былъ остановленъ тремя стами людей, и вскорѣ по томъ увидѣвши, что все воинство его распространилося по всей Грецїи, узналъ, сколь великое есть различїе между благоустроеннымъ войскомъ, и между безчисленною толпою людей, неискусныхъ въ воинскихъ дѣлахъ. Послѣ сего столь безразсуднаго похода, нещастный Ксерксъ благодарилъ Демарата, что онъ одинъ только говорилъ ему истинну, и приказалъ ему просить у себя того,

что

что захочетъ. Онъ просилъ, чтобъ позволено было ему въѣхать въ Сардъ, одинъ изъ самыхъ великихъ городовъ Азiйскихъ, сидящему на колесницѣ, и имѣющему на головѣ Царскую шапку, которая честь однимъ только Царямъ принадлежала. Онъ достоинъ былъ сего награжденiя; но прежде нежели онаго просилъ. Сколь же нещастнымъ должно почесть сей народъ, въ которомъ не было ни одного человѣка, которой бы Царю открылъ истинну, изключая одного чужестранца, да и то такого, которой не говорилъ истинны себѣ самому.

Подобное сему произшествiе, но съ различнымъ нѣсколько и печальнымъ окончанiемъ, было при Дарiѣ, Персидскомъ же Государѣ, котораго побѣдивъ Александръ великiй, овладѣлъ странами Азiи.

Когда Дарiй противъ силы Александра Великаго, угрожавшаго страшною войною, долженъ былъ поставить свою силу, то безмѣрное множество людей отвсюду было собрано, и всѣ были соединены вмѣстѣ. Государь съ удовольствiемъ и великою радостiю взиралъ на сiе множество ратниковъ, которые должны были отвратить непрiя-

 теля

теля толь ужаснаго, каковъ былъ Александръ, и тѣмъ доставить тишину и спокойствіе всей Азіи. Между тѣмъ Вельможи, его окружавшіе, внушали ему, что съ симъ воинствомъ не побѣдить токмо, но и совершенно истребить Александра возможно; а такими и симъ подобными ласкательствами болѣе умножали тщетное его надменіе, и пустое на свое могущество надѣяніе. Изъ числа сихъ Вельможъ одинъ только Харидемъ Аѳинянинъ, мужъ въ дѣлахъ военныхъ преискусный, которой по повелѣнію Александра Великаго былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, зная благоустройство воинства Александрова, и неискуство Даріева множества, иначе думалъ о послѣдствіи безчисленныхъ къ войнѣ пріуготовленій и объ успѣхѣ оныя. И потому, когда Дарій, обратившись къ нему, спросилъ его, довольно ли ему кажется сихъ силъ для отраженія и низложенія непріятеля? забывъ и надменіе сего Государя, и свое нещастное состояніе; (поелику изъ отечества былъ изгнанъ, и по милости его былъ принятъ) мнѣніе свое о семъ изъяснилъ слѣдующими словами:

„Го-

„Государь! можетъ быть нежелательно „но тебѣ выслушать ту истинну, которую „я открыть намѣренъ. Но ежели я теперь „сего не здѣлаю, то тщетно послѣ буду о „семъ предлагать. Сiи столь великiя къ „войнѣ прiуготовленiя, сiе столь безчисленное „множество народовъ, вызванныхъ изъ „странъ всего Востока, можетъ привести въ „страхъ тѣхъ только, которые съ нами „единыя границы имѣютъ. Сiя видимая тобою „толпа сiяетъ багряницею и златомъ, „блистаетъ оружiемъ и драгоцѣнными сокровищами, „каковыхъ, естьли кто своими „глазами никогда не видалъ, тотъ въ умѣ „ихъ вообразить не можетъ. Но Македонскiе „воины не имѣютъ при себѣ никакого богатства, „и не украшены дорогими одеждами. „Они будучи мужественны, тверды, и къ симъ „сiянiямъ нечувствительны, умѣютъ столь „искусно прикрывать щитами и копьями „свой строй и сомкнутые вмѣстѣ ряды, что „ни единаго изъ нихъ не можно подвигнуть „съ мѣста, развѣ когда всѣ будутъ побѣждены „и опрокинуты. Составляютъ они изъ „себя такой неподвижной рядъ, въ которомъ „воинъ съ воиномъ, а оружiе съ оружiемъ

„столь тѣсно соединяются, что весьма тру„дно его разорвать и разрушить. Каждой „воинъ устремленъ на своего полководца, и „по мановенїю его узнаетъ, что надобно ему „дѣлать: а въ сохраненїи порядка никто не „погрѣшаетъ. Всякой приказанїя выслушиваетъ въ точности; и не менѣе простые „воины, какъ и самые Генералы, знаютъ, „какъ надобно остановиться, какъ въ кругъ „обойти, какъ раздѣлиться на крылья, какъ „neперемѣнить мѣсто сраженїя.

„Не думай, Государь! что искуство и „мужество воиновъ Александровыхъ произо„шло отъ крайняго ихъ пристрастїя къ зла„ту и сребру. Нѣтъ! они по сїе время на„блюдаютъ воинскїе уставы, презирая и „отвергая всякое излищество. Когда они „утрудятся, то голая земля служитъ имъ „вмѣсто постели. Пищею довольствуются „такою, какая случится. Они гораздо ме„нѣе времени проводятъ во снѣ, нежели „сколько долга есть ночь. Не ласкаешся ли „ты, Государь! сею надеждою, что пращами и „копьями можно будетъ обратить въ бѣг„ство Ѳессалїйскую конницу, и преодолѣть „Акарнановъ и Етолїйцевъ, сихъ крѣпкихъ

„и

„и непобѣдимыхъ воиновъ? Естьли такъ, „то сія надежда пустая. Здѣсь потребна „равная сила и мужество. Надобно тебѣ „противъ ихъ искать помощи въ тѣхъ самыхъ странахъ, въ которыхъ они родились. Естьли непротивно выслушать и „принять мое мнѣніе, то сіе злато и сребро, которымъ блистаетъ твое воинство, „и которое ему болѣе дѣлаетъ тягости, „нежели украшенія, употреби лучше на наятіе воиновъ, которые бы могли противостоять силамъ Александровымъ, и не допустить сего страшнаго врага, восторжествовать надъ странами Азіи.„

Дарій былъ Государь тихихъ и кроткихъ нравовъ, но щастіе, которое чрезмѣрно надымаетъ человѣка и ослѣпляетъ его очи, чтобъ не могъ видѣть истинны, и самую Природу перемѣняетъ. И потому, не возмогши снести справедливаго, но гордости своей противнаго мнѣнія, Харидема, предавшагося ему подъ защищеніе, и предлагавшаго спасительный совѣтъ, приказалъ умертвить. Харидемъ, будучи ведомъ на смертное наказаніе, котораго онъ ни мало не былъ достоинъ, говорилъ: „Я имѣю въ го-

„товности того, которой отмститъ за „мою смерть. Тотъ самой Александръ, против которага я тебѣ совѣты предлагалъ, „накажетъ тебя за то, что ты ихъ презрѣлъ и отвергъ. Ты вознесшись Царскою „властїю, думаешь, что все тебѣ учинить „возможно; но я предвѣщаю, что ты будешь „примѣромъ и образцемъ грядущимъ племенамъ, какъ тѣ люди, которые ввѣряютъ „себя слѣпому щастїю, заблуждаютъ, и самую свою природу забываютъ.„ Какъ онъ сїе сказалъ, то тѣ, которымъ было приказано, его лишили жизни. Спустя не много времени, но впрочемъ весьма поздо, Дарїй пришедши въ раскаянїе, сожалѣлъ о гнусномъ своемъ поступкѣ, и признавшись предъ всѣми, что все то, что говорилъ Харидемъ, есть истинно, приказалъ тѣло его съ честїю предать погребенїю.

XIV.

Отецъ изторгаетъ у сына мечь, и преклоняетъ его на свое мнѣнїе.

Когда Аннибалъ, знаменитый Генералъ Карѳагенскїй, въ Италїи многїя надъ Римлянами одержалъ побѣды, и почти довелъ

велъ ихъ до послѣдней крайности, то жители города Капуи, которые держались стороны Римлянъ, устрашившись сего побѣдителя, начали другъ другу предлагать, не лучше ли имъ въ семъ случаѣ отстать отъ Римлянъ, и предавшись Аннибалу, впустить его въ городъ. Пакувій Калавій, одинъ изъ знаменитыхъ гражданъ Капуанскихъ, не взирая на сопротивленіе Деція Магія, знаменитаго также человѣка, которой держалъ сторону Римлянъ, и съ которымъ Перолла, сынъ онаго Пакувія, былъ соединенъ дружбою и одинаковое имѣлъ мнѣніе, происками своими дошелъ до того, что Капуа здалась Аннибалу. Извѣстно было Аннибалу, что Перолла, сынъ сего Пакувія, съ Магіемъ ни мало не были согласны, впустить его въ городъ; и потому, когда Аннибалъ вступилъ въ Капуу, Пакувій, желая очистить всякое подозрѣніе отъ своего дома, сына своего Пероллу привелъ къ нему, и слезами своими испросилъ ему у него прощеніе во всемъ прошедшемъ. Два брата, знатнѣйшіе во всемъ городѣ какъ родомъ, такъ и богатствомъ, представили Аннибалу столъ, къ которому трое только изъ

Капуанцевъ приглашены были, Таврей, Пакувїй и сынъ его Перолла. Пиръ былъ великолѣпной и всѣмъ изобильной. Бывшїе за столомъ довольно сдѣлались веселы. Одинъ только Перолла показывалъ знаки нѣкоторой угрюмости и печали, такъ что ни хозяинъ, ни Аннибалъ не могли его преклонить къ принятїю участїя въ общемъ веселїи. Онъ извинялся въ семъ худымъ здоровьемъ; а отецъ въ причину приводилъ, что не дивно ему быть въ нѣкоторомъ возмущенїи духа въ присутствїи Аннибала, столь великаго мужа. Пакувїй, посидѣвши за столомъ довольно времени, вышелъ въ садъ, а за нимъ и сынъ его Перолла. Когда они пришли въ такое мѣсто, гдѣ ихъ никто не могъ ни видѣть ни слышать; то сынъ отцу такъ началъ говорить:

„Любезный родитель! я открываю тебѣ мое намѣренїе, которое естьли исполню, „то мы Капуанцы не только исходатайствуемъ себѣ у Римлянъ въ томъ прощенїе, что отвергши съ ними союзъ, приняли въ городъ Аннибала, но и въ большемъ будемъ уваженїи и почтенїи, нежели какъ были прежде.„

Па-

Пакувій, въ крайнее пришедши удивленіе, спросилъ, какое это намѣреніе. Перолла, открывши свое платье, показываетъ ему мечь, которымъ онъ былъ препоясанъ и говоритъ:

„Я нетерпѣливо желаю, кровію Аннибаловою запечатлѣть и утвердить нашъ союзъ съ Римлянами. Прежде нежели я „исполнилъ сіе предпріятіе, мнѣ желательно было тебѣ его открыть, дабы ты, „естьли противно тебѣ покажется быть „зрителемъ и свидѣтелемъ сего дѣла, могъ „отселѣ удалиться.„

Калавій, увидѣвши мечь, и выслушавши сіи слова, отъ ужаса пришелъ внѣ себя. Ему представилось, что будто онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ, какъ сынъ его поражаетъ Аннибала, какъ льется кровь сего побѣдителя, какъ отъ удара меча издыхая повергается на землю. Таковаго чувствія будучи исполненъ, въ крайнемъ замѣшательствѣ, говоритъ сыну:

„Сынъ мой! я прошу и молю тебя, „убѣждая всѣми священнѣйшими правами, „которыя соединяютъ родителей съ дѣтьми, „дабы ты предъ очами отца твоего не дерзалъ совершать сего злодѣянія, какъ законо-

„пре-

„преступнаго, такъ и пагубнаго по тѣмъ „слѣдствіямъ, которыя неминуемо его бу- „дутъ сопровождать. Много ли прошло ча- „совъ, какъ мы во взаимной другъ ко другу „вѣрности обязались торжественно клят- „венными обѣщаніями, какъ показали Анни- „балу истинные знаки истиннаго съ нимъ „союза, какъ во увѣреніе нашего дружества „соединяли мы взаимно наши десницы; и „не уже ли будемъ столько вѣроломны и „жестокосерды, что не успѣвши отойти отъ „сего собесѣдованія, ополчимъ противъ него „тѣхъ самыя руки, которыя ему подавали „въ залогъ нашего единодушія и преданно- „сти? Не уже ли сей столъ, которой при- „готовленъ для столь великаго гостя, и „къ которому ты третій изъ Капуанцевъ „по милости Аннибала допущенъ, не уже ли, „говорю, сей самый столъ оставляешь ты „для того только, чтобъ обагрить его кро- „вію сего гостя? — Любезный сынъ! не „уже ли ты столько непреклоненъ, а я без- „силенъ и слабъ, что испросивши у Анни- „бала тебѣ милость, не возмогу ее испро- „сить у тебя Аннибалу? Но пусть! .... От- „вергни ты оныя клятвенныя обязательства;

„на-

„нарушь вѣрность, презри законъ, забудь „любовь и почтенїе, каковымъ обязанъ сынъ „своему отцу: отважься на самое гнусное и „законопреступное злодѣянїе, естьли толь„ко оно не ввергнетъ тебя въ ужасную по„гибели пропасть, естьли только не будетъ „тебѣ стоить жизни! — Ты одинъ хочешь „напасть на Аннибала? — Но какъ? Развѣ „ты думаешь, что сїе великое множество „окружающихъ его, какъ вольныхъ людей, „такъ и рабовъ, пребудетъ бездѣйственно и „неподвижно въ то время, какъ ты противъ „его обнажишь твой мечь? Развѣ ты мнишь, „что сїи очи, на него единаго устремлен„ные, и здравїе его непрестанно стрегущїе, „не узрятъ того, какъ ты устремишся на „него съ смертнымъ ударомъ? Развѣ ты „уповаешь, что сїи столь многїя руки, не„престанно ополченныя и готовыя къ его „защищенїю, ослабнутъ и не подвигнутся „въ тотъ часъ, какъ ты войдешь въ без„разсудную ярость, и вознесешь твою де„сницу на пораженїе его? — Да и возможешь „ли ты устоять противъ взора Аннибалова, „сего, говорю, ужаснаго взора, противъ ко„тораго не могутъ устоять цѣлыя воинства,

„ко-

„котораго содрогаетъ народъ Римскій? А „хотя бы онъ не имѣлъ никакого другаго „вспоможенія; такъ возстанешь ли ты противъ меня самаго? Устремишся ли на пораженіе твоего отца, когда я отъ твоего „удара буду его прикрывать своимъ тѣломъ, „и стану среди его и твоего размаха? Но я „тебѣ объявляю, что ты не иначе можешь „его поразить и пронзить, какъ токмо пронзивши мою грудь? Послушай меня, сынъ „мой! согласись лучше оставить сіе безумное предпріятіе, нежели вскорѣ бѣдственно и ужасно погибнуть. Здѣлай для меня „сіе крайнее удовольствіе, чтобъ прошеніе „мое столько же надъ тобою воздѣйствовало, сколько оно было нынѣшняго дня въ „твою пользу дѣйствительно.

Сынъ не могъ устоять противъ сихъ столь сильныхъ выраженій отца своего. Слезы, покатившіяся изъ глазъ его, показали, что онъ былъ тронутъ. Отецъ видя его чувствительность, обнимаетъ его, держа въ нѣжныхъ своихъ объятіяхъ, цѣлуетъ, и усугубляя прошеніе свое, убѣждаетъ его бросить мечь, и дать въ томъ клятвенное обѣщаніе, что онъ оставитъ свое предпріятіе.

Пе-

Перолла, побѣжденный отцемъ своимъ, отвѣтствуетъ ему:

„Пусть будетъ по желанію твоему, любезный родитель! Ту любовь и покорность, „которую я долженъ имѣть къ моему отечеству, докажу теперь моему отцу. Только крайне сожалѣю я о твоей участи, что „ты вѣчную понесешь укоризну и безчестіе „за троекратное преданіе отечества. Ибо „ты нарушивъ союзъ съ Римлянами, заключилъ съ Аннибаломъ договоръ и принялъ „его въ городъ: и наконецъ нынѣ возпрепятствовалъ мнѣ Капуу паки утвердить „въ союзѣ съ Римлянами. А ты, драгоцѣнное и нещастное отечество! воспріими сіе „оружіе, которымъ я ополчившись, хотѣлъ „сей городъ избавить отъ врага, когда отецъ „мой исторгаетъ его изъ моихъ рукъ.„ Говоря сіи слова, Перолла кидаетъ на улицу мечь чрезъ ограду сада, и возвращается опять въ покой, въ которомъ были гости, дабы не подать повода ни къ какому подозрѣнію.

XV.

Примѣръ рѣдкой чувствительности мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ.

Одинъ человѣкъ, по имяни Іяковъ, исправлялъ самое презрѣнное ремесло. Онъ имѣлъ жену и четверыхъ дѣтей. Трудъ его едва доволенъ былъ для пропитанія сей нещастной семьи. При всемъ томъ вкушалъ онъ истинное щастіе, и сердце его всегда исполнялось радостію, когда онъ видѣлъ дѣтей своихъ довольными и вмѣстѣ съ нимъ поющими. Онъ день и ночь проводилъ въ своемъ неблагодарномъ трудѣ. Смотря на него, сколько онъ при всемъ своемъ стараніи былъ бѣденъ, всякой сказалъ бы, что счастіе есть злый духъ, которой полагаетъ свое удовольствіе въ томъ, чтобъ утѣснять добрыя сердца, чтобъ ихъ терзать, чтобъ ихъ поражать жестокими стрѣлами. Іяковъ при всѣхъ трудахъ и неусыпномъ тщаніи, которое онъ прилагалъ для сопротивленія своему нещастію, увидѣлъ себя угнѣтеннымъ крайнею бѣдностію. Жена и дѣти его доходили до необходимости. Они не имѣли болѣе уже пищи. Великой голодъ и отъ того ослабленіе тѣла и изнеможеніе силъ прину-

нуждали ихъ со слезами просить Іакова, чтобъ онъ какимъ бы-то ни было образомъ постарался достать хлѣба. Іаковъ проливалъ съ ними вмѣстѣ слезы: онъ чувствовалъ ужасъ ихъ состоянія: онъ позабылъ нѣкоторымъ образомъ и то, что его самаго изнуряетъ голодъ. Онъ покусился сперва прибѣгнуть къ своимъ сосѣдямъ. — Онъ проситъ ихъ помощи. — Онъ взываетъ къ нимъ жалостнымъ голосомъ. — Но окамененныя сердца могутъ ли подвигнуться симъ печальнымъ состояніемъ нещастнаго? Подадутъ ли они ему помощь? Насытятъ ли изнуренныхъ голодомъ и уже отъ того подходящихъ къ преддверію смерти? — Нѣтъ! Всѣ человѣки: но не имѣютъ сердца, человѣку свойственнаго. Всѣ человѣки: но безъ всякаго сожалѣнія взираютъ на страждущее человѣчество. Всѣ человѣки: но богатые однихъ самихъ себя включаютъ въ число человѣчества, а бѣдныхъ изключаютъ. О сколь сіе постыдно для человѣческаго рода! — Іаковъ проситъ милостыни со слезами; но ему не внемлютъ и не взираютъ на слезы его. Вотъ что такое есть нещастный на земли! Іаковъ говоритъ, что жена и дѣти

его помирающъ съ голоду, и что онъ самъ отъ тогоже скоро придетъ въ изнеможенїе; но сїе мало трогаетъ его сосѣдей и проходящихъ мимо его; а хотя и случалось, что нѣкоторые возчувствовавши къ нему сожалѣнїе, подавали ему милостыню; но она была столь мала, что едва только на нѣсколько минутъ отлагала конецъ жизни жены и дѣтей его. — Наконецъ нещастный Іаковъ, пришедши въ отчаянїе, побѣжалъ по улицѣ какъ сумасшедшей, не зная самъ, куда и за чѣмъ бѣжитъ. Ему попался на встрѣчу товарищъ его, которой въ такомъ же упражнялся ремеслѣ, и столько же почти былъ бѣденъ, какъ и онъ. Онъ остановилъ Іакова, и видя его пораженна печалїю, спрашивалъ о причинѣ. — *Я пропалъ*, отвѣтствовалъ бѣдный Іаковъ, *жена и дѣти мои не ѣли отъ утра вчерашняго дня. Они, думаю, съ голоду умираютъ, а я не знаю, куда иду.* — *Другъ мой!* отвѣтствовалъ ему другой, будучи тронутъ печальнымъ его состоянїемъ, *вотъ тебѣ двѣ монеты. Онѣ составляютъ все то, что я ни имѣю: однако я съ усердїемъ ихъ тебѣ отдаю. Естьли же ты хочешь получить денегъ болѣе, то я скажу тебѣ средство.*

которое. . . . Я все здѣлаю, говорилъ Іаковъ, прервавши рѣчь его, *изключая то, что противно честности и Религіи. — Ну!* продолжалъ его товарищь, *поди вотъ въ такое то мѣсто къ такому то человѣку. Онъ учится кровь отворять, и естьли ты рѣшишся пустить себѣ кровь, то онъ за это заплотитъ тебѣ нѣсколько денегъ.* Іаковъ спѣшитъ къ сему извѣстному человѣку, отворяетъ кровь изъ одной руки. Ему платятъ за то деньги. Онъ возвратился къ своему товарищу, которой обѣщался его дождаться. Товарищь ему сказалъ, что и въ другомъ мѣстѣ есть такой же человѣкъ. Іаковъ пошелъ къ нему, отворить кровь и изъ другой руки. Отворена кровь, и заплачены ему деньги. Сей столь жалкой и вниманія достойной человѣкъ восхищается радостію, покупаетъ хлѣба, идетъ поспѣшно домой, раздѣляетъ его своей женѣ и дѣтямъ, пришедшимъ отъ голода въ крайнее безсиліе. Они видятъ его измѣнившимся въ лицѣ и ослабѣвшимъ. Онъ садится. Кровь течетъ изъ обѣихъ рукъ его. — *Мужъ мой! — Родитель нашъ! — Что съ тобою сдѣлалось? Конечно ты кровь отворилъ. — Любезная же-*

на моя! любезныя дѣти мои! отвѣтствовалъ онъ имъ съ глубокимъ вздохомъ держа ихъ въ объятїяхъ: *это здѣлалъ я для доставленїя вамъ пропитанїя.* — Нещастные сїи, заливаяся слезами, другъ друга прижимаютъ къ сердцу. . . . О человѣки! какое зрѣлище! — Сїе произшествїе не есть выдуманное и ложное, но истинное, и представлено было на самомъ опытѣ во всей своей простотѣ. —

Таковая чувствительность да возбудитъ усыпленное человѣколюбїе въ глубинѣ сердца твоего, немилосердый и погруженный въ роскошахъ человѣкъ!

XVI.

Опровержснїе на сїю пословицу: Столько враговъ, сколько рабовъ. —

Гордость и жестокосердїе вымыслили пословицу, что *мы столько имѣемъ враговъ, сколько находится у насъ рабовъ.* Какъ гнусно сїе мнѣнїе! какъ несправедливо! Чтобъ они были хороши, сїе зависитъ отъ самихъ Господъ ихъ. Мы ихъ не имѣемъ, но сами себѣ дѣлаемъ врагами: когда съ ни-

мы не такъ поступаемъ, какъ съ людьми, но какъ со скотами. Человѣкъ отъ природы одаренъ словесностію; но часто случается, что бѣднымъ слугамъ въ нужномъ случаѣ, и въ самой истиннѣ, говорить не позволяется. Палка превращаетъ малѣйшее ихъ ворчаніе; да и самыя неумышленныя дѣла безъ строгаго наказанія не проходятъ. А отъ сего происходитъ тò, что тѣ слуги обыкновенно Господъ своихъ въ отсутствіи ихъ поносятъ и безчестятъ, которымъ предъ ними ничего непозволено говорить: а напротивъ тѣ, которые не только въ присутствіи Господъ, но и съ самими ими говорить могутъ безпрепятственно, не щадятъ жизни своей для спасенія ихъ, и добровольно за нихъ себя подвергаютъ угрожающей опасности.

Плоцій Планкъ, гражданинъ Римскій, въ странѣ Салернитанской укрывался отъ своихъ непріятелей; но нѣкоторой случай открылъ имъ мѣсто его убѣжища. Они тотчасъ туда прибѣгли, и не нашедши Плоція, перехватали его слугъ, и разными пытками старались отъ нихъ узнать, гдѣ Господинъ ихъ скрылся. Слуги, которыхъ Пло-

цій содержалъ не такъ какъ рабовъ, но какъ дѣтей, захотѣли лучше претерпѣть лютость мученія, нежели предать своего Господина. Не могъ стерпѣть Плоцій, чтобъ столь вѣрные рабы были мучимы; но вышелъ самъ къ своимъ непріятелямъ, и добровольно подъ ихъ мечи подклонилъ свою голову.

Но невѣроятная вѣрность, какую имѣлъ къ Урбинію Анапіону, гражданину также Римскому, его слуга, не знаю, кого не приведетъ въ крайнее удивленіе? — Когда онъ узналъ, что воины пришли умертвить его Господина, то перемѣнилъ съ нимъ свое платье, и надѣвши на руку его кольцо, выпустилъ его потихоньку въ заднія двери, а самъ взошедши въ спальню Господина своего, легъ на его постель. Вдругъ пришли воины, ворвались въ спальню, и въ запальчивости своей не разобравши, кто такой лежитъ, подъ видомъ Анапіона убили вѣрнѣйшаго его слугу. Ни страшной приходъ воиновъ, ни вломленіе въ двери, ни грозной голосъ, ни лютой видъ, ни сверкающіе мечи, ни самые смертельные удары не поколебали его вѣрности и великодушія. Онъ

умеръ

умеръ спокойно, и тѣмъ Господина своего избавилъ отъ смерти. Анапіонъ, столько одолженный слугѣ своему, съ великою честію тѣло его предалъ землѣ, и здѣлавши великолѣпную гробницу, надписью засвидѣтельствовалъ свою благодарность за его усердіе и вѣрность.

Но отъ чего то происходитъ, что многіе презираютъ рабовъ? Развѣ слуга не такимъ же образомъ раждается, какъ и всѣ другіе люди? Развѣ онъ не однимъ съ ними питается воздухомъ? Развѣ онъ не тѣми же благотворнаго солнца лучами освѣщается? Развѣ онъ не такъ дышетъ, не такъ живетъ, не такъ и умираетъ, какъ мы? — *Онъ мой рабъ! я полную имѣю власть надъ нимъ!* — Чтожъ въ семъ? Не надобно о рабахъ судить по одному ихъ званію, по одному внѣшнему виду. Глупъ тотъ, которой покупая лошадь, на нее не смотритъ, но только на узду и на уборы: но тотъ и сего глупѣе, которой о человѣкѣ судитъ по платью, или по внѣшнему его состоянію. — Рабъ онъ? — Но можетъ быть свободенъ духомъ. — Рабъ онъ? — И сіе поставляется ему въ вину, что онъ носитъ имя тво-

его служителя? Рабъ онъ? — Однако человѣкъ, одаренный разумомъ и волею? — Рабъ онъ? — Но лучше сказать, сожитель и покорной другъ, которой требованіямъ нашимъ всегда готовъ удовлетворить. — Рабъ онъ? — Но справедливѣе назовешь его своимъ сослужителемъ, потому что щастіе надъ обоими равную имѣетъ власть, и можетъ его здѣлать щастливымъ, а тебя бѣднымъ. — Рабъ онъ? — Но естьли добродѣтеленъ, то свободенъ; а ты, естьли покорилъ себя страстямъ и порокамъ, подвергъ себя поноснѣйшему рабству. — Рабъ онъ? — Но представь, кто бы не былъ рабомъ? Иной раболѣпствуетъ похоти, другой служитъ сребролюбію, тотъ отдается въ плѣнъ гордости, а сей побѣждается роскошію; тотъ подпадаетъ честолюбію, а сей покаряется гнѣву и бѣшенству. — Но нѣтъ рабства безчестнѣе и гнуснѣе, какъ то, которое происходитъ отъ собственной воли.

Александръ Македонскій, названный Великимъ, покорилъ оружію своему Персію, Индію, и всѣ страны, начинающіяся отъ Чернаго Моря и простирающіяся до Восточнаго Океана. При всемъ томъ, когда онъ

умер

умертвилъ друга своего Клита, и пришелъ наконецъ о содѣянномъ убивствѣ въ раскаяніе, принужденъ былъ впасть въ безмѣрную горесть и печаль. Такимъ образомъ, побѣдитель толикихъ Государей, и владѣтель толикихъ народовъ, здѣлался сперва рабомъ бѣшенства, а по томъ плѣнникомъ печали и сожалѣнія. Ибо онъ стараніе свое единственно прилагалъ къ тому, чтобъ все привесть подъ свое владычество, изключая страстей. И такъ того славнаго Героя, котораго никто не могъ побѣдить, побѣдили собственные пороки, и изъ повелителя народовъ, здѣлали слугою своихъ внушеній.

Часто случается видѣть, что Господа немилосердо своихъ слугъ наказываютъ. Но не ужели пріятенъ ихъ слуху плачь, вопль, стонъ, воздыханіе? — Естьли есть кто нибудь такой, то это есть человѣкъ безчеловѣчнѣйшій. Никто не скажетъ, что слугъ никогда не должно наказывать. Есть случаи, въ которыхъ нужда заставляетъ прибѣгнуть къ наказанію, и оно не рѣдко приводитъ человѣка къ исправленію. Но здѣсь охуждается чрезмѣрная строгость, или иначе лютость.

Ведія Полліона, которой слугъ, когда они ему досаждали, предавалъ на съѣденіе звѣрямъ, кто не почтетъ достойнымъ, чтобъ онъ самъ былъ отданъ имъ на съѣденіе? Человѣкъ жестокій и достойный тысящи смертей! Нѣкогда у сего безчеловѣчнаго человѣка ужиналъ Августъ Кесарь. Одинъ изъ слугъ его во время ужина разбилъ хрустальной сосудъ. Ведій чрезмѣрно осердился на него; и тотчасъ за столь малую безделицу приказалъ его отдать звѣрямъ на съѣденіе. Нещастный слуга, не имѣя ни малой надежды къ своему избавленію, прибѣгъ къ ногамъ Кесаря, и просилъ его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ инымъ образомъ приказалъ его умертвить, а не онымъ. Кесарь, устрашившись сего неслыханнаго мученія, слугу избавилъ отъ смерти, и въ наказаніе за жестокость Полліона все хрустальное, стеклянное и глиняное въ домѣ его велѣлъ перебить.

Сколько сей извергъ былъ жестокъ, столько напротивъ Императоръ Адріанъ милостивъ и снисходителенъ. Ибо когда онъ ненарочно вышибъ глазъ у своего слуги; то призвалъ его къ себѣ и сказалъ: *За то, что*

что я лишилъ тебя глаза, проси отъ меня, чего хочешь. Я все, что тебѣ потребно, исполню. Слуга не зная, что ему надобно просить у Императора, долго молчалъ. Императоръ видя его нерѣшительность, говорилъ: *Скажи скорѣе, что тебѣ желательно отъ меня получить. — Повѣрь мнѣ, что я просимое тобою исполню.* Слуга ему говорилъ: *Милостивѣйшїй Государь! я малаго отъ васъ хочу требовать. — Чего?* спросилъ Императоръ. — *Чтобъ вы мнѣ*, отвѣчалъ слуга, *возвратили тотъ глазъ, который вышибенъ. — Ахъ!* сказалъ Императоръ, *я сего здѣлать никакъ не могу, хотя все для тебя сдѣлать обѣщался.* Сказавши сїе, наградилъ слугу довольною суммою денегъ, которою онъ пользовался до самой смерти, благодаря Императора за его милость.

Александръ Великїй не мало лишился славы, покоривши себя страстямъ; но слѣдующїй поступокъ дѣлаетъ его достойнымъ многихъ похвалъ. Когда онъ, во время морской непогоды, принужденъ былъ, приспать къ берегу, и сѣдши на креслахъ, сталъ грѣться подлѣ огня; то увидѣлъ престарѣлаго воина, которой дрожалъ отъ чрезмѣр-

мѣрной стужи. Не медля ни мало, всталъ онъ съ креселъ, и тѣми же самыми руками, которыми силы Даріевы сокрушилъ, скорчившагося отъ стужи воина посадилъ на свое мѣсто. Вотъ образъ величественнаго смиренія! — И такъ удивительно ли, что воины съ усердіемъ служили сему Государю, которой здоровье рядоваго Солдата предпочиталъ своему Царскому достоинству? Подобными поступками можемъ мы не врагами себѣ сдѣлать рабовъ, но и изъ враговъ вѣрнѣйшими и преданнѣйшими намъ служителями.

XVII.

Невѣроятное и неслыханное чудо, произведенное Обезьяною.

Ѳома Рое, Аглинскій Посолъ, повѣствуетъ, что, когда онъ былъ у великаго Могола, то одинъ человѣкъ, родомъ изъ Бенгала, къ Моголу привелъ превеликую Обезьяну, и разсказывалъ объ ней многія чудеса, и что она все то, что хотя безъ нее будетъ скрыто, можетъ найти. Моголъ, желая извѣдать на опытѣ разсказываемое имъ, снялъ

съ

съ своей руки кольцо, и спряталъ его въ платье одного изъ своихъ Пажей. Ввели Обезьяну. Она прямо пошла къ тому, и вынула у него кольцо. По томъ написаны были по Персидски на разныхъ лоскуткахъ бумаги имена Законодателей, какъ-то: Іисуса Христа, Моисея, Могомеда, Алія и другихъ. Положили ихъ въ сосудъ, и перемѣшали. По томъ спросили Обезьяну, котораго изъ Законодавцевъ законъ есть истинной. Обезьяна тотчасъ всунула въ сосудъ лапу, и вынула ту бумажку, на которой было написано имя перваго Законодавца, то есть, Іисуса Христа. Моголъ подозрѣвая, не знаетъ ли тотъ Бенгалецъ, которой привелъ Обезьяну, Персидской языкъ, и не могъ ли дать Обезьянѣ какого нибудь знака, чрезъ которой она могла узнавать сіе, а не другое имя, нарѣзалъ самъ новыхъ лоскутковъ, и своею рукою написалъ помянутыя имена цыфрами, посредствомъ которыхъ списывается онъ съ Придворными своими о тайныхъ дѣлахъ. Обезьяна и теперь не обманулась. Она, къ великому удивленію всѣхъ, вынула букажку съ тѣмъ же самымъ именемъ, и поцѣловала ее. Нѣкто

изъ

изъ Придворныхъ, приближившись къ Моголу, говорилъ: *Великій Властитель! въ семъ конечно заключается какой нибудь обманъ. Позволь мнѣ положить снова лоскутки въ сосудъ. Я предаю себя на всѣ мученія, естьли Обезьяна вынетъ бумажку съ тѣмъ же именемъ.* Моголъ дозволилъ; а Придворной, написавши на новыхъ бумажкахъ имена вышеупомянутыя, положилъ ихъ въ сосудъ, исключая ту одну, на которой написалъ имя Іисуса Христа. Сію бумажку зажалъ онъ тайно у себя въ рукѣ. Обезьяна стала шарить лапою въ сосудѣ, и шаривши долго, не принялась ни за одинъ лоскутокъ. Стали ее принуждать, чтобъ вынула; но она разсердилась, и дала движеніемъ знать, что въ сосудѣ нѣтъ того имени, о которомъ спрашиваютъ. — *Да гдѣ же оно?* закричалъ Моголъ. Обезьяна тотчасъ побѣжала къ оному Придворному и силилась разогнуть ту руку, въ которой находилася бумажка съ онымъ именемъ. Разогнула — и нашла ее. Моголъ и всѣ бывшіе при немъ чрезмѣрно сему дивились. — *Какъ кто хочетъ думай, одноко же это было такъ*, прибавляетъ къ сему самъ Рое.

XVIII.

Рѣдкія и удивительныя произшествія, случившіяся въ древности.

Когда Александръ Великій пришелъ къ городу Лампсаку, чтобъ раззорить его, то жившій въ семъ городѣ ученнѣйшій мужъ, Анаксименъ, вышелъ къ нему на встрѣчу; и какъ онъ ему былъ знакомъ, то Александръ догадываяся, что Анаксименъ будетъ просить о помилованіи отечества своего, предупредилъ его, и сказалъ: *Анаксименъ! я знаю, о чемъ ты хочешъ меня просить. Клянусь Богами, что прошенія твоего не исполню.* — *Милостивѣйшій Государь!* отвѣчалъ Анаксименъ, *милость, о которой я тебя просить намѣренъ, состоитъ въ томъ, чтобъ ты не миловалъ города Лампсака, но раззорилъ бы его.* Александръ, заклявшись не исполнить того, что будетъ просить Анаксименъ, принужденъ былъ исполнить то, о чемъ онъ не просилъ его, т. е. городъ Лампсакъ пощадить.

Когда Амилкаръ, Карѳагенскій Генералъ, осаждалъ Сиракузы; то во снѣ слышалъ гласъ, которой ему возвѣщалъ, что онъ въ слѣ-

слѣдующїй день будетъ ужинать въ Сиракузахъ. Симъ Амилкаръ чрезмѣрно былъ обрадованъ: ибо онъ думалъ, что симъ гласомъ обѣщана ему побѣда. Въ семъ надѣянїи собралъ онъ свое войско, и хотѣлъ съ Сиракузцами вступить въ сраженїе. Но къ нещастїю, въ войскѣ его между Карѳагенянами и Сицилїянами сдѣлался раздоръ: а Сиракузцы между тѣмъ напавши нечаянно на его лагерь, побѣдили, и взявши его самаго въ плѣнъ, привели въ городъ. И такъ Амилкаръ болѣе надеждою, нежели сновидѣнїемъ обманувшись, въ самомъ дѣлѣ ужиналъ въ Сиракузахъ, будучи только плѣнникомъ, а не побѣдителемъ, какъ онъ думалъ.

Аврелїанъ, Императоръ Римскїй, долго держалъ въ осадѣ нѣкоторой городъ; и какъ онъ ему долго не здавался, то разсердившись сказалъ: *Клянусь Богами, что я, когда сей городъ возму, то даже ни одной живой собаки не оставлю.* — Городъ былъ взятъ. Жители съ воплемъ и стенанїемъ просили Аврелїана о помилованїи ихъ. Аврелїанъ сжалился надъ ихъ бѣдственнымъ состоянїемъ, и перемѣнилъ свое обѣщанїе. А

чтобы вывести себя изъ подозрѣнія въ непостоянствѣ своихъ обѣщаній; то войску своему сказалъ: *Ну, Солдаты! исполняйте мое приказаніе. Не оставляйте въ семъ городѣ ни одной собаки живой, а бѣдныхъ сихъ людей не трогайте.*

Одинъ Китайскій Государь, видя себя на высотѣ благополучія, возжелалъ чрезмѣрно быть непоколебимымъ вѣчно въ такомъ состояніи. Желаніе его было непремѣнно. Онъ великое множество золота обѣщался дать тому, кто его сдѣлаетъ въ сей жизни безсмертнымъ. — Выискался нѣкоторой Мудрецъ, которой объявилъ о себѣ, что онъ удовлетворитъ желанію Государя. — Государь обрадовался; и половину обѣщанной награды напередъ ему далъ. Мудрецъ сдѣлавши нѣкоторой напитокъ, которой, по сказанію его, заключалъ въ себѣ силу безсмертія, принесъ его къ Государю. Въ то время былъ у Государя одинъ изъ друзей его (конечно умнѣйшій его). Онъ услышавши, что напитокъ, Государю принесенный, содержитъ въ себѣ силу безсмертія, и видя, въ какой обманъ вдаетъ себя Государь, сп

рался его вывести изъ заблужденія. Долго онъ его увѣрялъ, что это есть одна выдумка, и что совершенно нѣтъ средства, сдѣлать себя безсмертнымъ на земли; но при всѣхъ увѣреніяхъ ни мало не успѣлъ. — Жаждетъ Государь безсмертія, и съ жадностію хочетъ схватить стаканъ, въ которомъ находился оной напитокъ. — Между тѣмъ другъ, предупредивши Государя, схватилъ стаканъ и выпилъ напитокъ. — Государь чрезмѣрно разгнѣвался на друга своего за сей поступокъ. *Ты дерзостный!* закричалъ онъ, побѣжавши за мечемъ, *осмѣлился безсмертія чашу, которая мнѣ за дорогую цѣну была приготовлена, выпить! Клянусь Богами, что не пощажу чести твоей, и не посмотрю на дружбу. Сего же часа поражу тебя мечемъ. — Твоей жизни одна только минута.* Другъ съ неустрашимымъ сердцемъ сказалъ ему: *Государь! не видишь ли, что ты обманулся? — Естьли я, выпивши чашу безсмертія, сдѣлался безсмертнымъ; то для чего меня умертвить хвалишся? Безсмертнаго ум[illegible]ртвить не возможно. Ежели я и теперь смертенъ; то не видишь ли, что я н[illegible] [illegible]нялъ у тебя безсмертія, но только вы*

ве

велъ тебя изъ обмана? Государь выслушалъ его слова, и нѣсколько смягчился; а какъ другъ ему убѣдительно доказывалъ, что нѣтъ лѣкарства къ полученію безсмертія; то онъ призналъ себя обманутымъ, и оставилъ тщетное желаніе.

Аѳиняне, жестоко поразивши Персовъ, гнали ихъ съ мѣста сраженія до самаго моря, гдѣ стояли ихъ корабли, на которыхъ они пріѣхали въ Грецію. — Цинегиръ, воинъ Аѳинскій, человѣкъ удивительной смѣлости и великаго мужества, не удовольствовавшись тѣмъ, что Персы жестоко были поражены и прогнаны, поплылъ за ними, и желая удержать плывущій корабль, ухватился за него правою рукою. — Персы тотчасъ ее отсѣкли. — Онъ ухватился лѣвою; — и сія была отсѣчена. — Наконецъ, желая показать свою отважность, ухватился зубами. Персы и голову отсѣкли. Такимъ образомъ скончался отважный и мужественный воинъ!

Плутархъ повѣствуетъ, что когда на Стихотворца Ивика напали разбойники, и онъ отъ нихъ избавиться не могъ; то, увидѣвши мимолетѣвшихъ журавлей, при самой смерти просилъ ихъ, чтобъ они открыли

 убійцъ,

убійцѣ, и отмстили бы за его смерть. — Разбойники убили его; — и какъ, спустя послѣ того нѣсколько времени, пришедши въ городъ, увидѣли тѣхъ же журавлей; то между собою говорили: *Вотъ отмстители Ивика.* — Нѣкоторые граждане, услышавши сіи слова, поняли, что они знаютъ, гдѣ Ивикъ находится, и потому тотчасъ объ нихъ объявили. Разбойники въ пыткѣ признались, что они убили сего Стихотворца; и за свое злодѣяніе достойное понесли наказаніе. Такимъ образомъ журавли, по прошенію Ивика, открыли злодѣяніе убійцъ, и отмстили имъ за умерщвленіе его.

Епиктетъ Философъ былъ честнѣйшій изъ древнихъ Философовъ; но при томъ столько бѣденъ, что въ дому его ни одного замка не было потребно; ибо кромѣ кровати, подушки и подсвѣчника глинянаго, ничего не имѣлъ. — Когда Епиктетъ умеръ, то нѣкоторой человѣкъ купилъ за три тысячи драхмъ глиняный его подсвѣчникъ, льстя себя сею пустою надеждою, что, когда онъ будетъ упражняться при семъ подсвѣчникѣ; то вся Епиктетова мудрость п

рейдетъ къ нему. — Всегда на семъ подсвѣчникѣ горѣла у него свѣча, при свѣтѣ которой онъ упражнялся въ наукахъ; но мудрость Епиктетова не перешла къ нему. Онъ примѣтивши, что постыдно обманулся въ своемъ мнѣнiи, вознегодовалъ на себя, что за малую бѣздѣлицу столь дорогую заплатилъ цѣну, и тотчасъ взявши подсвѣчникъ, ударилъ его объ полъ и разбилъ.

Зевксисъ и Парразiй, славные древнiе Живописцы, спорились между собою, кто изъ нихъ двоихъ первымъ и искуснѣйшимъ въ семъ художествѣ почитаться долженъ. Для рѣшенiя сего спора, согласились они написать по картинѣ. — Зевксисъ написалъ виноградную вѣтьвь столь искусно, что, когда онъ ее выставилъ на улицу, то птицы думая, что это есть настоящiй виноградъ, прилѣтали къ ней клевать ягоды. Искусная подлинно была сiя работа! — Но Парразiева гораздо лучшая! Ибо онъ столь искусно написалъ занавѣсъ, что самъ Зевксисъ, когда къ нему пришелъ, почелъ его за точной занавѣсъ, и для того говорилъ Парразiю: *Отдерни занавѣсъ, и покажи свою живопись.* —

Зевксисъ птицъ обманулъ; а Парразій самаго Зевкс..ъ. — При общемъ плесканіи народа Парразій ..олучилъ первенство.

Нѣкто имѣлъ сына красиваго, а дочь безобразную. Сіи младыя дѣти, нашедши зеркало, смотрѣлися въ него. Мальчикъ, смотря на красоту свою, хвалился, что онъ красивѣе своей сестры: а сія, не терпя его словъ, пришла къ отцу, и жаловалась на брата, что онъ ее называетъ безобразною. Благоразумный отецъ благоразумно въ семъ случаѣ поступилъ. Онъ обнялъ и сына и дочь, и цѣлуя ихъ обоихъ, говорилъ: *Я желаю, чтобъ вы всегда смотрѣлися въ зеркало. Ты* (къ сыну), *чтобъ красоты не обезобразилъ пороками, а ты* (къ дочери), *чтобъ безобразіе лица украшала добродѣтелями.*

Плутархъ въ Книгѣ о Знаменитыхъ Женахъ повѣствуетъ, что когда Лакедемоняне Миніевъ, знаменитыхъ мужей, жестокихъ своихъ непріятелей, осудили на смерть; то жены ихъ, желая войти въ темницу, въ которой они до смерти содержались, слезами и подарками склонили сторожей, чтобъ

он

они ихъ пустили туда. Когда онѣ вошли въ темницу; то каждая съ своимъ мужемъ не только платьемъ, но и вольностію перемѣнялись; такъ что мужья подъ скрытіемъ женскаго одѣянія вышли вонъ свободно, а жены, будучи одѣты въ платье своихъ мужей, на мѣсто ихъ остались въ темницѣ. Какъ пришло время, въ которое назначили ихъ лишить жизни; то повели неповинныхъ женъ на мѣсто казни. Спартанцы, предъ самымъ ихъ умерщвленіемъ, узнали, что приведены невинныя жены. Они не только ихъ простили, но и наградили за безпримѣрную любовь къ своимъ супругамъ, когда своею смертію хотѣли избавить ихъ отъ смерти.

Горгій Епирянинъ весьма удивительнымъ образомъ родился. Ибо въ то самое время, какъ мать его несли къ погребенію, онъ вышелъ изъ ея утробы, и нечаяннымъ крикомъ принудилъ остановиться несшихъ гробъ. Такимъ образомъ представилъ онъ собою отечеству своему необычайное и дивное зрѣлище, получивши жизнь отъ матери, почти уже во гробѣ бывшей. Ибо въ одно и тоже время мать родила, будучи уже мертвая;

а сынъ былъ вынесенъ къ погребенію, прежде нежели родился.

Одинъ Софистъ, по имени Дафидъ, пришедши въ храмъ Аполлона Делөійскаго, спросилъ Оракула: *Можетъ ли онъ найти лошадь, которой никогда не имѣлъ? — Найдешь*, отвѣчалъ Оракулъ; *но съ тѣмъ, что она сбивши тебя съ себя, лишитъ жизни.* Какъ онъ изъ храма веселъ возвращался, будто насмѣявшись вопросомъ Оракулу; то попался на встрѣчу Царю Атталу, котораго онъ заочно безчестно поносилъ. По повелѣнію сего Государя былъ онъ сверженъ съ камня, которой назывался *Лошадь*; и тѣмъ доказалъ истинну предсказанія Оракулова.

Какъ одинъ гребецъ подлѣ берега Тирскаго спускалъ въ море съ своего судна нечистоту; то вдругъ морская волна, сильно ударивши въ судно, подхватила и унесла его въ море; но какъ другая волна гораздо большая, нашедши съ противной стороны разбила оную; то онъ былъ опять ею на судно взброщенъ. И такъ одна и та же вещь сперва погубила было его; но вскорѣ послужила во спасеніе.

Ког-

Когда Стихотворецъ Симонидъ присталъ на кораблѣ къ берегу, и увидѣвъ лежавшее на немъ непогребенное тѣло, вознамѣрился предать его землѣ; то отъ тѣла сего услышалъ гласъ, которой повелѣвалъ ему, чтобъ онъ въ слѣдующій день остался на сушѣ, а не пускался въ море. Что онъ и исполнилъ. Которые же выѣхали въ море, тѣ въ глазахъ его отъ великой бури погибли. Симонидъ видя сїе, сожалѣлъ о участи погибшихъ; но вмѣстѣ и радовался, что жизнь свою лучше неизвѣстному гласу, нежели кораблю ввѣрилъ. Памятуя же полученное отъ тѣла благодѣянїе, превосходными стихами оное прославилъ, и соорудилъ ему вѣчную гробницу въ памяти человѣческой.

Въ Африкѣ подлѣ рѣки Ваграда былъ весьма великой змѣй, которой Римское войско, бывшее тогда подъ предводительствомъ Аттилїя Регула, не допускалъ брать воду изъ той рѣки. Онъ многихъ воиновъ поѣлъ, хватая ихъ ужаснымъ своимъ ртомъ, и многихъ длиннымъ своимъ хвостомъ перебилъ. И какъ никакимъ оружїемъ не можно было пробить толстой его кожи; то изъ вели-

кихъ орудій начали его поражать частыми тяжелыхъ и острыхъ кремней ударами. Такимъ образомъ, но съ крайнимъ трудомъ, убитъ былъ змѣй, которой войску Римскому страшнѣе казался самыхъ непріятельскихъ войскъ. Онъ кровію своею всю рѣку наполнилъ; а отъ испортившагося его тѣла въ окрестныхъ мѣстахъ на далекое разстояніе воздухъ заразился. Что принудило Римлянъ оттуда удалиться. Ливій пишетъ, что кожа, съ него содранная и въ Римъ присланная, длиною была во сто двадцать футовъ.

Бѣдному Сократу каждой изъ учениковъ его удѣлилъ по нѣскольку отъ имѣнія своего; но бѣдный Есхинъ, не имѣя ничего, чтобъ онъ могъ принести въ даръ своему учителю, пришелъ къ Сократу и сказалъ: *Премудрый Сократъ! я ничего не имѣю, чемъ бы могъ тебѣ служить. Но хотя бы я и богатъ былъ, и тогда бы у меня не было ничего столь великаго, что бы можно было принести тебѣ: и я въ семъ разумѣ признаю себя бѣднымъ. Однако я приношу тебѣ то, что одно у себя имѣю, т. е. самаго*

маго себя. Сей даръ, каковъ ни есть, прошу, принять благосклонно. Знаешь ты самъ, что и тѣ, которые великіе дары тебѣ принесли, болѣе того у себя оставили; но я, принося тебѣ себя, приношу все. — Ты мнѣ великой даръ приносишь, отвѣчалъ Сократъ; Я постараюся сей подарокъ тому, которой мнѣ его принесъ, возвратить гораздо лучшимъ, нежели каковымъ его принялъ.

XIX.

Размышленіе о послѣднемъ концѣ жизни, и примѣры тѣхъ, которые скончались отличною и удивительною смертію.

Слыша людей, непрестанно жалующихся на претерпѣваемыя ими въ жизни бѣдствія, кто бы могъ повѣрить, что смерть приводитъ ихъ въ великой страхъ? — Но сіе въ самомъ дѣлѣ такъ бываетъ. При всѣхъ огорченіяхъ, которыя мы чувствуемъ въ жизни сей, при всѣхъ ударахъ, которыми поражаетъ насъ превратное щастіе, мы приближенія смерти такъ же страшимся, какъ нападенія страшнаго непріятеля. Но

не

не уже ли смерть есть зло, и зло гораздо тягчайшее тѣхъ, съ которыми мы боремся въ теченіи жизни сея? — Съ которой стороны я ни взираю на смерть; ничего въ ней не нахожу, чтобы насъ устрашать могло; но напротивъ великую усматриваю пользу, которую она намъ приноситъ, прекращая дни наши.

Смерть прекращаетъ наши забавы, роскоши и удовольствія: но вмѣстѣ прекращаетъ и тѣ пагубныя слѣдствія, которыя отъ того неминуемо происходятъ. Смерть полагаетъ конецъ бѣдствіямъ нашимъ: но вмѣстѣ и показуетъ намъ путь къ достиженію истиннаго благополучія. Сметрь удаляетъ насъ отъ пороковъ и нечестія: но вмѣстѣ удаляетъ и отъ вѣчной погибели. Смерть оканчиваетъ труды старца, отъ тяжести лѣтъ согбеннаго; но и вводитъ его въ пристанище тишины и спокойствія. Смерть остановляетъ теченіе человѣка, пришедшаго въ зрѣлый возрастъ: но вмѣстѣ остановляетъ безмѣрныя и мучительныя къ различнымъ вещамъ пристрастія. Смерть похищаетъ юношу въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ: но вмѣстѣ похищаетъ и истребляетъ тѣ

за-

заблужденія, въ которыя впадаетъ неразсудительная юность. Смерть не попускаетъ младенцу, выйти изъ состоянія невинности; но тѣмъ не допускаетъ его впасть въ пагубные пороки, и восхищаетъ его отъ бѣдствій жизни. Смерть не щадитъ и самаго добродѣтельнаго человѣка; но тѣмъ возлагаетъ на главу его нетлѣнный вѣнецъ, и вводитъ его въ храмъ славы и непоколебимаго благополучія. Смерть ни на кого не взираетъ: никого не милуетъ: всѣхъ караетъ: но сіе конечно есть исполненіе благаго Промысла, безъ котораго ничего въ Мірѣ не бываетъ, и которымъ все устрояется для нашей пользы- — Для чего жъ того бояться, чего никакъ миновать не можно, и что служитъ въ нашу пользу?

Женщины въ Индіи, когда у нихъ умираетъ мужъ, споръ и судъ между собою имѣютъ, которую изъ нихъ мужъ болѣе всѣхъ любилъ; и естьли которая побѣдитъ, то съ веселіемъ провождается сродниками, и съ великимъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ мертвымъ тѣломъ мужа своего на срубѣ згараетъ, а побѣжденная отходитъ съ великою печалію. Для чегожъ намъ бояться приближенія

женія того, что непросвѣщенныя Индѣйскія женщины безъ боязни и съ веселіемъ принимали?

Для удобнѣйшаго отраженія страха смерти мы должны себя увѣрить, что, по преплытіи моря жизни сея, намъ приготовлена пристань, и всегда желать, чтобъ достигнуть до нее случилось. Хотя противными вѣтрами часто и назадъ относимы бываемъ; однако же непремѣнно туда притти должно. Общая необходимость можетъ ли кому нибудь одному быть бѣдственна? — Никакъ! Всѣ умираемъ: въ томъ только различіе, что одинъ гораздо ранѣе, а другой позже. — Я слышу томный стонъ и слабый гласъ, изходящій изъ устъ вращающихся почти уже въ челюстяхъ смерти. — Гласъ, произносящій жалобу на то, что смерть имѣетъ ихъ поглотить прежде времени. Но какое это время? Не законами ли самой премудрой Природы уставленное? — Но Природа дала намъ животъ такъ, какъ даютъ въ долгъ деньги, назначая срокъ непремѣннаго ихъ возвращенія. Чтожъ на то негодовать, естьли она возметъ свое, когда захочетъ? Для чего на то жаловаться, естьли она

возметъ жизнь нашу тогда, когда взять определила?

Жалуемся мы на смерть: но более надобно жаловаться на самихъ себя. Природа на довольное разстояніе удалила отъ насъ часъ смертный: но мы неумѣренностію и невоздержаніемъ нашимъ его къ себѣ приближаемъ. Жалуемся на смерть: но въ жизни стараемся только сдѣлаться движущимся трупомъ. Жалуемся на слабость здоровья: но не покидаемъ способовъ къ разслабленію онаго. — Заря восходитъ, а мы еще спать ложимся. Свѣтъ солнечный почти уже проходитъ; а мы на свѣтъ открываемъ глаза свои. Солнце оставляетъ мѣсто глубокому мраку для успокоенія нашего; а у насъ при сіяніи свѣщей начинается еще день. Сіе можетъ ли послужить къ сохраненію и укрѣпленію здравія нашего, когда мы насилуемъ Природу? — Повѣрьте всѣ неправо жалующіеся на смерть, что изнѣженные наши нравы, слѣпыя предразсужденія, стремительныя страсти, закоренѣлые пороки, а наипаче ужасное во всемъ невоздержаніе, суть тѣ руки, которыя дѣлаютъ для насъ гробъ, и въ номъ безвременно насъ заключаютъ.

Но

Но ты, жалуяся на безвременное смерти приближенiе, говоришь: *Мнѣ желательно достигнуть до глубокой старости, и насладиться долговременною жизнiю.* Но что есть старость? — То время жизни, вѣ которое тяжкiя болѣзни вѣ великомѣ множествѣ удручаютѣ человѣческое тѣло. Для чего же тебѣ желать того времени, вѣ которое ты безпрестанно будешь мучиться? — Долговременная жизнь тебѣ прiятна. — Но какая жизнь долговременною назваться можетѣ? Да и можетѣ ли что нибудь быть у человѣка долговремянно? Не всегда ли мы видимѣ, что юношей, вѣ самомѣ цвѣту ихѣ, во время самаго быстраго бѣга ихѣ, нечаянно постигаетѣ скучная, безпокойная старость? Сказываютѣ, что на берегахѣ нѣкоторой рѣки родятся животныя, которыя живутѣ не долѣе одного дня. Изѣ нихѣ естьли которое умретѣ вѣ восемь часовѣ дня, то вѣ совершенныхѣ лѣтахѣ умираетѣ; а которое по захожденiи солнца; то уже вѣ старости; всѣхѣ же старѣе изѣ нихѣ то, которому вѣ самой долгой день жить случится. Сравни же лѣта жизни нашея сѣ вѣчностiю. — Они столько же вѣ семѣ сравненiи

нїи покажутся малы и коротки, какъ жизнь тѣхъ животныхъ предъ жизнїю нашею. — Жизнь наша кратка; но почтожъ мы къ ней привязываемся, какъ къ вѣчной? Жизнь наша бѣдственна: но почто же страшимся ея окончанїя? Но ктобъ какъ о жизни сей ни думалъ; а смерть, сїя граница нашей жизни, всегда находится предъ глазами нашими. Она отъ насъ всегда не далека для неизвѣстныхъ случаевъ и по причинѣ самой краткости жизни. Ударъ смерти часто поражаетъ людей посреди радости и веселїя, когда они о томъ и не помышляютъ.

Исторїя многихъ представляетъ намъ, которые или нечаянно, или отъ невѣроятныхъ причинъ лишились жизни.

Одинъ Аѳинянинъ видѣлъ во снѣ, что будто его левъ умертвилъ. — Вставши по обычаю своему отъ сна, пошелъ онъ со своими товарищами въ Храмъ, при входѣ котораго былъ высѣченъ изъ камня великой левъ, имѣющїй разверстыя челюсти, и подошедши къ нему, началъ разсказывать свой сонъ, и указывая на льва, смѣючись сказалъ: *Вотъ тотъ левъ, которой меня нынѣ ночью растерзалъ.* Послѣ сего положилъ свою руку

во львиныя челюсти, говоря такъ: *Вотъ твой недругъ! — естьли можешь, перекуси его руку.* Едва успѣлъ онъ выговорить сіи слова; какъ вдругъ ядовитая змѣя, которая крылася во львиныхъ челюстяхъ, уязвила его; отъ чего онъ въ скоромъ времени и умеръ.

Трое Діагоровыхъ сыновей всѣ и въ одинъ день на Олимпійскихъ играхъ остались побѣдителями, и за то награждены были вѣнцами. Отецъ ихъ столь великую отъ сего почувствовалъ радость, что, какъ дѣти подбѣжали къ нему, и снявши въ себя вѣнцы, возлагали ихъ на его голову, а между тѣмъ весь народъ бросалъ на него цвѣты, похваляя его за доброе воспитаніе дѣтей; то онъ въ туже минуту, при зрѣніи всего восхваляющаго его народа, упалъ мертвой.

Тразій совѣтовалъ Бузириду, Египетскому Государю, чтобъ онъ друзей своихъ принесъ въ жертву Юпитеру. — *Очень хорошо!* сказалъ Бузиридъ; *ты мой первый другъ — ты первой долженъ быть жертвою Юпитера!* — Тразій здѣлался жертвою собственнаго безумнаго совѣта.

Зев-

Зевксисъ, знаменитый живописецъ, умеръ отъ чрезмѣрнаго смѣха, отъ котораго онъ не могъ удержаться, смотря на старуху, весьма живо и пребезобразно имъ изображенную.

Фабїй Римлянинъ, выпивши съ волосомъ молоко, лишился жизни; а Анакреонтъ Стихотворецъ, подкрѣпляя слабыя свои силы сокомъ виноградныхъ ягодъ, отъ остановившагося въ горлѣ весьма малаго зернышка умеръ.

Стихотворецъ Есхилъ, вышедши изъ города, въ которомъ жилъ, сѣлъ на освѣщенномъ отъ солнца мѣстѣ. Въ то время летѣлъ орелъ, держа въ когтяхъ своихъ черепаху, и подумавъ, что сїяющая отъ солнца Есхилова голова (ибо онъ былъ плѣшивъ) есть камень, опустилъ на нее черепаху, чтобъ разбивши черепъ, достать себѣ мясо. Есхилъ столь жестоко былъ пораженъ черепахою, что въ тоже самое время и на томъ же мѣстѣ лишился жизни.

Одна Римская женщина, встрѣтясь у воротъ съ оставшимся въ живыхъ своимъ сыномъ, о которомъ ей прежде сказали ложно,

жно, что онъ умеръ, въ объятїяхъ его скончалась. Другая же, услышавши вѣсть о смерти сына своего, въ крайнюю пришла печаль, и заливаяся непрестанно слезами, не выходила изъ своего дому. Но какъ нечаянно увидѣла возвратившагося своего сына; то при первомъ на него взглядѣ лишилась жизни. И такъ тѣ жены, которыя не умерли отъ печали, скончались отъ радости.

Знаменитый въ древности побѣдами своими Бубулъ, какъ по полученїи надъ непрїятелями побѣды, съ великимъ торжествомъ и при восклицанїи многочисленнаго народа, везенъ былъ въ торжественной колесницѣ: то съ кровли одного дома упала на него доска и столь жестоко его поразила, что онъ немедленно среди торжества скончался.

Полистратъ и Ипоклидъ Философы въ одинъ день родилися, у одного учителя училися, имѣнїями отцовъ своихъ владѣли нераздѣльно, и всегда вмѣстѣ ходили въ школу; а наконецъ въ одно время въ старости и скончались.

Ацилїй Авїола Римлянинъ умеръ, и отъ лѣкарей и домашнихъ почтенъ былъ мертвымъ;

твымъ; но какъ онъ, по обыкновенію Римскому, поставленъ былъ на срубъ для сожженія, и огонь его коснулся, то закричалъ, что онъ живъ, и требовалъ себѣ помощи. Но поелику срубъ отвсюду обнялся пламенемъ, то и не можно было его избавить отъ смерти.

Сказываютъ, что Вильгелмъ, Епископъ Рошильуской, къ Свенону второму, Королю Датскому, столь великую имѣлъ привязанность, что во время великой болѣзни, отъ которой сей Государь скончался, чувствовалъ и онъ силы свои ослабѣвающими по мѣрѣ, какъ Король терялъ свои, и наконецъ до того дошелъ, что видя Короля и самаго себя при смерти, и будучи увѣренъ, что не долѣе его проживетъ, приказалъ себѣ здѣлать гробъ, легъ въ него, и велѣлъ въ немъ нести себя за Королевскимъ гробомъ. Во время погребенія Короля умеръ онъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ погребенъ.

Когда нещастный Адмиралъ Бингъ былъ приговоренъ къ смерти, то съ великою твердостію выслушалъ приговоръ; ибо онъ былъ несправедливъ, и похищалъ у него только жизнь, а не честь. Братъ его, которой въ немъ лишался любезнѣйшаго брата и вѣрнѣйшаго друга, прощаяся съ нимъ въ последній разъ, бросился въ его объятія и умеръ.

Какъ совершалось погребеніе Карла осьмаго, Императора Нѣмецкаго, то двое изъ

слугъ его, которые были при погребеніи вдругъ упали и лишились жизни.

Одинъ Графъ, возвратившись изъ долговременнаго путешествія, какъ узналъ, что отецъ его, котораго онъ весьма почиталъ и которымъ горячо былъ любимъ, скончался то прежде всего отправился къ гробницѣ его и обнявши ее умеръ съ печали. Сей Принцъ извѣстенъ подъ именемъ Героя сыновней любви, которымъ онъ названъ за оную свою чувствительность.

Гормондъ третій, Король Датскій, имѣлъ отъ Ѳиры, своей жены, двухъ сыновей, Канута и Гаральда, изъ которыхъ первой по добронравію своему былъ утѣшеніемъ родителей и удовольствіемъ всего народа; а другой злонравіемъ своимъ отвратилъ отъ себя сердце отца своего и любовь всѣхъ Датчанъ. Сей злой извергъ, завидуя брату своему, умертвилъ его. Ѳира о семъ ужасномъ произшествіи узнала прежде супруга своего, и не зная, какъ сію печальную вѣсть открыть Королю, велѣла Дворецъ обить черными обоями. Король, какъ скоро увидѣлъ мрачный сей цвѣтъ, воздохнулъ и воскликнулъ: *Ахъ! конечно сынъ мой умеръ!* и въ туже самую минуту лишился жизни.

Изреченія и мысли восточныхъ мудрецовъ.

Страхъ Божій изъ всѣхъ совершенствъ есть величайшее, порокъ же величайшее изъ несовершенствъ.

Страхъ Божій очищаетъ сердце.

Бойся Бога, а послѣ Бога бойся того, кто не боится Бога.

Благочестіе есть величайшая премудрость, а безбожіе величайшая глупость.

Служеніе Богу умерщвляетъ плотскія вожделѣнія.

Не поругайся Господу кляняся его именемъ, да не поругается и Онъ тобою.

Не познавши Сотворшаго, не можно познать самаго себя.

Когда бы человѣкъ предвидѣлъ конецъ свой и отшествіе изъ сей жизни, тогда бы онъ ужаснулся отъ своихъ дѣяній и отъ обманчивости оныхъ.

Жизнь есть сонъ, отъ котораго пробуждаются при смерти.

Жизнь человѣческая есть стезя, ведущая къ смерти.

Люди болѣе слѣдуютъ нравамъ развращеннаго своего вѣка, нежели добрымъ примѣрамъ своихъ предковъ.

Одна только добродѣтель съ наукою и знанїемъ дѣлаютъ насъ почтенными.

Ничто столько не скрываетъ насъ, каковы мы въ самомъ дѣлѣ, какъ молчанїе.

Разумъ есть неоцѣненнѣйшее изъ всѣхъ стяжанїй.

Прїятностїю рѣчей прїобрѣтаются многїе друзья.

Чѣмъ кто глупѣе, тѣмъ тщеславнѣе.

Отмщенїе несвойственно великой душѣ.

Ученїе въ юношѣ корона, а мудрость золотое ожерелье.

Тотъ совершенно нещастливъ, которой попускаетъ нещастїю уничижать себя.

Грубость и неучтивство зараждаютъ раздоры даже и между единокровными.

Сердце у безсмысленнаго въ устахъ; языкъ же мудраго въ сердцѣ.

Кто скачетъ попустя повода въ слѣдъ за надеждою, тотъ встрѣчается съ послѣднею минутою своей жизни и низвергается.

За-

Зависть не имѣетъ покою.

Когда получаешь благодѣянїе, то не сдѣлайся недостойнымъ онаго чрезъ свою неблагодарность.

Желанїе отмстить служитъ непреодолимымъ препятствїемъ къ благополучной и спокойной жизни.

Когда ты имѣешь превосходство надъ врагомъ своимъ, то прости ему изъ благодарности ко Всевышнему за сїе превосходство.

Не должно полагаться на слово грустнаго и угрюмаго человѣка.

Когда ты въ радости и удовольствїи, то не ищи никакого отмщенїя противъ завидующаго тому; онъ уже наказанъ досадою, которую чувствуетъ.

Сколь выгодно ученїе для того, кто имъ обладаетъ, ибо оно такъ дорого, что ни за какїя деньги его никто не продаетъ!

Три вещи рано или поздно причинятъ погибель человѣку: Когда жена его отдала сердце другому; когда въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ, заведется змѣя, и когда другъ его впадаетъ въ пороки.

Ничто такъ скоро не доставляетъ прощенїя, какъ раскаянїе.

Очень глупо незваному къ кому нибудь притти; глупѣе того говорить не будучи спрошену, но всего глупѣе хвастаться своего ученостїю.

Нѣтъ болѣзни опаснѣе, какъ недостатокъ здраваго смысла.

Изъ всѣхъ пороковъ тщеславїе и склонность къ ябедамъ таковы, что всего рѣже отъ иныхъ исправляются.

Случающееся съ нами добро или зло производитъ разговоры.

Не худое дѣло посѣщать другихъ; но не должно этому быть такъ часто, чтобъ посѣщаемый доведенъ былъ до того, чтобъ сказалъ, довольно.

Оговорить предъ всѣми означаетъ желанїе обидить.

Не многїя слова служатъ знакомъ совершенной мудрости.

Къ полученїю того, что любезно, не мало способствуетъ униженїе себя.

Нужнѣе тотъ начальникъ, которой дѣйствуетъ, нежели тотъ, которой говоритъ.

Въ какомъ бы ты ни былъ товариществѣ или обществѣ, не обязывайся ничемъ такимъ, что касается до общихъ дѣлъ; ибо

естьли ты успѣешь, то общество себѣ присвоитъ успѣхъ, естьлижь случится неудача, то каждой тебѣ оную припишетъ.

При нетерпѣнїи горести и досады увеличиваются.

Когда душа готова къ отшествїю, то все равно, на тронѣ, или на распутїи умереть.

Чѣмъ сокровеннѣе злоба враговъ, тѣмъ болѣе должно остерегаться.

Бери и раздавай съ справедливостїю.

Неудивительно, что требующїе и изыскивающїе неприличнаго для себя ввергаются въ нещастїя, со всѣмъ ими не ожидаемыя.

Богатства также не долго остаются въ рукахъ щедрыхъ людей, какъ терпѣнїе въ сердцѣ любовника и вода въ решетѣ.

Кто находитъ удовольствїе слушать, когда злословятъ другихъ, тотъ самъ въ числѣ злорѣчивыхъ.

Претерпѣваемое нами для сей жизни покрываетъ сердце темнотою; но претерпѣваемое для будущей жизни озаряетъ его свѣтомъ.

Щастїе и слава такую тѣсную связь имѣютъ между собою, что лишенный щастїя не имѣетъ и славы.

Величайшее спокойствїе, которымъ только можетъ человѣкъ наслаждаться, состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не желать.

Рѣдко удается то получать, чего проискиваютъ съ излишнимъ рвенїемъ.

Почто упрекаешь меня въ сдѣланномъ мною грѣхѣ, когда самъ Богъ простилъ меня?

Кто простираетъ насмѣшку далѣе, нежели сколько благопристойность позволяетъ, непремѣнно будетъ ненавидимъ, либо презираемъ.

Человѣкъ, котораго истинно можно назвать человѣкомъ, познается по слѣдующимъ знакамъ: какое бы нещастїе ему ни приключилось, онъ непоколебимъ пребываетъ; низокъ въ величествѣ; не скользитъ нога его, когда предоставляется случай показать, что онъ имѣетъ сердце. Онъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ своей славы и добраго имени, и когда онъ не ученъ, то покрайнѣй мѣрѣ любитъ науки.

Со-

Состоянie человѣка, порабощеннаго страстямъ своимъ, хуже, нежели состоянie гнуснаго раба.

Побѣдитель долженъ быть доволенъ своею побѣдою и простить побѣжденнаго.

Часто съ великимъ трудомъ стараются получить успѣхъ въ такомъ дѣлѣ, изъ котораго въ послѣдствiи ничего не выходитъ, кромѣ огорченiя.

Поведенie отставленнаго воина должно быть таковоже, какъ бы онъ былъ еще при своей должности.

Ничего не желать есть свобода; а ожидать желаемаго сущее рабство.

Учись прежде, нежели женишься.

Совѣтъ мудраго служитъ вмѣсто предсказанiя.

Кто обращаетъ вниманie на происходящее въ свѣтѣ, тотъ научается изъ того дѣлать добро и избѣгать погрѣшностей, которыя въ ономъ примѣчаетъ.

Хотя ты имѣть будешь и безчисленное множество добрыхъ качествъ; но оныя ни къ чему тебѣ не послужатъ, естьли щастie не благопрiятствуетъ.

Самое досадное дѣло быть во враждѣ.

Все-

Всевозможно старайся пріобрѣсть себѣ искреннихъ друзей, чтобъ жить подъ ихъ защитою, какъ въ тѣни; при щастіи ты возвеселишься с семъ, они послужатъ тебѣ предохранительнымъ средствомъ противъ злоключенія.

Человѣкъ съ пораженнымъ сердцемъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

Будь чистосердеченъ, хотябъ тебѣ то жизни стоить могло.

Умны бываемъ мы по мѣрѣ добраго воспитанія.

Не входи въ долги, и спокойно проживешь.

Какъ скоро предашься безчестнымъ забавамъ, то нѣтъ уже стыда.

Мудрый особенно старается исполнить слѣдующія три дѣла: Оставить свѣтъ прежде, нежели онъ его оставитъ; соорудить гробницу прежде, нежели придетъ время въ оную войти; и располагаетъ всѣ свои поступки на тотъ конецъ только, что бы быть угоднымъ Богу, прежде нежели явиться предъ лице Его.

Кто повелѣваетъ съ излишнимъ самовластіемъ тѣми, которые ниже его, часто на-

находитъ властелина, точно также имъ повелѣвающаго.

Не согрѣшай, меньше имѣть будешь горести при часѣ смертномъ.

Рѣдко не успѣешь въ такомъ предпріятіи, о которомъ за ранѣе посовѣтуешься.

Остерегайся, съ какою семьею входишь въ связь при женидьбѣ своего сына, ибо, что имѣетъ корень худаго, сообщаетъ то же стеблю и вѣтьвямъ.

Кто оказываетъ уваженіе и ласковость ко всѣмъ, тотъ всегда почти успѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ.

Алчность навлекаетъ бѣдность; богатъ тотъ, кто ничего не желаетъ.

Излишняя короткость заражадетъ злословіе, и между друзьями не далеко отъ вражды, когда всякую вещь осуждать начнешь.

Кто разсказываетъ тебѣ о погрѣшностяхъ другихъ, тотъ имѣетъ намѣреніе разсказывать о твоихъ погрѣшностяхъ другимъ.

Чѣмъ болѣе желаешь, тѣмъ менѣе успѣваешь; ибо самая надежда часто служитъ препятствіемъ къ полученію желаемаго.

Кто прощаетъ своимъ подчиненнымъ, тотъ находитъ покровительство въ высшихъ надъ собою.

Давай всегда хорошїй толкъ поведенїю друзей своихъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ чего нибудь такого, что утомитъ твое терпѣнїе.

Присматривай за своими друзьями, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ ты увѣренъ; но не можно быть увѣренымъ ни въ какомъ другѣ, кромѣ того, которой имѣетъ страхъ Божїй.

Люби друзей съ осторожностїю.

Свѣтскїя утѣхи, и самыя совершенныя, всегда смѣшены бываютъ съ нѣкоторымъ огорченїемъ.

Кто разсматриваетъ слѣдствїя съ излишнею внимательностїю, тотъ обыкновенно бываетъ не храброй человѣкъ.

Свѣтъ сей есть адъ для добрыхъ, а рай для злыхъ.

Опредѣленїя Божїя обращаютъ въ ничто самые лучшїе замыслы въ свѣтѣ.

Предосторожности не служатъ тамъ ни къ чему, на что есть воля Божїя.

Не извѣдывай о тѣхъ вещахъ, которыя еще не приключились; но старайся знать о

томъ,

томъ, что уже случилось, дабы обратить то на пользу себѣ.

Благодѣянія могутъ заградить уста тѣмъ, которые мыслятъ зло противъ тебя.

Вино, какъ бы крѣпко ни было, не отнимаетъ столько ума, какъ безпутная страсть.

Лучшее воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть похвальныя ск. онности.

Требуй совѣта въ дѣлахъ своихъ отъ тѣхъ, которые боятся Бога.

Никогда не выходитъ худаго успѣха для того, кто довольно знаетъ о себѣ, къ чему онъ способенъ.

Ничто столько не удаляетъ отъ насъ всякаго рода людей, какъ излишно доброе о себѣ мнѣніе.

Кто любитъ смѣяться надъ другими, тотъ навлекаетъ на себя непріятныя приключенія.

Въ комъ стыдъ потерянъ, у того сердце умерло.

Неразумно отвергать предлагаемыя намъ благодѣянія. Опасно, чтобъ не отказали намъ въ оныхъ, когда мы вздумаемъ попросить.

Бѣд-

Бѣдные должны учиться для того, чтобъ здѣлаться богатыми; а богатые для того, чтобъ науки послужили имъ украшенiемъ.

Надо снисходить къ слабостямъ своихъ подчиненныхъ, чтобъ получить нужную отъ нихъ услугу.

Все споспѣшествуетъ во благое тому, кто предохраняетъ себя отъ скупости, отъ гнѣва и отъ сладострастiя.

Безумной познается по словамъ.

Кто покинувъ все, избралъ уединенную жизнь, тотъ не долженъ ни къ кому имѣть снисхожденiя.

Языкъ мудраго управляется по движенiю его сердца.

Не плати неблагодарностiю за здѣланное тебѣ добро.

Во всякомъ случаѣ мужъ долженъ казаться ребенкомъ предъ своею женою; но онъ долженъ здѣлаться тотчасъ мущиною, какъ скоро она потребуетъ того, что онъ имѣетъ.

Сокровеннѣйшiя мысли обнаруживаются иногда чрезъ разговоры и видъ.

Луч-

Лучше имѣть искусство, которымъ можно снискивать себѣ пропитанїе, нежели протягивать руку для испрошенїя онаго.

Скупой прямымъ путемъ шествуетъ къ бѣдности. Здѣсь на земли онъ препровождаетъ скудную жизнь; но въ послѣднїй день суда потребуютъ у него такого же отчета, какъ и у богатаго.

Богатство тогда только за щастїе почесть можно, когда обладающїй онымъ прилагаетъ всегдашнее старанїе возблагодарить за то Бога.

Величайшая выгода, какую только можно доставить дѣтямъ, состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ хорошо воспитать.

Дѣлай добро тому, кто тебѣ дѣлаетъ зло, чрезъ то побѣда будетъ на твоей сторонѣ.

Мы должны щитать братомъ того, которой помогаетъ намъ своимъ имѣнїемъ; а не того, которой, будучи близокъ по крови, насъ покидаетъ.

Друзей нынѣшняго вѣка можно назвать лазутчиками нашихъ дѣлъ.

Люди имѣютъ выгоду надъ скотами въ словахъ; но въ такомъ случаѣ скотовъ можно

жно предпочесть людямъ, когда слова бываютъ безумны.

Чрезъ терпѣніе достигаютъ цѣли своихъ предпріятій.

Тихость, пріятнѣйшая Богу, есть тихость справедливаго и доступнаго начальника; всего ненавистнѣе для Него жестокость, насильственность, гнѣвливость властелина.

Добрыя дѣла суть благословенія нашей жизни.

Всѣ бѣды бываютъ отъ языка.

Ктобъ какой земли ни былъ; но не можетъ быть почитаемъ, естьли не знаетъ искусства сдѣлать себя уважаемымъ.

Должно пріобрѣтать при концѣ своей жизни то, что пренебрежено при началѣ.

Удалившійся отъ свѣта и привязанный къ богатствамъ не престаетъ быть въ свѣтѣ.

Знакъ изобилія состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть за столомъ своимъ много людей.

Не принуждай дочерей своихъ итти за безобразныхъ, ибо и они тоже любятъ, что и ты любишь.

Боже! милостивъ буди къ тому, кто открываетъ намъ пороки наши.

Три

Три вещи безвременно губятъ человѣка: тщеславіе, скупость и сладострастіе.

Самой умной изъ человѣковъ есть тотъ, которой болѣе всѣхъ имѣетъ снисхожденія къ другимъ.

Отъ наказанія Божія избавиться можно покаяніемъ; но отъ злорѣчія человѣческаго не льзя избавиться ничѣмъ.

Тѣло подкрѣпляется пищею, а душа добрыми дѣлами.

Не откладывай до завтраго добраго дѣла, которое можешь ты произвесть нынѣ.

Кто не вѣдаетъ зла, тотъ впадаетъ въ оное.

Доброта рѣчи состоитъ въ краткости.

Бесѣда честныхъ людей есть сокровище.

Истинная слава происходитъ отъ Бога.

Двѣ вещи неразлучны съ ложью, множество обѣщаній и множество извиненій.

Тихой и ласковой человѣкъ не имѣетъ нужды ни въ чьей помощи.

Совѣтуй сродникамъ и друзьямъ часто видѣться и посѣщать другъ друга; но не совѣтуй быть сосѣдями.

Подлыя и безстыдныя рѣчи не столько терпимы, какъ неопрятность въ пищѣ.

Обманщики, лжецы и всякаго рода люди, въ развращенiи жизнь свою препровождающiе, упоены щастiемъ, которое имъ во всемъ благопрiятствуетъ; но сiе-то самое упоенiе и служитъ имъ праведною наградою за злыя ихъ дѣла.

Съ брюхомъ до половины полнымъ умереть не льзя.

Тотъ имѣетъ въ рукахъ своихъ сокровище, кто чему нибудь умѣетъ.

Читай стихотворенiя; это знакъ хорошихъ склонностей.

Самое вѣрное средство жить въ покоѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ держать въ уздѣ свои страсти.

Вѣрнымъ другомъ назваться можетъ тотъ, кто направляетъ насъ на доброй путь.

Разумъ познается въ разговорѣ.

Доброй другъ познается чрезъ твердость, съ какою держитъ свое слово.

Лучшая жена есть та, которая любитъ своего мужа и родитъ много дѣтей.

Умножай дѣтей и семью свою; почему знать, можетъ быть чрезъ нихъ найдешь себѣ пропитанiе.

Луч-

Лучшая помощь въ горести состоитъ въ томъ, чтобъ положиться на волю Божїю.

Ни къ чему не служитъ, говорить тамъ правду, гдѣ она не производитъ никакого дѣйствїя.

Чтобъ быть всегда веселымъ и довольнымъ, надо имѣть много друзей.

Остерегайся дружества съ безсмысленнымъ; хотя бы онъ и хотѣлъ тебѣ оказать услугу, но не оставитъ сдѣлать и вреда.

Скупому не много выгоды отъ денегъ; все равно хоть бы камни лежали въ сундукахъ его.

Все благополучїе Царей состоитъ въ правосудїи.

Обыкновенно говорятъ: Вѣкъ нынѣ развращенъ. Но такъ говорить неправильно. Не вѣкъ, но люди нынѣшняго вѣка развращены.

Сдѣлать и одинъ проступокъ много; но не довольно того, чтобъ всегда исполнять свою должность.

Воспоминанїе о младости ничего не производитъ, кромѣ сожалѣнїя.

Пьянство есть дверь, которая отверзаетъ входъ запрещеннымъ вещамъ.

Ничто такъ не утѣшно, какъ видѣть искренняго друга.

Тишина и спокойствіе составляютъ все удовольствіе жизни.

Наука выше всего, что только можно вообразить возвышеннаго.

За дѣломъ быть трудно; съ другойже стороны и праздность бѣдственна.

Рожденіе есть предвѣщаніе смерти.

Хорошій выборъ друга служитъ знакомъ добраго ума въ томъ, кто оной сдѣлалъ.

Созерцаніе Бога состоитъ въ трудности понять Его.

Надо болѣе стараться объ украшеніи души, нежели тѣла.

Худое поведеніе какъ пропасть, изъ которой трудно вылезть.

Имѣй сердце чистое и непорочное предъ Богомъ. Будь вообще ко всѣмъ учтивъ. Повелѣвай своими страстями, покорствуй вышшимъ и сноси ихъ недостатки. Принимай совѣтъ отъ мудрыхъ. Будь снисходителенъ къ своимъ врагамъ, почтителенъ къ ученымъ и молчаливъ предъ невѣждами.

Изъ

Изъ худаго поведенія людей легко судить о томъ, что больше они скрываютъ.

Новыя дѣла всегда бываютъ самыя досадныя.

Жалобы суть орудія слабыхъ.

Съ терпѣніемъ не чего бояться непріятныхъ случаевъ: но не чего ожидать выгоднаго отъ нетерпѣливости.

Безполезныя рѣчи безчестятъ мудрость.

Смерть есть чаша, изъ которой всѣ люди должны испить, а гробъ есть дверь, чрезъ которую всѣ должны проходить.

Предшествующее смерти досаднѣе самой смерти; а смерть сноснѣе того, нежели что за нею слѣдуетъ.

Дѣла худо идутъ, когда богатствами обладаютъ люди, не надлежащимъ образомъ ихъ употребляющіе; когда оружіе въ рукахъ такого человѣка, которой не умѣетъ имъ владѣть; и когда надѣленные мудростію не смѣютъ ею пользоваться.

Скупость служитъ въ казнь богачу.

Богатой скупецъ бѣднѣе щедраго неимущаго.

Три вещи обращаются на главу того, кто производитъ ихъ въ дѣйство: Неправосудїе, нарушенїе слова и обманъ.

Одинъ изъ законовъ дружества состоитъ въ томъ, чтобъ церемонїи отложить въ сторону.

Кто идетъ прямою дорогою, тотъ никогда не заблудится.

Кто пишетъ и не дѣлаетъ размышленїя о томъ, что пишетъ, теряетъ половину своей жизни; равнымъ образомъ и тотъ, кто читаетъ и не понимаетъ того, что читаетъ.

Молчанїе избавляетъ отъ непрїятныхъ дѣлъ и отвращаетъ ихъ.

Удивително, что люди хотятъ жить въ великолѣпныхъ палатахъ знавши, что гробъ есть настоящее ихъ жилище.

Не чего тому бояться покушенїй злонамѣренныхъ, у кого есть хорошїе друзья.

Невѣжда скрывается и не обнаруживаетъ себя сохраняя молчанїе.

Прощаешь ты, или наказываешь, чтобъ слова твои не были тщетны; ибо опасно, что не повѣрятъ тебѣ, когда ты прощаешь, а когда наказываешь, то перестанутъ бояться.

Самое

Самое огорчительное оскорбленіе, быть обижену другомъ.

Не грозись жесточее наказывать, нежели сколько преступленіе заслуживаетъ. Когда это здѣлаешь, будешь несправедливъ; когдажь не здѣлаешь, то солжешь.

Величайшая злость есть, оставивъ законъ, слѣдовать за свѣтскою суетою.

Когда самъ не будешь осуждать, то и не подверженъ будешь осужденію.

Блаженъ тотъ, кто имѣвъ богатства, употребляетъ оныя во благо.

Не дѣлай много шуму, когда обѣщаешь.

Можно сказать, что жизнь долголѣтна, когда бываетъ она безъ печалей и огорченій.

Когда добро тебѣ встрѣчается, прими его; но какъ скоро появится зло, чтобъ тебя уловить, то отвергни его.

Предающійся волѣ врага своего подвергаетъ себя неизбѣжной погибели.

Тиранство Государей споснѣе народнаго возмущенія.

Стенанія утѣсненныхъ не остаются безъ дѣйствія.

Жизнь тирана не бываетъ продолжительна.

Продолжительность разговора приводитъ въ забвенїе большую часть онаго.

Память предпочтительнѣе великаго множества книгъ.

Будь кротокъ и снисходителенъ, то и къ тебѣ будутъ таковы же.

Не удивительно, что страждущїй терпитъ; но чудно, что страждущїй благодаритъ Бога за свое страданїе.

Тотъ обладаетъ сокровищемъ, кто наслаждается совершеннымъ здравїемъ.

Не смѣшивай свою тайну съ тѣмъ, что предлагаешь всенародно; въ противномъ же случаѣ худо изъ того выдетъ.

Не скрывай никакого обстоятельства предъ тѣмъ, у кого ты требуешь совѣта; самъ будешь виною злу, которое изъ того можетъ тебѣ приключиться.

Знатность, добродѣтелїю прїобрѣтаемая, превыше той, которая отъ древности предковъ происходитъ.

Хорошая порода показывается возвышенїемъ мыслей.

Неблагодарные никогда не пользуются получаемыми ими благодѣяніями.

Невѣжи всегда захватывают первыя мѣста; но умные, наблюдая всегда благопристойность того не дѣлают.

Въ теченіе того времени, которымъ ты въ семъ мірѣ наслаждаешься, ты находишься по сю сторону послѣдняго своего часа. Прежде наступленія сего часа употреби принадлежащія тебѣ минуты на упрежденіе того, что должно неминуемо съ тобой случиться по прошествіи оныхъ, и не ожидай, чтобъ тебя лишили всей надежды и послали въ слѣдъ за худыми твоими дѣлами.

Для старика довольно уже той дряхлости, которую старость ему доставляетъ; онъ не долженъ вмѣшиваться въ прочія печали.

По теченію сего міра, жизнь безъ богатства злощастна, а наука безъ достоинства есть куча хорошихъ соединенныхъ рѣчей, которыя ни къ чему не годятся.

При полученіи какого либо крайняго безчестія и то можетъ утѣшать, что не будемъ жить вѣчно.

Злодѣянія, цѣлою націею производимыя, не бываютъ безъ того, чтобъ Богъ потомъ не наслалъ за оныя всеобщей печали.

Ничто болѣе не привлекаетъ сердца, какъ кроткія слова.

Старость не должна щитаться за часть жизни.

Не славься; на что тому слава, кто созданъ изъ земли для того, чтобъ возвратясь въ оную, быть пищею червямъ? нынѣ жить, а завтре умереть?

Бойся молитвъ, возсылаемыхъ къ Богу отъ обиженныхъ тобою.

Будь терпѣливъ; ничто не дѣлается безъ терпѣнія.

Благоразумный Государь никогда не раскаевается въ томъ, что онъ Государь.

Знай, что говорить и въ какое время.

Та слава очень худа, которую стараются пріобрѣсть нечувствительностію ко всѣмъ вещамъ.

Когда принимаешь совѣтъ, то говори правду, чтобъ совѣтъ, которой тебѣ дадутъ, былъ истиннёнъ.

Чтобъ имѣть извѣстія, позволь всѣмъ входить въ твою армію.

Самая

Самая великая вражда можетъ примиренїемъ разрушиться, кромѣ вражды завистника.

Никогда не раскаеваются въ молчанїи.

Въ обществѣ честныхъ людей снискиваютъ сокровище всякаго рода прекрасныхъ совершенствъ.

Не будь строгъ въ наказанїи; оно жестоко, сколькобы ни было легко. Не употребляй также онаго весьма часто; ты можешь достигнуть своей цѣли кромѣ сего средства чрезъ другїя.

Для прїобрѣтенїя добраго имени, главнѣйшее дѣло состоитъ въ хорошемъ разсужденїи и таковомъ же расположенїи словъ своихъ.

Кто не имѣетъ богатства, тотъ не имѣетъ въ свѣтѣ чести, а кто не имѣетъ чести, тотъ, по заключенїю свѣта, не имѣетъ и богатства.

Сражайся храбро въ сраженїи и не теряй мужества; иначе солдаты твои также онаго лишатся.

Истинное употребленїе богатствъ состоитъ въ оказыванїи щедротъ.

Міръ и рай можно уподобить двумъ женамъ, у которыхъ одинъ мужъ, любящій одну болѣе другой.

Дружество, заведенное съ глупымъ, скоро ввергаетъ въ нещастія.

Соотвѣтствуй дружеству твоихъ друзей и имѣй къ нимъ такое же уваженіе, какое они къ тебѣ имѣютъ.

Скупецъ, сберегающій свои деньги, походитъ на такого человѣка, которой имѣя передъ собой хлѣбъ не ѣстъ его.

Употребляй свое богатство на снисканіе благосклонности отъ всѣхъ людей.

Насъ всегда почитаютъ и уважаютъ, когда смерть бываетъ къ намъ ближе шва нашихъ башмаковъ.

Умирая среди утѣхъ и распутства, не знаютъ, что умираютъ.

Народы не оставляютъ Государя и не выходятъ изъ повиновенія безъ кровопролитія.

Мудрый не можетъ быть бѣденъ.

Ложъ влечетъ за собою безславіе.

Ложъ, клонящаяся къ примиренію, предпочтительнѣе истинны, производящей возмущеніе.

Оставившаго міръ никакая печаль не тревожитъ.

Никто не оказываетъ болѣе глупости, какъ тотъ, кто начитаетъ говорить, не давъ говорящему окончить рѣчь.

Нѣтъ истиннаго богатства безъ добродѣтели.

Препоручающій важное дѣло тому, кто не имѣетъ способности оное исполнить, всегда раскаевается, и оказываетъ притомъ свое легкомысліе здравомыслящимъ людямъ.

Благосклонность ближняго пріобрѣтается доставленіемъ ему добра.

Подавать надежду и оной лишать, не есть поступокъ мудраго.

Тѣ, которые бы были щедры, не имѣютъ чѣмъ быть щедрыми, а тѣ, которые имѣютъ чѣмъ быть щедрыми, не бываетъ щедры.

Кто самъ себя выдаетъ за умнаго, почитается за невѣжду предъ Богомъ и людьми.

Хотящій углубиться въ ученость, не долженъ допускать, чтобъ женщины имъ управляли и повелѣвали.

Бо-

Богатства служатъ къ спокойствїю жизни; но живутъ не для собранїя богатствѣ.

Должно остерегаться тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ.

Кѣмъ желанїя управляютъ, тотъ бываетъ обыкновенно бѣденъ.

Скрывая свою тайну, достигаютъ до своего намѣренїя.

Два рода людей трудятся безполезно: Тотъ, кто вырабoтывая не наслаждается выработаннымъ, и тотъ, кто учится у такого учителя, котораго поведенїе не сходствуетъ съ тѣмъ, что онъ знаетъ, и чему онъ учитъ.

Ученый, котораго нравы безпорядочны, походитъ на слѣпаго, который держа факелъ, свѣтитъ другимъ, но самъ не видитъ отъ него свѣту.

Съ дерева посаженнаго собираютъ плодъ; но люди часто истребляютъ тѣхъ, которые помѣстили ихъ въ свѣтъ.

Лучше самому хранить тайну, нежели другому ее ввѣрять въ сохраненїе.

Кто тебѣ разсказываетъ о поведенiи другихъ, тотъ разсказываетъ также другимъ и о твоемъ поведенiи.

Ученый знаетъ невѣжду, по тому что былъ невѣждою; но невѣжда не можетъ судить о ученомъ, потому что никогда не былъ ученымъ.

Тотъ самой, который тебѣ льститъ, кленетъ тебя въ душѣ своей.

Государи имѣютъ болѣе нужды въ совѣтѣ ученыхъ, нежели сколько ученые имѣютъ нужды въ милости Государей.

Какъ можно полагаться на дружбу невѣжды, когда онъ врагъ самому себѣ?

Три вещи тверды сами по себѣ быть не могутъ: Богатства безъ употребленiя, наука безъ пренiя, и Государства безъ строгости.

Неосновательная надежда съ смертiю изчезаетъ.

Щадить злыхъ, значитъ тоже, что обижать добрыхъ.

Чѣмъ болѣе дѣлаютъ опытовъ, тѣмъ болѣе разумъ образуется.

Свѣтъ погибъ бы, естьли бы всѣ люди были учены.

Лѣ-

Лѣность и излишній сонъ не только отвращаютъ отъ богослуженія, но еще навлекаютъ бѣдность.

Роскошь расточаетъ все то имѣніе, которымъ она располагаетъ.

Должно дѣлать добро, когда хотятъ оное получить.

Надобно прежде покупки дому сыскать добраго сосѣда, а прежде путешествія добраго товарища.

Не открывай своему другу всѣхъ своихъ тайностей, потому что онъ можетъ сдѣлаться твоимъ врагомъ. Не дѣлай также и злодѣю своему всего зла, которое бы ты могъ ему сдѣлать, потому что онъ можетъ сдѣлаться твоимъ другомъ.

Надобно столь же стараться хулить самаго себя, сколько мы хулимъ другихъ.

Гнѣвъ начинается безуміемъ и кончится раскаяніемъ.

Кромѣ нещастія ничего не можетъ приключиться тому, кто попускаетъ страстямъ управлять разумомъ своимъ.

Благоразумный врагъ почтеннѣе глупаго друга.

Нѣтъ

Нѣтъ добродѣтели, подобной благоразумію; нѣтъ пристыженія, равнаго удаленію порока; нѣтъ доброты, равной добротѣ нравовъ; и нѣтъ богатствъ, равныхъ удовольствію, не желать болѣе того, что имѣешь.

Кто заводитъ дружество со врагами своихъ друзей, тотъ старается оскорбить своихъ друзей.

Ненужно подвергать опасности жизнь свою въ такихъ дѣлахъ, которыя могутъ кончиться деньгами.

Лучше быть бѣднымъ, нежели имѣть неправедно пріобрѣтенныя богатства.

Слѣдовать совѣту врага чрезвычайно важно. Однако позволительно его выслушать, чтобъ учинить противное тому, что онъ говоритъ, и здравый разумъ требуетъ, чтобъ мы то дѣлали.

Нѣтъ ничего хуже ученаго, котораго наука безполезна.

Чрезмѣрный гнѣвъ отгоняетъ отъ гнѣвливаго всѣхъ къ нему приближающихся, и ласки не во время лишаютъ его почтенія. Почему не должно быть ни слишкомъ строгу, чтобъ не навлечь на себя презрѣнія, ни

слишкомъ благосклонну, чтобъ не быть обруганнымъ.

Два рода людей не бываютъ никогда довольны: тѣ, которые прилѣжатъ къ наукамъ, и тѣ, которые собираютъ богатства.

Сражай голову змія рукою твоего врага: изъ двухъ хорошихъ дѣйствій, которыя сіе произвесть можетъ, одно неминуемо съ тобою не приключится. Естьли врагъ будетъ побѣдителемъ, то змій будетъ убитъ, а естьли змій выиграетъ, то врага твоего не будетъ на свѣтѣ.

Не возвѣщай самъ собою худую вѣсть тому, кого она можетъ привесть въ возмущеніе; но оставляй всегда это другимъ.

Не имѣющій воспитанія походитъ на тѣло безъ души.

Не обвиняй никого предъ Государемъ въ возмущеніи, естьли ты не увѣренъ, что Государь тебя послушаетъ; иначе ты самого себя погубишь.

Мудрый, лишенный самыхъ нужныхъ вещей, предпочтительнѣе невѣжды, которому ни въ чемъ нѣтъ недостатку.

Глупый и невѣжда всегда бываютъ довольны сами собою.

Кто слишкомъ говорливъ, тотъ принужденъ бываетъ либо лгать, или говорить безполезное.

Излишняя торопливость сопровождается раскаянiемъ, а хорошiе успѣхи получаютъ только послѣ терпѣнiя.

Быть богатымъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть малымъ довольну.

Слушай, чтобъ выучиться, и молчи для собственнаго твоего сбереженiя.

Люди раздѣляются на два рода: Одни находя то, чего ищутъ, бываютъ недовольны; другiе ищутъ, и не находятъ.

Кто подаетъ совѣтъ человѣку, самимъ собою надменному, тотъ самъ имѣетъ нужду въ совѣтѣ.

Всякой думаетъ, что онъ въ высочайшей степени разуменъ, и всякой отецъ воображаетъ себѣ, что его сынъ превосходитъ всѣхъ прочихъ красотою.

Хорошо управляемые подданные лучше великихъ армiй.

Оправдывать себя, когда не обвиняютъ, есть дѣлаться виновнымъ.

Государи не любятъ равныхъ, завистливые не имѣютъ покою, а лжецы воздержности.

Берегись знатныхъ людей, когда они надъ тобою насмѣхаются; дурака, когда ты надъ нимъ шутилъ; умнаго, когда его оскорбилъ; и злаго, когда завелъ съ нимъ дружбу.

Для скупаго недовольно всего свѣта; но для умѣреннаго довольно хлѣба, чтобъ насытиться.

Три рода людей не получаютъ ничего добраго отъ другихъ трехъ: Благородной отъ Разночинца, Доброй отъ злаго, Мудрый отъ Невѣжды.

Дѣла, производимыя мало по малу, скоро кончатся.

Человѣкъ познается по его языку, такъ какъ худой орѣхъ по своей легкости.

Кто споритъ съ ученѣйшимъ себя, чтобъ показать себя ученымъ, почитается наконецъ за невѣжду.

Должно знать науку такимъ образомъ, чтобъ можно было ее показать, когда спросятъ.

Хорошо разсуждать о концѣ всѣхъ вещей, есть благоразумiе.

Госу-

Государственная служба имѣетъ два вида, надежду имѣть хлѣбъ, и страхъ лишиться жизни; но въ той надеждѣ пускаться на страхъ не есть благоразуміе.

Три вещи познаются только въ трехъ случаяхъ: Храброй въ войнѣ, Мудрый во гнѣвѣ, а Другъ въ нуждѣ.

Естьли кто прежде тебя началъ рѣчь, не перебивай ее, хотябъ ты зналъ о всемъ и лучше его.

Не разглашай о порокахъ твоего ближняго, потому что ты его обезславишь и умалишь о себѣ доброе имя.

Того, кто не умѣетъ отличить добра отъ зла, можно включить въ число скотовъ.

Кто обучается наукѣ и не исполняетъ, чему она учитъ, походитъ на того, кто цѣлой вѣкъ пашетъ и не сѣетъ.

Можно въ одинъ день узнать, въ чемъ человѣкъ знающъ; но не вѣрь ему въ томъ, что касается до его внутренности, потому что злость души не можно познать и чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Слабый, который предпріемлетъ сражаться противу сильнѣйшаго, самъ помогаетъ ему себя погубить.

Не внемлющій совѣтамъ самъ старается, чтобъ его презрили.

Наука увеличивается опытомъ, а заблужденіе умножается отъ излишняго легковѣрія.

Мудрый, который молчитъ, скажетъ болѣе говорящаго глупца.

Мудрость обнаруживается только чрезъ противоположеніе безразсудности и глупости.

Мы бываемъ невольниками объявленной тайны, но тайна бываетъ у насъ въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока мы ее скрываемъ.

Упражняйся въ изслѣдованіи науки отъ младенчества до смерти.

Мудрый, который бываетъ между невѣждами, не долженъ себѣ ожидать никакой чести.

Нѣтъ ничего труднѣе познанія самаго себя.

Не надобно удивляться, что невѣжда иногда пустомельствомъ своимъ одолѣваетъ

уче-

ученаго. Мергель портитъ драгоцѣнные каменья.

Разумъ, порабощенный сладострастію, подобенъ мужу, которымъ жена его управляетъ.

Кто хвалитъ худые поступки, тотъ бываетъ имъ подверженъ.

Привязанность къ міру и богатству есть источникъ всѣхъ золъ.

Небо даровало всѣмъ людямъ, чѣмъ питаться, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они для полученія того трудились.

Стыдъ возбраняетъ получать желамое.

Имя того, который въ жизнь свою никого не ухлѣбилъ, остается въ забвеніи.

Въ худой годъ не надобно вопрошать бѣднаго, въ какомъ состояніи его дѣла, естьли не хотятъ ему помочь.

Самое лучшее поведеніе въ большихъ собраніяхъ есть то, чтобъ ничего не говорить противу мнѣнія знатной особы.

Добрые радуются въ своей бѣдности, а злые печалятся среди изобилія.

Человѣкъ безъ разума познается по признакамъ шести родовъ; по тому что сердится безъ причины, по тому что говоритъ

ни къ чему негодныя слова, по тому что ввѣряется всякаго рода людямъ, по тому что перемѣняется, когда не имѣетъ причины того дѣлать, по тому что смущается отъ того, что до него не касается, и по тому что не можетъ сдѣлать различія между другомъ и врагомъ.

Ученикъ, по неволѣ учащійся, походитъ на любовника безъ денегъ; путешественникъ, не имѣющій здраваго разсудка, подобенъ птицѣ безъ крыльевъ; ученый, не исполняющій того, что знаетъ, безплодному дереву, а Дервишъ безъ науки, дому безъ дверей.

Безразсудно, принимать сомнительное лѣкарство и путешествовать безъ попутчиковъ по неизвѣстной дорогѣ.

Совершенное богатство состоитъ въ томъ, чтобъ довольствоваться тѣмъ, что имѣешь, въ бѣдностижь нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ не сносить ее терпѣливо.

Безполезно ожидать пяти вещей отъ пяти разныхъ человѣкъ: подарку отъ бѣднаго, услуги отъ лѣниваго, помощи отъ врага, совѣта отъ завистливаго и истинной любви отъ женщины.

Двѣ вещи губятъ человѣка: чрезмѣрное богатство и великая охота болтать.

Не спѣши освѣдомляться о томъ, что ты можешь узнать нѣкогда самъ собою; по тому что это послужитъ въ предосужденіе хорошему мнѣнію, которое о тебѣ имѣютъ.

Доколѣ человѣкъ предается владычеству гнѣва, не бываетъ человѣкомъ.

Соразмѣряй слова съ способностію тѣхъ, которымъ ты говоришь.

Тотъ богатъ, кто доволенъ тѣмъ, что Богъ дастъ.

Малая красота предпочтительнѣе многому богатству.

Кто обращается со злыми, тотъ вредитъ своей славѣ, хотя ихъ общество его еще и не испортило. Тоже самое бываетъ и съ тѣмъ, кто часто посѣщаетъ питейные домы; не скажутъ, что онъ въ нихъ Богу молится, но пьетъ вино.

Скромность должно почитать за дерево, котораго корень бываетъ въ движеніи, а плодъ въ покоѣ.

Бѣдной, котораго конецъ бываетъ щастливъ, предпочитается Государю, котораго конецъ нещастливъ.

Тотъ не мудръ, кто исправляетъ погрѣшности въ другихъ, а самъ въ оную впадаетъ.

Небо даетъ дождь землѣ; но земля возвращаетъ небу только пыль: потому что изъ сосуда того не вынешь, что въ немъ есть.

Удовольствїе мїра состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть нужное, а не излишнее.

Очень великое обращенїе со свѣтомъ ввергаетъ въ зло.

Дружество умножается отъ посѣщенїя друзей, но не очень частымъ.

Тѣ только могутъ давать Государямъ совѣтъ, которые не страшатся лишиться жизни, и ничего отъ нихъ не ожидаютъ.

Никто самаго себя не обижаетъ болѣе того, кто воздаетъ почтенїе не имѣющему къ нему уваженїя, и кто содержитъ такую дружбу, отъ которой онъ не получаетъ никакой пользы.

Не допускай до себя тѣхъ, которые не знаютъ твоего достоинства.

Кто нѣсколько времени не сноситъ терпѣливо трудъ, которой бываетъ при ученїи, тотъ на долго остается во тьмѣ невѣжества.

Чело-

Человѣкъ есть самое благородное творенïе, а собака самое презрительное. Однако надобно согласиться, что благодарная собака почтеннѣе неблагодарнаго человѣка.

Знатные, къ которымъ можно имѣть легкой доступъ, получаютъ отъ того сугубую пользу: одна состоитъ въ томъ, что сïе возвышаетъ ихъ благородство, а другая есть та, что ихъ за то болѣе почитаютъ.

Кто повинуется своимъ страстямъ, тотъ ни къ чему неспособенъ, и по сему не можетъ также повелѣвать.

Совершенство состоитъ въ трехъ вещахъ: въ наблюденïи вѣры, въ терпѣливости при нещастïяхъ и въ благоразумномъ поведенïи.

Поелику свѣтъ не иное что, какъ переходъ, то намъ должно по крайней мѣрѣ стараться пройти чрезъ него такъ, чтобъ объ насъ въ немъ хорошо говорили.

Кротость верблюда столь велика, что ребенокъ можетъ его за узду провесть сто миль. Однакожь, естьли ребенокъ поведетъ его по опасному пути, то онъ упорствуетъ и ему болѣе не повинуется. Сïе показываетъ,

етъ, что надобно отвергнуть кротость, когда бываетъ нужна строгость.

Государь, не наблюдающїй правосудїя, походитъ на рѣку безъ воды.

Какъ безполезны бываютъ мяса больному, такъ и всѣ увѣщанїя, всѣ совѣты, всѣ поученїя ни къ чему не служатъ для ослѣпленнаго любовїю къ мїру.

Люди трехъ родовъ показываютъ въ трехъ раз ыхъ случаяхъ то, что они суть и что могутъ учинить; храбрые люди въ сраженїи, вѣрные люди въ порученномъ имъ закладѣ, и друзья во время нещастїя и напасти.

Ложь подобна ранѣ, которая по себѣ оставляетъ рубецъ.

Лжецу не вѣрятъ даже и тогда, когда онъ правду говоритъ.

Ученый, который не производитъ самымъ дѣломъ того, что знаетъ, походитъ на облако, которое не даетъ дождя.

Тысяча друзей не есть довольно друзей, но одинъ только врагъ составляетъ множество враговъ.

Наука прогоняетъ невѣжество; но не прогоняетъ испорченнаго разума.

Чѣмъ

Чѣмъ болѣе врагъ оказываетъ покорности, ласкательства и снисхожденія, тѣмъ болѣе долженъ хорошій Политикъ ему не довѣрять.

Двѣ вещи бываютъ трудны: молчаніе, когда надобно говорить, и разговоръ, когда надобно молчать.

Одинъ человѣкъ можетъ убить не больше ста человѣкъ своею саблею; но благоразуміемъ своимъ можетъ онъ цѣлую непріятельскую армію погубить.

Богачъ, который нещедръ, походитъ на безплодное дерево.

Естьли ты не перестанешь искать, то найдешь со временемъ то, чего ищешь.

Когда самъ не можешь хранить своей тайны, то по какой причинѣ жалуешся, что другой, которому ты ее объявилъ, ее разглашаетъ?

Бѣдный, не имущій терпѣнія, походитъ на лампаду безъ масла.

Хотя терпѣніе горько, однако плодъ его сладокъ.

Кто, желая только показать свое краснорѣчіе и разумъ, говоритъ болѣе, нежели

что

что можетъ сдѣлать, тотъ скоро станетъ раскаяваться въ своей безразсудности.

Правленіе Государственныхъ дѣлъ подобно мореплаванію; въ немъ выигрываютъ и теряютъ; въ немъ собираютъ сокровища и лишаются жизни.

Женщина безстыдная походитъ на неприправленное мясо.

Бѣдный, которой бываетъ по своей волѣ бѣденъ, не владѣетъ ничѣмъ и ничто имъ не владѣетъ.

Братъ, которой ищетъ для себя выгодъ въ предосужденіе брата, не есть ни братъ, ни родственникъ.

Одинъ только день ученаго лучше всей жизни невѣжды.

Не столь горько умирать въ нуждѣ, какъ объявлять о своей бѣдности.

Желательнѣе умереть славно, нежели жить въ нищетѣ.

Злаго должно почитать за умершаго, хотя онъ и живъ; но честный человѣкъ живетъ даже между умершими.

Владѣтель жестокой не долженъ надѣяться, чтобъ правленіе его было продолжительно; гордый, чтобъ его хвалили;

злой,

злой, чтобЪ имѣлЪ многихЪ друзей; скупой, чтобЪ его почитали за человѣколюбиваго и честнаго человѣка; и корыстолюбивый, чтобЪ его уважали, какЪ справедливаго и праводушнаго.

Никогда не надобно открывать своего отвращенія ни завистникамЪ ни друзьямЪ своимЪ.

Дружество знатныхЪ особЪ, оттепель зимою, ласковыя слова женщинЪ и радость враговЪ суть такія четыре вещи, на которыя не надобно полагаться.

Никогда не должно ничего предпринимать, не разсудивши о томЪ напередЪ хорошенько.

Сердце человѣка, ни отЪ кого не зависящаго, должно быть гробницею повѣренной ему тайны.

СЪ дураками не надобно ни разговаривать, ни имѣть никакого сношенія, потому что они ничего не стыдятся.

Кто умѣетЪ какому нибудь искусству, тотЪ можетЪ сказать, что онЪ большой ГосподинЪ.

Зависть столь же неразлучна со щастіемЪ, какЪ огонь неразлученЪ сЪ дымомЪ.

Есть

Естьли совѣтъ однажды былъ безуспѣшенъ, то въ другое время будетъ успѣшенъ.

Земля, гдѣ нѣтъ друзей, есть негодная земля.

Зависть есть огонь, который тотчасъ загорается и сожигаетъ какъ мокрое такъ и сухое. Она подобна быстротекущей рѣкѣ, которая уноситъ хижины и огромныя зданія.

Большіе и малые бываютъ лишаемы домовъ своихъ и изгоняемы за погрѣшность, которую одинъ человѣкъ учинилъ во всемъ народѣ.

Почести, чины и достоинства не награждаютъ труда, употребляемаго къ достиженію оныхъ.

Часто рабъ заслуживаетъ почтеніе болѣе Дворянина.

Книга бываетъ иногда вмѣсто пріятнаго общества.

Уединенная жизнь бываетъ часто жизнію такихъ людей, которые не могутъ и не хотятъ ничего сдѣлать.

День, въ которой не сдѣлали никакого добраго дѣла, не должно включать въ

число дней жизни, ни день, въ которой ничему не научились.

Посредственность есть правило всѣхъ дѣлъ и всѣхъ предпріятій.

Не возможно, чтобъ не произошло несогласія между родственниками и союзниками, когда не имѣютъ они снисходительности другъ къ другу.

Великій Государь долженъ имѣть предметомъ добрую славу; потому что изъ всего его величія и изъ всего мірскаго шуму одна она только по немъ остается.

Не отлагай до завтра того, что должно нынѣ сдѣлать.

Знакъ великой души есть сожалѣніе о своемъ врагѣ, когда онъ бываетъ въ нуждѣ.

Щедрота Богу столь пріятна, что Онъ ею укрощается и умилостивляется.

Малаго богатства, которое хорошо сберегаютъ, бываетъ надолго; но великихъ сокровищь бываетъ не надолго, когда ихъ расточаютъ.

Дѣлающій добро не лишается награды. Благодѣяніе никогда не пропадаетъ ни предъ Богомъ ни предъ людьми.

Кто здоровъ и имѣетъ хлѣбъ и убѣжище, тотъ ни къ кому нейдетъ служить, и не путешествуетъ.

Естьли будешь имѣть почтеніе къ честнымъ и храбрымъ людямъ, то они тебѣ окажутъ свои услуги: но естьли будешь имѣть такое же уваженіе къ трусамъ, то они тебя возненавидятъ и сдѣлаются отъ того наглѣе.

Жадность доводитъ до невозможности; самое вѣрное средство противъ оной состоитъ въ томъ, чтобъ ограничить себя. Не ограничивающіе себя никогда не бываютъ богаты.

Небольшое доброе дружество, хорошо основанное, лучше великаго дружества, заведеннаго съ вѣтренностію.

Отъ великихъ замѣшательствъ можно избавиться двоякимъ образомъ, или постоянною твердостію, или бѣгствомъ.

Государь, предающійся совершенно увеселеніямъ, дѣлаетъ жезнь свою первою жизнію въ свѣтѣ въ разсужденіи удовольствій; но для исполненія своего долгу, долженъ онъ быть въ своемъ Государствѣ, какъ роза посреди саду, лежащая на тернѣ.

Не

Не надобно презирать людей, которые унижаются и худо одѣты. Пчела съ виду есть непріятное насѣкомое; однако ея улей доставляетъ въ великомъ изобиліи медъ.

Великія почести возвышаютъ человѣка хорошей природы; но унижаютъ неблагоразумнаго человѣка.

Народы наслаждаются спокойствіемъ, когда ими управляютъ Государи, лишающіе себя онаго. Государь, который не предается спокойствію, его производитъ.

Надобно свое мнѣніе сносить со мнѣніемъ другаго; потому что двое скорѣе находятъ истинну, нежели одинъ.

Не должно радоваться смерти врага; потому что и наша жизнь невѣчна.

Надобно трудиться, чтобъ не впасть въ лѣность; надобно также относить къ Богу все, трудомъ пріобрѣтаемое; иначе можно ввергнуться во всегдашнюю, наказанія достойную праздность.

Погрѣшности языка причинютъ болѣе зла, нежели когда споткнешься ногою. Голова отвѣчаетъ за погрѣшности языка; но кто ходитъ не спѣша, тотъ не спотыкается.

Самый лучшій человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ людямъ добро.

Очень трудно сдѣлать ученымъ того, которой ничего не знаетъ; потому что его невѣжество заставляетъ его думать, будто онъ знаетъ болѣе того, кто начинаетъ его учить.

Большая часть друзей твоихъ обращаются около тебя для того, чтобъ имѣть участіе въ твоемъ столѣ; а какъ скоро станетъ достатокъ твой уменьшаться, то и они тебя оставятъ.

Довольно одного платья, одного дома и дневной пищи. Естьли кто умретъ въ полдни, то половина пищи остается излишнею.

Скупецъ есть предметъ проклятія какъ въ разсужденіи свѣта, такъ и въ разсужденіи вѣры, и врагъ всѣхъ бѣдныхъ.

Лучше, чтобъ ты дѣлалъ добро и говорили бы о тебѣ худо, нежели чтобъ ты былъ худъ и говорили бы о тебѣ добро.

Будь терпѣливъ противу покушеній твоихъ завистниковъ; умѣренность твоя ввергнетъ ихъ въ отчаяніе, и ты доживешь до того времени, что увидишь ихъ погибель.

Ко-

Корыстолюбивые друзья походятъ на собакъ, скитающихся повсюду, которые любятъ кости лучше, нежели тѣхъ, кто имъ кидаетъ оныя.

Когда будешь въ щастіи, то старайся себя въ ономъ хорошо содержать; потому что можешь самъ себя лишить онаго своею погрѣшностію.

Не требуется ни породы ни храбрости для достиженія до великихъ должностей, но живости и силы разума. Разумный ко всему можетъ стремиться.

Пользы, которыхъ честной человѣкъ долженъ искать у Двора, состоятъ въ томъ, чтобъ достигнуть, естьли можно, до достоинства выше того, которое онъ имѣетъ; чтобъ быть въ состояніи дѣлать своимъ друзьямъ добро, и властію своею воспрепятствовать, чтобъ его враги не могли ему дѣлать вреда.

Чтобъ хорошо жить, должно умертвить чувственныя наклонности и все, отъ нихъ зависящее.

Тысяча лѣтъ удовольствій не стоютъ того, чтобъ отважить для нихъ одну минуту своей жизни.

Когда мы бываемъ больны, то принимаемъ намѣреніе вести себя хорошо; но успѣвъ выздоровѣть, впадаемъ опять въ новыя распутства. Въ опасности своей возлагаемъ на Бога надежду, а выздоровѣвъ тотчасъ Его оскорбляемъ. Сіе явно показываютъ, что нѣтъ чистыхъ и искреннихъ дѣлъ.

Въ какомъ бы то ни было предпріятіи, не менѣе должно знать, какъ изъ онаго выити, такъ и съ какой стороны оное начать.

Получать будешь всегда по мѣрѣ того, какъ даешь.

Кто хочетъ при Дворѣ возвыситься, тотъ долженъ наблюдать пять вещей. Во первыхъ, должно исправлять склонность, которую онъ можетъ имѣть къ запальчивости, кротостію и благосклонностію; во вторыхъ, не допускать уловить себя духу гордости; въ третьихъ, не дать побѣдить себя корыстолюбію; въ четвертыхъ, быть искренну и справедливу въ управленіи препоручаемыхъ дѣлъ; и въ пятыхъ, не колебаться во всѣхъ приключающихся непріятныхъ случаяхъ.

Го-

Государева служба подобна пространному морю, по которому плавают купцы; одни претерпѣваютъ на ономъ кораблекрушенïе, а другïе получаютъ отъ того великiя богатства.

Удались отъ того, кто не знаетъ, къ чему онъ способенъ; кто бываетъ упоренъ въ предпрïятïяхъ, превышающихъ его силы, и отдается во власть страстей. Онъ будетъ имѣть удовольствïе одинъ день, а раскаяваться станетъ много лѣтъ.

Дѣла, пока ими управляютъ мудрые, идутъ хорошо; но какъ скоро мудрые ихъ оставятъ, то злые тотчасъ принимаютъ ихъ на себя.

Бойся того, кто тебя боится.

Не должно ничего дѣлать безъ намѣренïя.

Благоразумïе составляетъ половину жизни.

Надобно прося унижаться, чтобъ получа свое прошенïе возвыситься.

Обхожденïе съ большими людьми пагубно; это огонь, отъ котораго ожжешься.

Остерегайся въ обхожденïи съ Государями съ такимъ же тщанïемъ, какъ сухой лѣсъ долженъ удаленъ быть отъ огня.

Злая жена въ домѣ добраго человѣка есть для него адъ въ семъ свѣтѣ.

Начало радости слѣдуетъ непосредственно послѣ терпѣнія.

Кто боясь опасности, не сражается, тотъ никогда не достигаетъ славы.

Богатства пріобрѣтаютъ терпѣніемъ, а молчаніемъ защищаются отъ опасностей.

Польза Государей требуетъ быть снисходительными и покровительствовать достойныхъ людей; потому что они получаютъ отъ нихъ услуги, соразмѣрныя благодѣяніямъ, которыми они стараются ихъ сберегать.

О скупомъ, сколько бы онъ ни былъ привязанъ къ своимъ богатствамъ, не можно сказать, чтобъ онъ былъ обладатель ихъ.

Мысль о злѣ происходитъ отъ праздности.

Хвались своею собственною добродѣтелію и не полагайся на древность твоего происхожденія. Не производи изъ мертваго живаго, и не выдавай мертваго за живаго.

Не говори худо о умершихъ, чтобъ добро, которое ты зделаешь, осталось у людей въ памяти.

Хоро-

Хорошее употребленіе богатствъ лучше исканія оныхъ.

Государи и подданные бываютъ равномѣрно нещастливы, когда достойные люди въ презрѣніи, и невѣжды занимаютъ первыя должности.

Богатства, которыхъ не употребляютъ на сохраненіе жизни, бываютъ ни къ чему неполезны.

Для избѣжанія ругательства отъ злыхъ, надобно быть къ нимъ благосклонну.

Зло бываетъ болѣе, когда за зло воздаютъ зломъ, нежели когда начинаютъ дѣлать зло.

Не всѣ желаемое получаютъ.

Отвѣчай спрашивающимъ тебя такъ, чтобъ ихъ не разсердить.

Средство наказать завистливыхъ состоитъ въ оказываніи имъ благодѣяній.

Тѣ братья и друзья твои, которые тебѣ въ нуждѣ помогаютъ.

Благоразуміе страждетъ отъ невозможности и нерѣшимости.

Употреблять дарованное Богомъ богатство на оказаніе прочимъ щедротъ, значитъ благодарить Его за оное.

Не заводи дружбы съ человѣкомъ гнѣвливымъ.

Когда говоришь, то говори внятно.

Пріобрѣтеніе вѣрнаго друга есть самое драгоцѣнное.

Не полагайся на наружность; барабанъ со всѣмъ своимъ шумомъ пустъ и ни къ чему другому негоденъ.

Не имѣй худой совѣсти, но имѣй недовѣрчивость, чтобъ быть безопасну отъ обольщенія и обману.

Зло ли дѣлаютъ или добро, ничто не остается безъ наказанія или награды.

Добрый успѣхъ въ дѣлахъ, даже и при самыхъ опасныхъ случаяхъ, зависитъ ни отъ силы, ни отъ какой либо помощи, но отъ благоразумія и хорошаго поступка.

Мудрость предпочтительнѣе силы, потому что производитъ такія дѣла, которыхъ сила не можетъ произвести.

Мудрый словами своими дѣлаетъ то, чего сто армій, вмѣстѣ соединенныхъ, не могутъ учинить.

Щастливъ тотъ, кто погрѣшности свои исправляетъ чужими погрѣшностями.

Милости не бываютъ наградою подлыхъ поступокъ; и для того при исканіи оныхъ не надобно уничижаться.

Не подумавши напередъ о томъ, что хочешь сказать, не должно ничего говорить, ни дѣлать ничего безъ причины.

Тѣ, которые думаютъ найти для себя пользу въ безпокойствіяхъ и возмущеніяхъ, непремѣнно оныя возбуждаютъ.

Самые лучшіе пріятели сего вѣка бываютъ шпіонами нашихъ погрѣшностей.

Никогда не будешь имѣть друзей, естьли захочешь искать оныхъ безъ всякаго порока,

Министръ, имѣющій въ рукахъ совершенную власть, и управляющій Государственными дѣлами какъ тайными такъ и всеобщими, есть великое чудо, естьли не стремится къ неограниченной власти и не погубляетъ того, кто ему въ томъ препятствуетъ.

Спокойствіе души состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не ожидать.

Не надобно бояться съ той стороны, съ которой остерегаются; но съ той, съ ко-

которой воображаютъ себя быть въ безопасности.

Нескромной ученый бываетъ всѣмъ людямъ въ тягость.

Какъ худое тѣлосложенiе не можетъ перемѣниться въ совершенное здоровье, такъ и испорченные нравы никогда не могутъ перемѣниться въ похвальные и безпорочные.

Добродѣтельнаго вездѣ почитаютъ и уважаютъ; но невѣжда и въ своей собственной землѣ бываетъ чужестранцемъ.

Кто старается прiобрѣсть науки, тотъ доставляетъ себѣ средство обладать всякаго рода благомъ.

Подавайте дѣтямъ вашимъ доброе воспитанiе; вы чрезъ то доставите имъ удовольствiе.

Кто не успѣлъ въ исполненiи данныхъ ему приказанiй, по тому что почитали его къ тому способнымъ, тотъ заслуживаетъ извиненiе; думать должно, что онъ не упустилъ никакого старанiя къ исполненiю оныхъ.

Имѣть почтенiе и уваженiе къ злымъ и къ безчестнымъ людямъ, значитъ насаждать тернiе и питать у себя за пазухою змѣю.

Дѣлай

Дѣлай и злому добро, а вось либо онъ здѣлается добрымъ человѣкомъ.

Истинное богатство состоитъ въ добродѣтели, а не въ обладанiи великимъ имѣнiемъ, и мудрость состоитъ въ разумѣ, а не въ лѣтахъ.

Слуга, склонный къ злодѣянiю, никогда не разстается съ свѣтомъ, не заплативъ Господину своему неблагодарностiю.

Государи бываютъ Государями потому, что владѣютъ людьми, и люди не могутъ быть щастливыми безъ Государя.

Вы, на которыхъ возложены должности и достоинства, почто слагаете на другихъ тѣ заботы, которыя до васъ касаются? По что за учиненную вами погрѣшность вините не себя?

Всякое дѣло требуетъ особливаго ума.

Богатства увеличиваются по мѣрѣ раздѣленiя ихъ бѣднымъ.

Слишкомъ великая слава приводитъ часто въ замѣшательство.

Быть бѣднымъ не презрительно. Левъ на цѣпи бываетъ не менѣе силенъ.

Одинъ человѣкъ не можетъ многимъ сопротивляться. Слѣпень сваливаетъ слона

при

при всей его ужасной величинѣ и при всей его силѣ, а многіе муравьи вмѣстѣ приводятъ и льва въ замѣшательство, когда накинутся на его кожу.

Добрые поступки дѣлаютъ жизнь щастливою.

Кто подаетъ совѣтъ, тотъ долженъ оный исполнять.

Богатство и дѣти причиняютъ только нещастіе.

Государь долженъ быть доведенъ до самой крайности, прежде нежели разрушитъ трудъ своихъ рукъ, лишая Министра своего благоволенія.

Молодой человѣкъ столь же разумный, какъ старикъ, почитается между разумными старикомъ.

Правосудный Государь бываетъ на земли образомъ и подобіемъ Бога.

Услуга великимъ людямъ походитъ на море; чѣмъ далѣе въ оное пускаются, тѣмъ болѣе подвергаютъ себя опасности.

Слушать истинну горько и досадно.

Не можно иначе достигнуть до обладанія всего, какъ чрезъ совершенное оставленіе всѣхъ вещей.

Добро-

Добродѣтель не прежде начинаетъ блистать, какъ когда порокъ станетъ ее нагло поносить.

Человѣкъ не имѣетъ большаго себѣ врага, кромѣ чрева.

Жизнь сего мїра есть дѣтская игра.

Не можно сказать, что зрѣло разсуждали о какомъ либо дѣлѣ, когда конецъ его не соотвѣтствуетъ предвоспрїятїю.

Другъ, на котораго не много должно полагаться, есть тотъ, съ которымъ надобно наблюдать чины.

Чтобъ все, тобою желаемое, было тебѣ полезно, то не желай ничего свыше того, что тебѣ прилично.

Говорить смѣшныя слова, есть родъ благопристойности между распутными людьми; но между благоразумными людьми и самая вольность неблагопристойна.

Жадность есть опасная болѣзнь; она заражаетъ душу и сердце, и столь пагубна, что всякой удаляется отъ тѣхъ, которые ею заражены.

Самые злые люды суть тѣ, которые не хотятъ прощать.

Утвер-

Утверждаютъ, что не можно избѣгнуть судьбы; но хорошо и то, естьли ничего не будутъ дѣлать безъ осторожности.

Даришь съ откровеннымъ видомъ, есть даришь въ другой разъ.

Дворянство бываетъ несовершенно, когда его не подкрѣпляютъ добрыми поступками.

Злословіе и клевета никогда не упускаютъ случая; для погубленія невиннаго, на котораго они напали.

При концѣ жизни исправь тѣ дѣла, о которыхъ сначала мало думалъ.

На обѣщанія честныхъ людей должно болѣе полагаться, нежели на долги худыхъ плательщиковъ.

Побуждать Государя къ нарушенію его слова, есть для Министра злодѣяніе и возмущеніе.

Правосудіе производитъ болѣе добра, нежели великія арміи, и защищаетъ безопаснѣе самыхъ неприступныхъ снаружи укрѣпленій.

Корыстолюбивые друзья походятъ на тѣхъ негодныхъ собакъ, которые не имѣютъ

ютъ другой наклонности кромѣ той, чтобъ быть только всегда около стола.

Не обращайся съ тѣми, которые не знаютъ, чего ты стоишь.

Почтенiе есть союзъ дружества.

Разсуждай о своемъ состоянiи, а забавы и смѣхотворныя слова предоставь молодымъ людямъ.

Гнѣвъ скорѣе укрощается кротостiю, нежели колкостiю. Чтобъ потушить пожаръ, то лучше лить на него воду, нежели поддувать огонь, который можетъ его увеличить.

Пять вещей въ свѣтѣ весьма безполезны: факелъ въ полдень, хорошее лицо для слѣпца, обильный дождь въ степи и на безплодномъ полѣ, пиръ для сытыхъ людей и истинна съ искуствомъ предложенная невѣждѣ.

Мудрые должны только подавать свой совѣтъ, но не могутъ ручаться въ исполненiи онаго, что зависитъ отъ тѣхъ, которые у нихъ требуютъ совѣта.

Воздержанiемъ отъ оборотовъ и обмановъ прiобрѣтаютъ себѣ почтенiе и уваженiе.

Четыре вещи особенно увеселяютъ зрѣніе: лугъ, испещренный цвѣтами, текущая вода, прозрачное вино и присутствіе друзей.

Наука и изящныя познанія безъ употребленія подобны воску безъ меду, словамъ безъ слѣдствія и дереву безъ вѣтьвей, которое годится только кинуть въ огонь.

Не обращайся съ невѣждой, которой щитаетъ себя за ученаго.

Пользующійся милостію Государя, какое бы ни дѣлалъ зло, бываетъ похваляемъ.

Говори всегда правду, хотя и знаешь, что она ненавистна.

Множество гостей за столомъ есть благословеніе дому.

Пять вещей безполезны, когда каждая изъ нихъ не сопровождаема бываетъ другою вещію: Слово безъ послѣдствія, богатство безъ экономіи, науки безъ добронравія, милости безъ намѣренія и не къ стати, и жизнь безъ здоровья.

Естьли хочешь, чтобъ врагъ твой не зналъ тайны, то не открывай ее твоему другу.

Скупость, любострастіе и самолюбіе суть три вещи, сокращающія жизнь.

Дво-

Дворянина безъ достоинства не должно щитать въ числѣ живыхъ.

Естьли хочешь жить съ достоинствами безъ заботы, то оказывай поступки, достойные твоего характера.

Когда подданные, съ которыми нижніе чины худо поступили, не могутъ Государю о томъ представить, по причинѣ неограниченной власти Министра, лишающаго ихъ къ тому средствѣ; тогда ихъ жребій подобенъ жребію человѣка, томимаго жаждою, которой приближаясь къ Нилу, чтобъ напиться, усматриваетъ въ немъ Крокодила, котораго видъ лишаетъ его смѣлости, почерпнуть воды.

Могила одна только можетъ потушить любострастіе.

Лучше уморить себя голодомъ, нежели отнимать хлѣбъ у бѣдныхъ.

Мясо питаетъ тѣло, а хорошіе разговоры душу.

Тѣ, которые дѣлаютъ ужаснѣйшія злодѣянія, нѣкоторымъ образомъ сноснѣе бѣдняка, исполненнаго гордости.

Ложь продолжается одну только минуту; но истинна существуетъ до страшнаго суда.

Самое величайшее оскорбленїе есть то, когда выданное за правду признается публично за ложь.

Самое подлое дѣло, могши сдѣлать добро тому, кто имѣетъ въ насъ нужду, не хотѣть онаго сдѣлать.

Добронравїе должно быть украшенїемъ мужей, а золото украшенїемъ женъ.

Естьли кто станетъ тебя уличать въ твоихъ порокахъ, то не сѣтуй на него, но сѣтуй на то, что онъ тебѣ говоритъ.

Наука бываетъ вредна, когда не сопровождается благоразумїемъ и добрымъ поведенїемъ.

Мясо, ядомъ отравленное, предпочтительнѣе опасныхъ рѣчей.

Естьли не хочешь быть негоднымъ другомъ, то не будь мстителенъ.

Есть шесть вещей, на которыхъ не должно основывать своей надежды: тѣнь простаго облака, потому что пропадетъ; дружество недоброжелательныхъ, потому что оно какъ молнїя пролѣтаетъ; любовь жен-

женская, потому что она наконецъ увядаетъ, сколь бы ни была совершенна; ложныя похвалы, потому что отъ нихъ ничего не остается; и наконецъ богатства и имущества сего мїра, потому что они ищезаютъ и погибаютъ.

Ежели желаешь жить безъ досады, то не имѣй привязанности ни къ чему, что произходитъ въ свѣтѣ.

Чтобъ не получить безчестія, то не бери съ своего мѣста того, что не ты поставилъ.

Злой щастливецъ не стоитъ своего щастія.

Чтобъ не открыли твоихъ погрѣшностей, не открывай и ты чужихъ.

Сражайся съ самимъ собой, и пріобрѣтешь спокойствіе души.

Не дѣлай ничего по пристрастію, чрезъ то избѣжишь продолжительнаго раскаянія.

Естьли хочешь пріобрѣсть почтеніе, то имѣй оное къ другимъ.

Чтобъ быть всѣмъ пріятну, то соображай свой разговоръ съ наклонностію каждаго.

Безъ причины не смѣйся; такого рода смѣхъ бываетъ сугубымъ дурачествомъ.

Пріятная шутка въ разговорѣ тоже, что соль въ пищѣ.

Шути съ равными себѣ, чтобъ тебѣ не осердиться, ежели они взаимно будутъ шутить надъ тобою.

Люди походятъ на тѣхъ, съ кѣмъ они обращаются.

Никогда ни съ кѣмъ не ссорься. Ссора не стоитъ честнаго человѣка. Ссориться прилично только женщинамъ и дѣтямъ.

Богатства, всего лучше употребленныя, суть тѣ, которыя употребляются изъ любви къ Богу.

Лѣкарство огорченнаго сердца есть упованіе на волю Божію.

Естьли случай принуждаетъ тебя ссориться, то не говори всего, что знаешь о томъ, съ кѣмъ будешь имѣть ссору; ссорься такимъ образомъ, чтобъ можно было помириться.

Любострастіе есть болѣзнь души.

Слово бываетъ знакомъ человѣческаго разума, а поступки обнаруживаютъ самую сокровенность человѣческаго сердца.

Бо-

Богатства сберегать труднѣе, нежели прiобрѣтать ихъ.

Малое богатство, экономно сберегаемое, лучше великихъ сокровищь, худо употребленныхъ.

Великой расходъ влечетъ за собою бѣдность.

Величiе Государей сiяетъ въ оказыванiи правосудiя.

Спокойствiе и здравiе тѣла прiобрѣтаются трудомъ.

Не ссужай деньгами своего друга, чтобъ избѣжать досады обратно оныхъ требовать. Естьлижъ обязанъ его ссудить, то дай ему и не требуй опять, но ожидай, пока онъ самъ тебѣ возвратитъ.

Воздерживайся передъ тѣмъ, кто тебѣ дѣлаетъ зло, чрезъ то приведешь его въ замѣшательство.

Видѣть своихъ друзей есть утѣшенiе для печальныхъ.

Другъ легко дѣлается врагомъ, и когда однажды поссорится, то уже трудно съ нимъ помириться.

Для предпріятій бываетъ вредно, когда въ нихъ упражняются съ чрезмѣрною привязанностію и торопливостію.

Вкушаемыя при Государяхъ удовольствія ожигаютъ губы.

Краснорѣчіе есть источникъ богатствъ.

Удѣли изъ того, что имѣешь, тѣмъ, которые того стоютъ; но остерегайся желать того, что прочіе имѣютъ, естьли хочешь, чтобъ почитали тебя за совершенно честнаго человѣка.

Естьли хочешь, чтобъ жена твоя была разумна, то не женись никогда на такой, которая выше твоего состоянія.

Отецъ долженъ быть важенъ въ разсужденіи своихъ дѣтей, чтобъ они его не презирали и всегда боялись.

Почитай своего отца; сынъ твой также будетъ тебя почитать.

Берегись того друга, которой любитъ твоего врага.

Степени науки превыше всѣхъ степеней возвышенія.

Должно перервать всякую связь съ тѣми изъ друзей, которые безъ причины сами прерываютъ оную.

Ни-

Никто не бываетъ безъ погрѣшностей; но ты старайся, чтобъ не имѣть оныхъ.

Должно имѣть какъ злыхъ, такъ и добрыхъ друзей; по тому что иногда бываетъ также нужна помощь первыхъ, какъ и послѣднихъ.

Радость въ жизни происходитъ отъ непорочной и чистой совѣсти.

Драхма золота, данная одному бѣдному изъ ближнихъ твоихъ родственниковъ, стоитъ болѣе ста драхмъ, данныхъ тому, которой тебѣ не такъ близокъ.

Мѣряй каждаго по его мѣрѣ.

Надобно быть съ своей стороны вѣрну и искренну въ дружбѣ, и жить съ друзьями своими такъ, какъ будто бы должно было ихъ нѣкогда оставить; потому что неизвѣстно, не могутъ ли они наконецъ сдѣлаться врагами.

Удобнѣе можно погибнуть наукѣ, нежели умереть ученымъ.

Обращайся съ людьми по достоинству каждаго.

Набожность народа есть суевѣрїе.

Бѣдный не долженъ заводить дружбы съ сильнѣйшимъ его; по тому что тѣ, ко-

торые насъ выше, никогда насъ не любятъ совершенно.

Разсматривая, отъ чего человѣкъ произошелъ, странно кажется, что онъ можетъ кичиться.

Всякъ знай про себя творимое имъ добро или зло.

Не дружись съ корыстолюбивыми друзьями; по тому что они цѣлїю дружества имѣютъ корысть.

Не довѣряй всегда двумъ лицамъ, сильному врагу и притворному другу.

Въ какой бы ни было странѣ свѣта, но всегда должно страдать.

Не навлекай на себя врага, которой сильнѣе тебя.

Не шути надъ тѣмъ, кто неровнаго нраву и глупъ.

Лучше украшать внутренность, нежели наружность.

Кто не имѣетъ друга, есть чужестранецъ, куда бы онъ ни поѣхалъ.

Недовѣрчивость есть знакъ мудрости и благоразумїя.

Удовольствїя, которыми наслаждаются въ семъ свѣтѣ, суть только обманъ.

Естьли

Естьли тебѣ приписываютъ какой нибудь худой поступокъ, то всевозможно старайся себя въ томъ оправдать.

Естьли тебѣ должно исполнить приказаніе, то исполни оное одинъ безъ товарища, чтобъ тебѣ не ошибиться въ исполненіи и получить отъ того, кто тебѣ оное далъ, похвалу.

Естьли кто у тебя будетъ просить прощенія за учиненную имъ тебѣ обиду, то тотчасъ его прости, съ такимъ увѣреніемъ, что онъ тебя для того обидилъ, чтобъ испытать твою благосклонность.

Ученые суть настоящіе Дворяне и истинные Вельможи у всякаго народа.

Не обижай никого, чтобъ не быть принуждену просить прощенія.

Развращенные нравы дѣлаютъ смертныхъ безумными.

Естьли ты, по нещастію, принужденъ будешь просить прощенія, то учини сіе вскорѣ, чтобъ тебя не порицали въ упорствѣ.

Возвышенность человѣка состоитъ въ униженіи.

Не

Не ищи тѣхъ достоинствъ, которыхъ ты не заслуживаешь.

Нѣтъ столь великой обиды, которая бы не заслуживала прощенія.

Быть мало ученымъ, есть опытъ для науки.

Скупость есть наказаніе для богатаго.

Неразборчивость въ дѣлахъ гораздо лучше множества дѣлъ, производимыхъ безъ разбору и безъ разсудка.

Сѣдые волосы бываютъ предвозвѣстниками смерти.

Не безпокоить друга, есть одинъ изъ законовъ дружества.

Находящейся въ службѣ у Государя и Вельможъ, долженъ наблюдать пять вещей, чтобъ не сдѣлаться добычею своихъ враговъ. Онъ долженъ быть всегда правдивъ предъ своимъ начальникомъ; никогда не долженъ передъ нимъ ни о комъ говорить худо; ни въ чемъ ему не противорѣчить; ничего не дѣлать противу его приказаній, и никому не открывать порученной отъ него тайны.

Доставляемая богатствомъ довѣренность теряется по мѣрѣ умаляющагося богатства.

Чест-

Честность состоитъ всего болѣе въ трехъ вещахъ: въ исполненіи своего обязательства, въ нечиненіи ничего противъ истинны, и въ умѣреніи себя въ своемъ поведеніи.

Терпѣливость доведетъ тебя до всего желаемаго.

Унижаться предъ тѣми, которые бываютъ за то неблагодарны, и привязываться къ тѣмъ, отъ которыхъ не можно ожидать никакой пользы, значитъ поступать съ собою жесточае тирана.

Завистливые не имѣютъ уваженія ни къ должностямъ вѣры, ни къ законамъ честности и справедливости.

Путешествія образуютъ разумъ и сверхъ того, что чрезъ оныя научаются добродѣтели, служатъ онѣ также и средствомъ къ пріобрѣтенію богатствъ.

Когда кто не хочетъ слушать дружескаго совѣта, тотъ разположенъ сдѣлаться врагомъ.

Люди оказываютъ глупость въ пяти разныхъ случаяхъ: когда они щастіе свое основываютъ на нещастіи другаго; когда они намѣреваются заставить женщинъ любить

бить себя строгостію и оказывая имъ болѣе знаковъ ненависти нежели любви; когда они посреди покоя и удовольствій хотятъ сдѣлаться учеными; когда они ищутъ друзей, не сдѣлавши сами напередъ тому начала; и когда они будучи друзьями, не хотятъ сдѣлать друзьямъ своимъ никакой помощи въ ихъ нуждѣ.

Человѣкъ искренностію сохраняетъ себя и избавляется отъ худыхъ дѣлъ.

Молчаніе есть покрывало, подъ которое и невѣжда скрывается.

Ударъ, нанесенный другомъ, есть самый тяжчайшій изъ всѣхъ ударовъ.

Кто тратитъ болѣе, нежели сколько имѣетъ доходу, тотъ наконецъ впадетъ въ бѣдность.

Порядокъ и равенство похвальны во всѣхъ вещахъ, а особливо въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Бѣдные всегда бываютъ съ пустыми руками, и никогда не получаютъ ими желаемаго.

Кто имѣетъ жестокое сердце, тотъ хуже скупца.

Всякъ

Всякъ можетъ лучше успѣть въ своемъ искусствѣ, нежели въ чужомъ.

Вода, сколько бы она ни была свѣтла, не можетъ выбѣлить чернаго сукна, равномѣрно ничто не можетъ перемѣнить и злаго отъ природы человѣка.

Подходя къ большимъ людямъ, сдѣлай не большой поклонъ, говори не много и скоро ступай назадъ.

Свѣтъ весьма тѣсенъ для двухъ между собою ссорящихся невѣждъ.

Творенiе очень можно обмануть; но Творца никто не обманетъ.

Трехъ родовъ люди склонны къ возмущенiю: Подданный, который не воздаетъ Государю своему должнаго; больной, который таитъ болѣзнь свою отъ врага, и тотъ, который не открываетъ своему другу своей бѣдности.

Родители! ваши дѣти и ваше богатство вамъ погибель.

У кого рука сжата, у того сердце всегда на замкѣ.

У кого нѣтъ друзей, тому должно лучше удалиться въ пустыни, нежели жить съ людьми.

Всѣ тѣ, которые кажутся друзьями, не суть таковы, и часто бываютъ обмануты, когда думаютъ, что изъ нихъ нашли добраго.

Кто не имѣетъ нѣкотораго терпѣнія въ пріобрѣтеніи наукъ, тотъ долго будетъ воздыхать во мракѣ невѣжества.

Не обращайся со злыми, потому что за одно только обращеніе съ ними почтутъ тебя порочнымъ, хотя ты и невиненъ.

Не занимай ничего у твоего друга, естьли желаешь, чтобъ его дружество не пресѣклось.

Блаженъ тотъ, кто здравіемъ наслаждается.

Мудрость для глупыхъ есть глупость, такъ какъ глупость бываетъ глупостію для мудрыхъ.

Кто менѣе терпитъ, тотъ болѣе живетъ.

Обращайся съ людьми; уединеніе походитъ на глупость.

Чѣмъ болѣе имѣютъ надежды, тѣмъ болѣе терпятъ.

Людей можно раздѣлить на четыре класса: Одни въ семъ свѣтѣ имѣютъ во

всемъ

всемъ недостатокъ и изобилуютъ въ будущемъ: другіе, изобилуя въ семъ свѣтѣ всемъ, имѣютъ недостатокъ во всемъ для другаго свѣта. Третіи, не имѣя ни въ чемъ недостатку, бываютъ какъ въ семъ такъ и въ томъ свѣтѣ блаженны, а четвертые не имѣютъ ничего ни въ семъ ни въ томъ свѣтѣ.

Убѣгай тяжебъ. Онѣ подобны такому огню, которой трудно потушить, когда загорится.

Тиранство въ короткое время низвергаетъ тирана.

Тиранское правленіе Государей сноснѣе народнаго правленія.

Добрая слава есть самая вожделѣннѣйшая въ свѣтѣ вещь.

Великіе люди отдаютъ почтеніе тѣмъ, которые ихъ больше.

Естьли будешь дѣлать добро, то и тебѣ станутъ тѣмъ же платить: но естьли ты будешь дѣлать зло, то и тебѣ будутъ за то зломъ же воздавать.

Страсть къ богатству есть нѣчто сильнѣе жажды.

Тѣ, которые принимаютъ подарки, бываютъ ихъ невольниками.

Чѣмъ болѣе прилагаютъ труда въ предпріятіи, тѣмъ скорѣе достигаютъ конца.

Великія души сдерживаютъ свои обѣщанія и извиняютъ тѣхъ, которые не исполняютъ обѣщаннаго.

Всего лучше, естьли всякой исправляетъ свои собственныя дѣла съ тѣмъ, чтобъ получить отъ того удовольствіе.

Ученый человѣкъ одну строчку изъ сочиненій ученаго уважаетъ болѣе сокровища.

Молчаніе есть самая мудрость; но такихъ людей мало, которые оное хранятъ.

Будь доволенъ жизнію, то будешь жить по Государски.

Кто свободенъ и хочетъ быть свободнымъ и довольнымъ, тотъ долженъ наблюдать двѣ вещи; вопервыхъ, не жениться, хотя бы давали за него и дочь Греческаго Императора; а во вторыхъ, не входить въ долги, хотя бы ему повѣрили и до кончины свѣта.

Не уважай человѣка безъ добродѣтели, хотя бы онъ былъ въ свѣтѣ и самый великій и могущественнѣйшій.

Са-

Самое величайшее раскаяніе есть раскаяніе о учиненіи неблагодарному добра.

Всякая вещь бываетъ сперва трудна, а потомъ легка.

Не изнуряй своего духа для благъ сего міра. Когда завтрешній день наступитъ, то доставитъ тебѣ и пищу.

Скорая смерть есть наказаніе тирану.

Тотъ, кто хочетъ обмануть другихъ, бываетъ оченъ часто самъ обманутъ.

Чѣмъ болѣе кто оказываетъ въ службѣ успѣховъ, и чѣмъ болѣе входитъ у Государя въ милость, тѣмъ болѣе становится та опасность, которой онъ бываетъ подверженъ.

Привязанность къ міру есть начало всякаго порока.

Общество тѣхъ, къ которымъ имѣютъ отвращеніе, есть нѣчто хуждшее смерти.

Истинна человѣку столь существенна, что для него полезнѣе ничего не говорить, нежели говорить ей вопреки.

Сердце мудраго предупреждаетъ его языкъ, а языкъ глупаго предупреждаетъ его сердце.

Торопливость бываетъ хороша только въ легкихъ дѣлахъ.

Слава, добродѣтелiю прiобрѣтаемая, предпочтительнѣе знатной породы.

Истинное благоразумiе состоитъ въ предусмотрѣнiи конца при началѣ дѣла.

Все по глупости предпрiемлемое никогда не имѣетъ добраго конца.

Объявленiе о нѣкоторой погрѣшности къ предосужденiю честнаго человѣка, есть свидѣтельство о его добродѣтели.

Лучше умереть со славою, нежели жить съ безчестiемъ.

Кто имѣетъ мало денегъ, тому и люди мало вѣрятъ.

Истинный мудрецъ не прилѣпляется къ богатству.

Всякое сердце имѣетъ свою особливую заботу.

Не печалься о лишенiи мiрскихъ благъ, они суть ничто. По сей же самой причинѣ не должно тебѣ гордиться и обладанiемъ оными.

Кто получивъ благодѣянiе, оное забываетъ, тотъ теряетъ достоинство, за которое онъ его получилъ.

Честный человѣкъ никогда не умираетъ, но нечестнаго можно почитать за умершаго.

Не

Не сражавшись не получаютъ побѣды.

Когда будешь твердъ въ своемъ предпрiятiи, то преодолѣешь всѣ трудности онаго.

Кто имѣетъ друзей, того жизнь бываетъ прiятна; но кто не имѣетъ ихъ, того жизнь бываетъ исполненна заботъ.

Хорошiе поступки относятся къ тому, кто по онымъ себя располагаетъ; но зло, которое дѣлаютъ злые, вооружается противу ихъ самихъ.

Старикамъ не надо болѣзни болѣе старости.

Нещастiе злыхъ таково, что воспоминанiе о ихъ злости не изчезаетъ даже и тогда, когда они исправятся.

Надобно со всякимъ разговаривать сображаясь понятiю его.

Старость не есть часть жизни.

Наука Государю невредна.

Одна вражда завистливаго непримирима.

Въ морскихъ путешествiяхъ находятся великiя выгоды; но для избѣжанiя опасности, всего надежнѣе не приставать и не стоять подлѣ берега.

Откровенный видъ при разговорѣ показываетъ, что говорятъ правду.

Богатство должно служить для спокойствія жизни; но не должно употреблять жизни на собраніе онаго.

Употреблять благодѣяніе тамъ, гдѣ оно не нужно, есть неизвинительный безпорядокъ.

Убѣгать отъ самаго себя важнѣе, нежели убѣгать отъ льва.

Не можно полагаться на дружбу великихъ людей; потому что они при малѣйшемъ случаѣ перемѣняются.

Кто недобродѣтеленъ, тотъ не бываетъ богатъ.

Какимъ образомъ ты ищешь чужаго богатства, такимъ же образомъ ищутъ и твоего.

Обращайся между двумя врагами такъ, чтобъ они не имѣли причины на тебя жаловаться, естьли сдѣлаются твоими друзьями.

Когда дѣло съ одной стороны не получитъ успѣху, то прибѣгни къ другой, которая бы была для тебя выгоднѣе.

Власть надъ народомъ пріобрѣтается посредствомъ щедрости.

Не надобно отваживать свою жизнь на такое дѣло, которое можно деньгами исправить.

Чрезъ дружбу щастливаго друга можно сдѣлаться щастливымъ.

Не опасайся, когда враги твои несогласны; но убѣгай, когда увидишь, что они соединились между собою.

Кто принимаетъ отъ самаго себя совѣтъ, тому нуженъ и чужой совѣтъ.

Люди почитаютъ другихъ по мѣрѣ ихъ добрыхъ качествъ, совершенствъ и изящныхъ познаній.

Не полагайся на ласки твоихъ враговъ, и не гордись приписываемыми тебѣ отъ льстецовъ похвалами. Одни ставятъ для тебя сѣти, а другіе жаждутъ твоего имѣнія.

Тѣ, которые любятъ говорить, никогда ничего хорошаго не скажутъ, естьли имъ не дано будетъ знать, что они не хорошо говорятъ.

Не одобряй ни рѣчей своихъ ни мыслей, также не одобряй и разговора невѣжды.

Нетерпѣливость въ печали есть совершенство печали.

Кто, будучи въ благоденствіи, не дѣлаетъ добра, тотъ болѣе страждетъ въ напасти.

Кто со всѣми худо поступаетъ, тотъ въ нищетѣ своей не находитъ себѣ друга.

Здравіе несогласно съ распутствомъ.

Что легко пріобрѣтается, то не долговременно.

Молчаніе есть преизящное качество для невѣжды, но быть молчаливымъ не есть быть невѣждою.

Когда кто лучше тебя разсказываетъ, то не мѣшай ему, хотя ты и думаешь, что вещь лучше его знаешь.

Не смущайся, когда щастіе тебѣ неблагопріятно; но принаравливайся къ его упрямству.

Не разглашай о погрѣшностяхъ твоего ближняго; ты осуждая его, сдѣлаешь его презрительнымъ.

Когда ученый молчитъ, будучи между военнослужащими, то не удивительно. Барабанной шумъ заглушаетъ гармонію лютни.

Не

Не надобно полагаться на такого человѣка, котораго нравъ перемѣнчивъ.

Не надобно стыдиться спрашивать о томъ, чего не знаешь.

Не имѣть сокровищь, наполненныхъ златомъ и сребромъ, не есть нещастіе. Должно всегда искать сокровища бѣдности, довольствующейся тѣмъ, что имѣетъ. Тотъ, кто даровалъ Государямъ сокровища, даровалъ и бѣднымъ сокровище бѣдности.

Изъ всѣхъ болѣзней самая опаснѣйшая есть невѣжество; потому что нѣтъ лѣкарства, которымъ бы можно было ее излѣчить; нѣтъ свѣтильника, которой бы могъ разгнать ея мракъ; нѣтъ убѣжденій, чрезъ которыя бы можно было вывесть оное изъ заблужденія.

Изъ начальника сдѣлаться подчиненнымъ, и послѣ нѣжнаго и пріятнаго воспитанія быть подвержену худымъ поступкамъ, есть жестоко.

На тысящу пороковъ простаго человѣка не смотрятъ; но Владѣльца за одну только погрѣшность гонятъ изъ одной земли въ другую.

Кто извиняется въ своей погрѣшности болѣе нежели должно, тотъ самъ объ ней напоминаетъ.

Безъ причины не поступай худо съ своими слугами; ты ихъ не сотворилъ. Оставь свою гнѣвливость и вспомни, что у нихъ есть Господинъ болѣе тебя.

Противно благопристойности хулить всенародно.

Хорошей ходатай придаетъ просителю крылья.

Государи бываютъ для храненія и наблюденія законовъ, и хорошо наблюдаемые законы увеличиваютъ славу Государей.

Щедрость невѣжды походитъ на прекрасные цвѣты, на навозѣ выросшіе.

Уныніе гораздо несноснѣе терпѣнія.

Тотъ, у котораго просятъ, бываетъ свободенъ до тѣхъ поръ, пока не обѣщалъ.

Причина, заставляющая предпочитать свою землю другой, есть та, что почитаютъ себя въ ней безопаснѣе, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ.

Самый опасный врагъ есть тотъ, которой скрываетъ свои намѣренія.

Естьли кто выпрашиваетъ неприличное для себя, тотъ не можетъ отъ того получить никакой пользы.

Кто слушаетъ злорѣчивыхъ, тотъ самъ изъ числа оныхъ.

Желанїе владѣть чужимъ добромъ, есть крайняя подлость.

Благоразумїе въ Герояхъ должно предшествовать храбрости.

Трактаты, договоры и обѣщанїя бываютъ до тѣхъ поръ дѣйствительны, пока ихъ вѣрно хранятъ.

Безпорядочное желанїе никогда не достигаетъ того, чего жаждетъ.

Храбрые люди познаются въ опасныхъ случаяхъ; совѣстной человѣкъ при возвращенїи порученнаго ему закладу, а друзья въ нуждѣ.

Невольникъ своихъ страстей заслуживаетъ болѣе презрѣнїя, нежели невольникъ, за деньги купленной.

Завистливый всегда сердится на того, кто его не обидѣлъ.

Будь всегда смиренъ, въ какомъ бы ты ни находился состоянїи.

Ча-

Часто трудятся надъ тѣмъ, что вредно.

Въ какой бы ты ни вошелъ домъ, вездѣ управляй своими глазами и языкомъ.

Прежде начатія разговора подумай, что бы можно было тебѣ сказать.

Безъ надежды бываютъ свободны, а надежда есть неволя.

Въ двухъ случаяхъ надлежитъ наблюдать умѣренность, въ ѣдѣ и въ разговорѣ.

Человѣкъ ~~Другъ~~, основывающій дружбу свою на корыстолюбіи, походитъ на охотника, который сыплетъ зерна для собственной своей пользы, а не для того, чтобъ птицъ накормить.

Не доставляй прочимъ того, что почитаешь для себя невыгоднымъ.

Не объявляй своей тайны ни женщинамъ, ни молодымъ людямъ.

Тѣ нещастны и ненавистны, которые помышляютъ только о собраніи богатствъ. Они наконецъ умирая, оставляютъ оныя съ раскаяніемъ.

Не принимайся обучать тому, чему самъ не выучился.

Не говори много съ тѣми, которые выше тебя.

Тотъ, которому нижшїе не помогаютъ, побѣждается отъ вышшихъ его.

Смерть есть покой для бѣдныхъ.

Остерегайся въ путешествїи ѣхать напереди, не имѣвъ товарищей.

Поступокъ, которой въ самомъ дѣлѣ злой, но только по виду хорошъ, почитается только нѣкоторое время; но почтенїе къ поступку, истинно доброму, никогда не оставляется.

Часто Государи явно говорятъ о своихъ врагахъ съ презрѣнїемъ въ то время, когда они съ ними подъ рукою переговариваютъ о мирѣ.

Лучше итти ровными шагами и повременно отдыхать, нежели бѣжать и отъ того ослабѣвать.

Почто раскаяваться въ другой разъ въ такомъ поступкѣ, въ которомъ уже раскаявались?

Почто воображаютъ себѣ, что живутъ, когда живутъ отъ кого нибудь въ зависимости?

Почто заводить дружбу съ людьми, не имѣющими достоинства? Такїе люди не заслуживаютъ ни дружбы, ни ненависти.

Ока-

Оказывай другимъ справедливость, чтобъ и тебѣ ее оказывали.

Естьли желаешь, чтобъ достоинство твое было извѣстно, то познай и достоинство другихъ.

Естьли желаешь быть совершеннымъ, то не одобряй въ другихъ того, чего въ себѣ самомъ не одобряешь.

Пріятная шутка производитъ въ разговорѣ такоежъ дѣйствіе, какъ и соль въ говядинѣ; но колкая шутка раждаетъ отвращеніе.

Не шути съ своими подчиненными, чтобъ они не нарушили почтенія, которымъ они тебѣ обязаны; а съ равными себѣ, чтобъ не быть въ замѣшательствѣ, когда они станутъ платить за шутку шуткою.

Преизящнѣйшая изъ нравственныхъ добродѣтелей есть малое почитаніе самаго себя. Она имѣетъ ту выгоду, что ни отъ кого не навлекаетъ на себя зависти.

Не давай никогда совѣта, когда у тебя онаго не требуютъ, особливо тѣмъ, которые не хотятъ онаго слушать.

Го-

Говори хорошее, и услышишь хорошее.

Не истощай благодѣяній своихъ на тѣхъ, которые не имѣютъ никакого добраго качества; это тоже, какъ бы ты посѣялъ на безплодныхъ поляхъ.

Естьли не имѣешь у себя ученаго, отъ котораго бы могъ научиться, то научайся отъ невѣждъ, примѣчая ихъ погрѣшности для избѣжанія оныхъ.

Невѣжда не есть человѣкъ, а ученый безъ добродѣтели не есть ученый.

Сдѣлай себя почтеннымъ черезъ славу говорить истинну, чтобъ подумали, естьли нужда заставитъ тебя сказать ложь, что ты правду сказалъ.

Пріятная ложь предпочтительнѣе невкусной истинны.

Человѣку должно говорить, потому что слово отличаетъ его отъ скотовъ; но говоря долженъ онъ знать, что говоритъ, чтобъ знали, что онъ человѣкъ разумной.

Говори то, что знаешь, въ свое время; но не говори того не во время, чтобъ не обезчестить знаніе.

Въ собраніяхъ не шепчи ни съ кѣмъ, хотя бы ты имѣлъ сказать что и хорошее; пото-

потому что люди естественно не довѣряютъ другъ другу.

Хотя бы ты былъ и ученъ, но думай, что ты невѣжда, чтобъ себя не лишить выгоды научиться.

Хотя бы тотъ, кто много говоритъ, и былъ впрочемъ разуменъ; однакожъ люди почитаютъ его всегда за нескромнаго и говоруна.

Какія бы ты ни имѣлъ совершенства, но не хвастайся ими; тебѣ по твоимъ словамъ въ томъ не повѣрятъ.

Не переставай слушать, потому что слушая другихъ, научаются говорить.

Находящіеся у Государей въ милости! какъ можете вы спать покойно?

Для чего не называютъ врагомъ того, которой видя, что съ его благодѣтелемъ худо поступаютъ, не защищаетъ его?

Можно хорошо жить безъ брата, но не безъ друга.

Какихъ бы ты ни имѣлъ друзей, но самъ не предавайся безпечности. Хотя бы ты имѣлъ оныхъ тысячу, но ни одинъ не любитъ тебя болѣе, нежели какъ ты обязанъ любить себя самаго.

Какъ

Какъ Государи превышаютъ всѣхъ, то должно, чтобъ ихъ слова и поступки превосходили также всѣхъ, и чтобъ они могли по справедливости прославиться величїемъ.

Качество разумнаго человѣка состоитъ въ трехъ вещахъ: дѣлать самому то, что совѣтуетъ дѣлать другимъ, не дѣлать ничего противъ справедливости, и сносить погрѣшности своего ближняго.

Величайшая изъ обязанностей есть обязанность ученика къ учителю.

Сила состоитъ не въ томъ, чтобъ повергнуть врага своего на землю; но въ томъ, чтобъ укротить гнѣвъ его.

Не радуйся ни чьей смерти, потому что ты не всегда будешь жить, но также какъ и прочїе умрешь.

Кто бываетъ другомъ добрыхъ, тому нечего бояться злыхъ.

Двѣ вещи причиняютъ горесть; печальный другъ и веселящїйся злодѣй.

Не имѣй связи съ осьмью человѣками; съ завистливымъ, съ тѣмъ, кто не имѣетъ къ тебѣ уваженїя, съ невѣждою, съ глупымъ, со скупымъ, съ обманщикомъ, съ подлымъ и съ клеветникомъ.

Жизнь есть сонъ, а смерть есть время возстанія, и человѣкъ шествуетъ между ими обѣими на подобіе привидѣнія.

Щедрый человѣкъ есть сосѣдъ Божій, сосѣдъ человѣческій, сосѣдъ рая и далеко живущій отъ огня и ада.

Какое бы ты ни сдѣлалъ женѣ добро, какъ бы долго ты ни питалъ ее хлѣбомъ и солью; но по смерти твоей, прежде еще погребенія твоего трупа, она начинаетъ уже помышлять о другомъ замужствѣ.

Ненависть между родственниками хуже уязвленія скорпіона. Боль, причиняемая уязвленіемъ скорпіона, непродолжительна, но ненависть между родственниками безконечна.

Средство отъ скуки въ хорошихъ обществахъ состоитъ въ томъ, чтобъ въ оныхъ говорить что либо хорошее, или молчать и слушать другихъ.

Добрый совѣтъ дѣйствуетъ гораздо болѣе сабли; имъ можно цѣлую армію истребить, а саблею много, естьли лишатъ жизни сто враговъ.

Воронъ

Воронъ скорѣе побѣлѣетъ, нежели ученымъ сдѣлается тотъ, кто старается научиться безъ упражненія.

Кто хочетъ жениться безъ денегъ, тотъ походитъ на охотника, которой хочетъ поймать оленя безъ собакъ; и кто дѣлается набожнымъ безъ науки, тотъ походитъ на бумагу, на которой ничего не написано.

Лѣтомъ желаютъ зимы, а когда зима наступитъ, то ее проклинаютъ. И такъ справедливо, что человѣкъ не можетъ быть доволенъ однимъ состояніемъ.

Въ свѣтѣ почитаютъ тѣхъ, которые не заслуживаютъ почтенія, а достойныхъ людей въ немъ презираютъ; но свѣтъ подобенъ морю, у котораго на днѣ бываетъ жемчужина, а по верху плаваетъ мерзость.

Не удивительно ли то, что вино дѣлаетъ скупца щедрымъ?

Естьли пьяницъ извиняютъ; то любовники не менѣе заслуживаетъ извиненія въ ихъ восторгахъ.

Свѣтъ подобенъ постоялому двору, гдѣ путешественникъ нынѣ стоитъ, а на другой день изъ онаго уѣзжаетъ.

Кто не имѣетъ денегъ, тотъ подобенъ птицѣ безъ крыльевъ, и кораблю безъ парусовъ.

Шутка хороша, но не надобно, чтобъ она выходила изъ границъ честности.

Не затворяй своихъ дверей для тѣхъ, которые хотятъ войти, и не отказывай въ своемъ хлѣбѣ тѣмъ, которые хотятъ ѣсть.

Воля Божїя разрушаетъ человѣческую волю.

Дѣлая ближнему добро, дѣлаешь оное Богу.

Бери примѣръ съ чужихъ нещастїй, чтобъ другїе не брали примѣру съ твоихъ.

Женщинамъ предоставлено говорить, а мущинамъ дѣйствовать.

Хотя врагъ твой кажется тебѣ не болѣе муравья, однако почитай его за слона.

Ѣшь и пей съ твоими друзьями, но ни имъ ничего не продавай, ни отъ нихъ ничего не покупай.

Говорить съ безумнымъ тоже, что и не говорить съ нимъ. Чѣмъ болѣе ты будешь ему говорить, тѣмъ болѣе причинишь себѣ печали.

Всякой

Всякой долженъ говорить о томъ, что касается собственно до него, а не до другихъ.

Лучше совсемъ не говорить о такихъ вещахъ, о которыхъ не можно воспоминать безъ печали.

Не требуй и не желай невозможнаго.

Научись постоянно сносить перемѣны счастія.

Всякая ночь производитъ что нибудь новое, но не знаютъ, чему должно разцвѣсть прежде солнечнаго восхожденія.

Прекрасная женщина и вино суть сладкіе яды.

Въ какое бы мѣсто ни пришелъ въ вечеру бѣдный, вездѣ находитъ себѣ палаты для ночлегу.

Сто воровъ не могутъ обокрасть нагаго бѣдняка.

Человѣкъ такимъ же образомъ возвращается, какъ и пришелъ.

Чѣмъ болѣе что запрещено, тѣмъ болѣе возбуждаетъ желаніе.

Кто хочетъ имѣть друга безъ погрѣшностей, тотъ остается безъ друзей.

Не сообщай никому о томъ, что тебѣ должно сдѣлать; потому что будутъ надъ тобой смѣяться, естьли ты въ томъ не успѣешь.

Спокойствіе въ семъ и въ будущемъ свѣтѣ зависитъ отъ двухъ вещей: отъ согласнаго житія съ своими друзьями, и отъ притворства съ своими врагами.

Кто не заботится уже о жизни, тотъ говоритъ все то, что у него на сердцѣ.

Почтеніе и учтивость между друзьями должны быть съ обѣихъ сторонъ.

Глупой съ глупости своей дѣлаетъ то, что мудрый дѣлаетъ по разуму.

Желаніе жизни отвращаетъ отъ великихъ и хорошихъ предпріятій, заставляя привыкать къ праздности и лѣности.

Какъ бы кратка была жизнь наша, естьли бы надежда ее не увеличивала?

Тотъ только человѣкъ въ свѣтѣ можетъ по истиннѣ назваться человѣкомъ, который никому себя не ввѣряетъ.

Средство, чтобъ говоря не дѣлать погрѣшностей, состоитъ въ молчаніи.

Оберегайся своего врага; но вдвое оберегайся твоего друга.

Надежда есть удивительная подруга; естьли она не всегда доводитъ до желаемаго, то по крайнѣй мѣрѣ прiятно быть съ нею.

Кто ловитъ жемчугъ, тотъ опускается въ море, а кто жаждетъ великости, тотъ проводитъ ночи во бдѣнiи.

Кто хорошо знаетъ то, чего ищетъ, не взираетъ на долженствующiя ему встрѣтиться опасности, прежде нежели то сыщетъ.

Щедрость для женщинъ столь же предосудительна, сколько для мущинъ скупость.

Великiя души являются тогда въ обществѣ, когда онѣ имѣютъ чемъ дѣлать добро; но будучи въ бѣдности, скрываются и никого не безпокоятъ прозьбою.

Когда увидишь бѣднаго у дверей богатаго, сожалѣй какъ о жребiи бѣднаго, что имѣетъ нужду въ богатомъ, такъ и о жребiи богатаго, что онъ привязанъ къ богатству. Но когда увидишь богатаго у дверей бѣднаго, то благословляй какъ бѣднаго, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ нужды, такъ и богатаго за оказываемую имъ честь бѣдному.

Долгїе разговоры наводятъ скуку и сонъ на самыхъ терпѣливыхъ и на самыхъ разумныхъ людей.

Разсмотри, во что ты влюбленъ; это кожа, которая покрываетъ кровь и кости.

Кто хочетъ сдѣлаться знатнымъ господиномъ, тотъ получаетъ желаемое при дворѣ Государей.

Три вещи доставляютъ къ Государямъ доступъ; изящныя науки, богатство и краснорѣчїе.

Не благоразумно шествовать по неизвѣстному пути.

Три вещи дѣлаетъ правленїе Государей прїятнымъ: удобной къ нимъ доступъ, правосудїе и щедрота.

Невѣжество въ разсужденїи всѣхъ людей несправедливо.

Сказка дѣлается стара съ перваго разу, когда ее разсказали.

Въ такое время, въ какомъ мы нынѣ находимся, оказывать то, что знаешь, и къ чему имѣешь способность, есть тоже, что и бросать жемчугъ нарочно, чтобъ его потерять.

Не жалуйся на свѣтъ, потому что какого добра можно отъ него ожидать? Естьли сами Государи въ немъ страждутъ, то какое спокойствіе найдетъ бѣдный? Когда же желаешь покою, то ищи онаго въ уединеніи.

Добродѣтельный защищаетъ и хранитъ добродѣтель также, какъ и алмазъ полируетъ алмазъ; и добродѣтель защищаетъ тотъ, кто ее хвалитъ и скрываетъ погрѣшности.

Въ свѣтѣ нѣтъ добродѣтели; медъ изъ нее высосали, о астались въ немъ однѣ вощины.

Тотъ изъ друзей, который дѣлаетъ церемоніи, не столько достоинъ почтенія.

Можно бы было жить щастливо, естьли бы церемоніи не дѣлали въ томъ препятствія.

Съ чужестранцами надлежитъ имѣть церемоніи, но между друзьями должно оныя изгнать.

Не столь досадно быть больну, сколько ходить за больнымъ.

Каждой по его чину долженъ сносить свои досады, и никто изъ сего не исключенъ.

 Чело-

Человѣкъ долженъ быть твердъ и постояненъ какъ камень, а не такъ легокъ и перемѣнчивъ, какъ вѣтръ.

Кротость есть соль добрыхъ нравовъ и изящныхъ качествъ.

Терпѣніе есть столпъ, поддерживающій благоразуміе.

Честная жена любитъ своего мужа, и хотябъ дурна была, но составляетъ украшеніе его дома.

Сколько бы ни былъ бѣденъ мужъ, но щастливъ какъ Государь, когда жена его разумна и покорна.

По мнѣнію мудрецовъ должно убѣгать отъ брака съ женщинами пяти родовъ: Съ женщиною, у которой есть дѣти отъ другаго мужа, съ женщиною, которая богатѣе тебя, съ женщиною, которая тужитъ по первомъ своемъ мужѣ, съ женщиною, которая злословитъ своего мужа въ его отсутствіе, наконецъ съ такою женщиною, которая имѣетъ красоту, но низкой породы.

Лгуны всегда клянутся.

Благородные и честные люди бываютъ друзьями въ высочайшей степени; но друж-

ба такихъ людей, которые родились и живутъ въ низкости, непостоянна.

Невинные говорятъ смѣло.

Кто не имѣетъ завистниковъ, тотъ не имѣетъ и хорошихъ качествъ.

Не одобряй въ другихъ того, чего въ себѣ не одобряешь.

Убѣгай обращенія съ тѣми, которые обижаютъ другихъ.

Опасно быть подлѣ огня, чтобъ не ожечься.

Дѣлать злымъ добро, тоже что дѣлать добрымъ зло.

Терпѣніе есть лучшій въ свѣтѣ щитъ для огражденія себя отъ безчестія.

Въ свѣтѣ не можно найти удовольствія, потому что онъ исполненъ горестей.

Лѣтомъ должно трудиться для пріуготовленія запасу, чтобъ зимою жить спокойно.

Хотя и нѣтъ такихъ удовольствій, которыми бы не можно было наслаждаться въ обладаніи самимъ собою; но не смотря на то, порабощаютъ себя плотскимъ удовольствіямъ.

Небольшія распри между друзьями иногда утверждают дружбу.

Учить злаго тоже, что давать убійцѣ саблю въ руки.

Злая душа способна къ сдѣланію такого зла, о какомъ только подумать можно.

Причина, по которой Придворные отдают Государямъ почтеніе съ толикимъ усердіемъ и съ толикою преданностію, есть та, что знают, что чрезъ то достигнут до того величія, котораго они жаждут.

Блескъ и величіе такого Государя, которой ищет для себя увеселеній и особливаго удовольствія, чувствуя что его подданные бѣдны, скоро помрачаются.

Надежда слѣдует за отчаяніемъ такъ, какъ ясность послѣ темной ночи.

Когда невѣжда занимает почетное мѣсто, тогда заблужденіе бывает такъ велико, что не допускает ученаго приближиться къ той храминѣ, гдѣ онъ засѣдает.

Въ какомъ бы то ни было состояніи, даже въ совершенной бѣдности, красота имѣет ту особливость, что привлекает глаза всѣхъ людей.

Наука

Наука имѣетъ такое преимущество, что тѣ, которые ее знаютъ, управляютъ своими начальниками.

Не должно хвалиться ни богатствами, ни знаніями; но быть учену, добродѣтельну и добронравну.

Порочный ученый есть великое безчестіе, но глупый Дервишь есть еще нѣчто худшее; какъ тотъ, такъ и другой проповѣдуютъ вѣру, которую они не знаютъ, и которой не уважаютъ.

Человѣкъ, который имѣя разумъ совѣтуется съ другими, есть несовершенный человѣкъ, но тотъ, которой не имѣя онаго, не пріемлетъ совѣту, не есть человѣкъ.

Не освѣдомляйся о томъ, съ кѣмъ хочешь завесть дружбу, но о томъ, кто его другъ; потому что всякой легко послѣдуетъ по стезямъ своего друга. Естьли онъ золъ, то не показывай, что его удаляешься; но естьли добръ, то прилѣпись къ нему, и самъ сдѣлаешься добрымъ.

Не обходись съ лѣнивымъ; злой легко повреждаетъ добраго. Огонь отъ близкаго пеплу превращается также въ пепелъ.

Вели-

Величайшій долгъ есть тотъ, которымъ обязаны учители, и его должно прежде всего заплатить и при томъ щедро, не столько для того, чтобъ не быть должнымъ, а болѣе изъ почтенія къ его особѣ.

Наука въ разсужденіи высокомѣрныхъ тоже, что вода въ разсужденіи возвышенныхъ мѣстъ; потому что какъ водѣ несвойственно до того возвышаться, такъ и наукѣ достигать до высокомѣрныхъ.

Желать быть ученымъ безъ труда, есть одно изъ множества разнаго рода находящихся въ свѣтѣ глупостей.

Кто ночь въ трудахъ проводитъ, тотъ веселится по утру.

Какой стыдъ! какое безчестіе! какія печали причиняетъ человѣку одна осудительная праздность.

Кто обучаетъ и не исполняетъ того, чему учитъ, подобенъ курицѣ, которая имѣвъ крылья не лѣтаетъ.

Богатства, за которыми ты столь неутомимо гоняешься, походятъ на тѣнь, за тобою слѣдующую, которая, когда ты за ней гонишься, отъ тебя убѣгаетъ, когдажъ ты ее убѣгаешь, тогда она за тобою слѣдуетъ.

Уче-

Ученый долженъ быть доволенъ своимъ состоянїемъ, каковобъ оно ни было, чтобъ изобилїе не отяготило и не смутило его духа. Ручей получаетъ изъ своего источника чистыя воды; но какъ скоро выдетъ изъ береговъ, то дѣлается мутенъ.

Время есть не иное что, какъ скорый путь, ведущїй насъ безпрестанно, противу воли нашей, къ смерти; и мудрые удивляются тому, что путешественникъ идетъ по сему самому пути въ то время, когда онъ бываетъ въ покоѣ.

Ты, который при рожденїи твоемъ плакалъ въ то время, когда друзья радовались и веселились, собери силы твои, чтобъ тебѣ радоваться и веселиться въ часъ твоей смерти, когда они будутъ плакать.

Сноси терпѣливо всѣ нападки отъ твоихъ завистниковъ; ты терпѣнїемъ своимъ изнуришь ихъ. Такимъ образомъ и огонь истребляется, когда ему бываетъ нечего поядать.

Естьли хочешь сражаться съ непрїятелемъ безъ оружїя, обременить его печалїю и привесть въ бѣшенство, то презирай его,

испол-

исполняй добродѣтель; сїи средства умертвятъ его жесточаѣ всякаго оружїя.

Какое бы старанїе ни употребляли о удаленїи причинъ къ злословїю; но никто не можетъ защититься отъ языка людей. Они называютъ молчаливаго нѣмымъ, того, кто не расточаетъ своего имѣнїя, скупымъ, того, кто оказываетъ щедрость своими богатствами, расточителемъ. И такъ пусть они говорятъ, что хотятъ, а ты бойся только суда Божїя.

Не презирай никого, въ какомъ бы онъ ни былъ низкомъ состоянїи. Щастїе можетъ его возвысить, а тебя унизить.

Въ то время, когда щастїе тебѣ благопрїятствуетъ, и когда ты повелѣваешь другими, веди себя благоразумно, потому что скоро все оставишь. Разсуждай о тѣхъ, которые были прежде тебя, представь себѣ цѣлыя монархїи; все прошло, и изъ всего бывшаго ничего не осталось, кромѣ слѣдовъ добродѣтели.

Память изчезаетъ, но написанное остается.

Не

Не сокращай длинныхъ ночей сномъ, и не продолжай дня, которой столь краток, пороками.

Мы видимъ умирающими съ голоду тѣхъ, которые имѣютъ изящнѣйшія качества, а самыхъ недостойныхъ въ избыткѣ, и высокіе умы, которые не познали тому причины, перешли на сторону послѣднихъ.

Какой превратъ причиняетъ время! Нравы испортились, во всемъ царствуетъ непостоянство. Сіе самое бываетъ съ тѣнью на берегу пруда, гдѣ голова, благороднѣйшая часть, обращена бываетъ къ низу, а ноги, хотя и гнуснѣйшая часть, берутъ верьхъ.

Свѣтъ лишился разума и оказываетъ милости тѣмъ, которые ему подобны. Горе имъ, естьли свѣтъ когда нибудь образумится.

Естьли бы наука безъ истиннаго Богопочитанія была почтенна, то ничто бы не было почтеннѣе демона.

Удаляйся отъ Государей и отъ ихъ гнѣва, и не оказывай почтенія тѣмъ, которыхъ слова исполняются, какъ скоро ихъ произнесутъ.

Для достиженія совершенной премудрости, не должно ни много ѣсть, ни много пить, ни много говорить.

Ничто такъ не похоже на великаго говоруна, какъ зимняя долгая и холодная ночь.

Всѣ пороки получаютъ начало свое отъ зрѣнія, такъ какъ и великой огонь возгарается отъ искры.

Хорошая книга есть лучшій другъ. Разговаривать съ нею пріятно, когда нѣтъ у тебя другаго, на котораго бы ты могъ положиться. Она не открывая твоихъ таинъ, научаетъ тебя мудрости.

Тѣло тучнѣетъ отъ сна; но разумъ изощряется отъ бдѣнія.

Кто привязывается къ пустому, тотъ самъ отъ себя теряетъ полезное.

Чѣмъ кто разумнѣе, тѣмъ менѣе говоритъ; и по тому справедливо, что великой говорунъ не имѣетъ разума.

Никто изъ тѣхъ, которые требуютъ совѣта, не бываетъ обманутъ, и дѣла его имѣютъ доброй успѣхъ.

Чрезъ терпѣніе достигаютъ до всего; но это такая добродѣтель, которую м... людей исполняютъ, а при томъ и рѣдко.

Ве

Великая крѣпость оказывается въ одинъ часъ терпѣнія.

Никто столь неученъ, чтобъ не могъ быть кто ученѣе его.

Разсуждай, и поймешь.

Слова подобны стрѣламъ, устремленнымъ къ цѣли, прежде нежели ихъ къ оной пустятъ.

Наука есть наслѣдство человѣка; онъ долженъ ее примать вездѣ, гдѣ ни найдетъ, а все прочее оставлять, какъ такое, на что онъ не имѣетъ права.

Любовь къ богатству есть болѣзнь; просить милостину значитъ тоже, что и лежать при послѣднемъ издыханіи, а получить отказъ, есть самая смерть.

Ищутъ богатствъ и ихъ не находятъ; но удивительное дѣло, что при концѣ жизни ихъ находятъ, хотя ихъ и не ищутъ.

Ученому не столь бы было досадно, употребить ногти свои на полировку мармора, кусать зубами наковальню, путешествовать безпрестанно по морю, отправиться въ Мекжу, не имѣя что ѣсть на дорогѣ, итти на Кавказскую гору и принесть съ оной камень

во

во сто фунтовъ, какъ видѣть хотя издали лицо невѣжды.

Тотъ, кто недоволенъ тѣмъ, что имѣетъ достаточное пропитанiе, не знаетъ Бога, и Его не почитаетъ.

Мудрость и мужество ни къ чему не служатъ, когда щастiе насъ оставляетъ.

Щастiе идетъ къ человѣку съ оковами на ногахъ; но когда оно уходитъ отъ него, то при быстромъ побѣгѣ ихъ разрываетъ.

Когда Государь проводитъ дни и ночи въ игрѣ, то его Государство наполнится нещастiями и войнами.

Между людьми нѣтъ ничего горьчае потери друзей.

Гдѣ Государи? гдѣ прочiе люди? Они прошли тѣмъ же путемъ, какимъ и ты идешь. Ты, которой предпочитаешь изчезновенiю подверженный свѣтъ всему прочему, и щастливцами называешь тѣхъ, которые сдѣлали такой же выборъ, какой и ты, возми отъ сего свѣта то, что нужда заставляетъ тебя взять, т. е. смерть есть послѣдняя онаго минута.

Не произноси безчестныхъ словъ; естьли ты оныя услышишь, то думай о дру-

гомъ

томъ и притворись, какъ будто бы ты оныхъ не слыхалъ.

Свѣтъ подобенъ постоялому двору, въ которой принимаютъ путешественника. Тотъ, кто не рачитъ о заготовленіи запасу, въ которомъ имѣетъ нужду для продолженія пути, глупъ.

Не давай себя обольщать множеству; потому что будешь одинъ, когда умрешь, и будешь давать отчетъ.

Размышляй о томъ, откуда ты пришелъ, куда должно тебѣ итти, и гдѣ должно тебѣ остаться вѣчно.

Богатство состоитъ въ довольствѣ, а не въ излишествѣ.

Какъ огонь возгарается съ дровами, такъ и война отъ словъ возбуждается.

Хула, въ которой злословіе не можетъ извиниться, состоитъ въ помраченіи истинны.

Не удивляйся видя добродѣтельныхъ людей въ напастяхъ и презрѣніи, и что достоинства занимаютъ тѣ, которые оныхъ не заслуживаютъ. Раскрой глаза и разсмотри, что безчисленное множество звѣздъ никогда не теряютъ своего свѣта, и что

небо обращается только для того, чтобъ показывать то затмѣніе Луны, то затмѣніе Солнца.

Признавай Бога, удерживай свой языкъ, преодолѣвай свой гнѣвъ, старайся пріобрѣтать познанія, будь твердъ, не дѣлай зла, знайся съ добрыми людьми, скрывай слабости ближняго своего, помогай бѣднымъ, и ожидай за все сіе въ награду вѣчности.

Конецъ.